

БОЗРЕВАТЕЛЬ OBSEVER

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

Социальная сфера как объект национальной безопасности

Я.ПЛЯЙС

В.СОБОЛЕВ

Особенности модернизации России

Противодействие терроризму в XXI веке

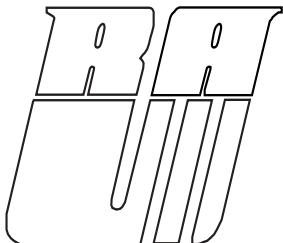
Г.ЛОКШИН

В.ШТОЛЬ

Вьетнам:
время важных решений

О новой стратегической концепции НАТО

Балканы – ахиллесова пятая
евро-атлантической безопасности

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSEVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Особенности современной модернизации России	6
--	---

Я.Пляйс

В статье говорится об особенностях современной российской модернизации, роли внутренних и внешних факторов в ее реализации.

Противодействие терроризму в XXI веке	20
--	----

В.Соболев

В статье на фактах раскрывается идеология и практика проявления современного терроризма в мире; проблемы транснационального финансирования терроризма и идеологическая борьба с терроризмом; меры и направления государственной системы в противодействии терроризму и обеспечения антитеррористической безопасности в России.

Террористы-смертники в России	31
--------------------------------------	----

В.Журавель

Терроризм становится устойчивым и опасным фактором общественной жизни, остается самой большой угрозой для человечества в XXI в. Об этом свидетельствуют как статистика, так и география террористических проявлений в последнее время. Сложность этих процессов зримо проявляется и в России, особенно на Северном Кавказе. В последнее время международным террористическим интернационалом стали активно применяться «террористы-смертники». Их подготовка и практическое использование имеет свои специфические формы и особенности.

Социальная сфера как объект национальной безопасности

39

В.Макаров

В статье отмечается, что успех модернизации страны в современных условиях невозможен без учета социальных факторов реформ. Поэтому важно сегодня осознать социальные аспекты, детерминирующие национальную безопасность. При этом социальная сфера выступает как объект национальной безопасности государства. Обеспечение национальной безопасности самым непосредственным образом связано с тем, что общество объективно заинтересовано в том, чтобы состояние и развитие социальной сферы служило возвышению личности, утверждению социального партнерства, межнационального согласия и гражданского мира.

О новой стратегической концепции НАТО

47

В.Штоль

17 мая 2010 г. Совету НАТО был передан доклад группы экспертов альянса с предложениями по новой стратегической концепции блока «НАТО 2020: гарантированная безопасность, динамичная вовлеченность», в котором обосновывается необходимость создания новой концепции и содержатся рекомендации по основным проблемам его глобальной политики, военного строительства и военно-политической деятельности.

В публикуемой статье рассматриваются, в частности, рекомендации по дальнейшей трансформации военных возможностей альянса, усиления его военного потенциала, включая наращивание возможностей для силового вмешательства в районах земного шара, отстоящих на многие тысячи километров от границ НАТО.

Балканы – ахиллесова пятя евро-атлантической безопасности

57

А.Абашидзе, А.Солнцев

В 1995 г. на военной базе США были заключены Дейтонские соглашения, определившие мир и безопасность Балкан. При этом ООН и европейские институты молчаливо согласились с предложенной США новой парадигмой развития европейского региона. Спустя почти 15 лет Европейский суд по правам человека признал, что Конституция Боснии и Герцеговины, являющаяся частью Дейтонских соглашений, противоречит международному праву.

Выборы-2009 в бундестаг ФРГ

66

Маттес Бубе

В статье проводится анализ выборов в немецкий бундестаг осенью 2009 г. с учетом партийной системы Федеративной Республики Германия. В заключительной ее части дается краткий обзор прогнозируемого развития немецко-российских отношений на ближайшие годы.

Вьетнам: время важных решений

80

Г.Локшин

В статье рассматривается внутреннее и международное положение Вьетнама накануне намеченного на январь будущего года XI Съезда правящей Коммунистической

партии. Анализ касается как больших достижений страны за 30 лет проведения политики открытости и обновления, так и основных вызовов, с которыми она сталкивается в настоящее время. Автор в целом придерживается мнения, что Социалистическая Республика Вьетнам медленно, но верно эволюционирует в направлении хорошо известного в Восточной Азии типа политической системы, успешно созданной в Сингапуре.

Приватизации по-бразильски

91

И.Мамий, С.Кожанова

Авторы анализируют методы поэтапной смены отношений собственности в Бразилии, начиная с 1991 г. За первые 10 лет реформ приватизация принесла государству около 90 млрд. долл. чистых доходов и более 18 млрд. долл. в виде передачи государственных долговых обязательств.

По этим показателям бразильская программа приватизации является одной из крупнейших программ в мире. Основные условия на первом этапе реформ были направлены на решение проблем аграрного сектора.

Борьба с голодом рассматривалась как условие национальной безопасности и как важнейшая цель социально-экономического прогресса страны.

Приватизация как часть экономических реформ извешенные политические шаги правительства обеспечили подъем и модернизацию экономики. Программы приватизации государственных предприятий постепенно эволюционировали в направлении реформирования энергетического комплекса. В настоящее время Бразилия не только независима от импорта углеводородов, но и сама становится крупнейшим экспортёром продуктов нефтепереработки.

Исторические реалии Фукидida о проблеме войны

101

П.Цыганков

Крупнейшие события современной мировой политики свидетельствуют о том, что в числе ее основных движущих сил продолжают оставаться традиционно присущие государствам интересы. Поэтому и сегодня сохраняет свою актуальность теоретическое наследие основоположника исторического реализма – античного мыслителя Фукидida. Умеренность и осторожность в международной политике; соблюдение договоров и соглашений; сохранение справедливого равновесия сил; отказ от внушающего соседям страха, стремления к превосходству в могуществе и от принуждения с этой целью к союзу с собой более слабых; забота о недопущении внутренних распреи и наиболее радикальных (однопартийных) форм государственного правления – лишь некоторые из уроков для достижения международной безопасности, которые вытекают из анализа Фукидida.

Геополитические особенности российских регионов в межцивилизационном измерении

113

Э.Садыкова

Статья посвящена проблемам российских регионов в контексте межцивилизационного диалога в полигнической и многоконфессиональной России. Автор исследует влияние геополитических особенностей российских регионов на участие страны в современном диалоге цивилизаций.

В статье показано значение цивилизационного диалога внутри государства как важного мобилизующего фактора стабильности России и укрепления ее ведущей роли в межцивилизационном сотрудничестве в эпоху глобальных трансформаций.

Рецензии

«Битва за Кавказ» Михаила Александрова: в ожидании новых баталий

119

А.Арешев

Это – подробная рецензия на книгу «Битва за Кавказ» заведующего отделом Института стран СНГ, доктора политологии М.В.Александрова о противоборстве России и Запада в Закавказье в 2004–2008 гг. Рецензент рассматривает структуру книги, оценивает качество приводимых материалов, анализирует основные выводы автора, касающиеся стратегии НАТО в Закавказье, положения Грузии, Армении и Азербайджана, российских интересов в регионе и политики Москвы в конфликтных точках Южного Кавказа. Соглашаясь в целом с позицией автора, рецензент не ограничивается простой констатацией фактов и дает собственные интересные оценки по некоторым ключевым проблемам региона.

Международная защита прав человека

123

А.Берков

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, оказывают значительное воздействие на международную защиту прав человека. Вторая половина XX в. и начало XXI в. характеризуются принятием основных международных договоров в этой сфере и утверждением целого ряда международных органов, некоторые из которых принимают обязательные для государств решения. Они ограничивают их суверенитет и сужают сферу внутренней юрисдикции.

Растущее значение международного регулирования прав человека не означает, что роль государства отодвинута на задний план. Она становится значительно сложнее в условиях глобализации. Эти вопросы и рассматриваются в книге В.А.Карташкина «Права человека: международная защита в условиях глобализации».

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; НОВИКОВ Ю.Д. – зам. гл. редактора; АБАШИДЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯЙС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ХМЫРОВ Ю.Н., ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
- БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве России, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП НИКИЭТ им. Н.А.Доллежаля, доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии geopolитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Госдумы ФС РФ, председатель комитета по культуре
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- МУРАДОВ Г.Л. – руководитель департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, председатель правления фонда международного сотрудничества им. Юрия Долгорукова, кандидат исторических наук
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
- ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
- ПРИМАКОВ Е.М. – президент ТПП России, академик РАН
- СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Особенности современной модернизации России

Яков Пляйс

Различия в подходах к современной российской модернизации

После публикации 11 сентября 2009 г. в ведущих центральных газетах¹ статьи Президента России Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» и обнародовании 12 ноября того же года его Послания Федеральному Собранию Российской Федерации в печати появилось огромное количество материалов различного содержания и тональности. Большинство авторов одобряет не только саму идею системной модернизации России, но и те задачи, которые для этого надо решить.

Немало авторов, однако, весьма скептически относится как к самой идее модернизации, так и к возможности осуществить ее в современной России. Для примера сошлись на две-три

декабрьские (2009 г.) публикации из этой серии.

Начну со статьи известного публициста и философа А.С.Ципко «Можно ли модернизировать хромую лошадь?», опубликованной в «Независимой газете» 16 декабря 2009 г. под рубрикой «карт-бланш».

«Пока у нас нет самого главного для какой-либо модернизации, – считает Ципко, – не только способности и потребности к самосовершенствованию, о чем все время говорит Дмитрий Медведев, но и элементарной самодисциплины, самоконтроля, без которых человек не может жить и работать в условиях техногенной цивилизации».

По убеждению Ципко, российская элита, «у которой все самое главное в жиз-

ПЛЯЙС Яков Андреевич – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: prof.pleis@politwiss.de.

Ключевые слова: современная российская модернизация, внутренние и внешние факторы.

ни – и сам, и дети, и деньги – там, за границей», тоже ничего не может сделать для модернизации страны. «Самое страшное и самое трагическое, – пишет он, – состоит в том, что на самом деле у нас нет субъекта перемен, нет ни узкой, ни массовой политической силы, которая бы всерьез стремилась к облагораживанию нашей убогой российской жизни.

Многочисленные тексты, посвященные рассуждениям о грядущей модернизации, – это на самом деле не всерьез, это дымовая завеса: или для проявления лидера «модернизационного меньшинства», или для прикрытия уже начавшейся борьбы за президентство 2012 г. Но на самом деле нет ни у кого ни сил, ни желания выпечить нашу хромую лошадь и наконец-то поставить ее на ноги.

Даже так называемые модернизаторы на самом деле не хотят ни демократии, ни подлинно свободных альтернативных выборов. Они на самом деле хотят, чтобы именно их кумир, их лидер приобрел решающие высоты накануне решающей схватки за власть. Грустно, но у нас в России, к сожалению, по-другому, по светлому и радостному бывает очень редко»*.

Для полноты картины к приведенным цитатам Ципко добавлю еще одну, также имеющую принципиальное значение. «Рискну утверждать, – пишет он, – что так называемое «путинское консервативное большинство», которое действительно боится перемен, обладает куда большим здравым смыслом, более развитым инстинктом самосохранения, чем идеологи «модернизационного меньшинства».

Другим достаточно скептически настроенным по отношению к нынешней российской модернизации является член-корреспондент РАН К.И.Микульский.

В пространной концептуальной статье «Шанс на обновление», опубликованной в той же «Независимой газете» 23 декабря 2009 г. он пишет, что «перспективы модернизации остаются туманными, не определены достаточно конкретно контуры экономического будущего страны и тем более пути продвижения к нему».

По мнению этого автора, модель устройства общественной жизни, созданная за 1990-е и 2000-е годы, противоречит «задаче подъема экономики и продвижения к социальному благополучию», а «все намеченные шаги в направлении модернизации говорят скорее об ориентации на возвращение к докризисному состоянию экономики, но не ее инновационному развитию», что «утверждаясь в России в настоящее время общественная модель не только существенно затрудняет модернизацию экономики, но и, по большому счету, отодвигает ее реализацию на неопределенное время», что многие «пороки российской общественной системы делают сомнительной возможность эффективных усилий по модернизации экономики»

Нет смысла продолжать цитирование подобных мнений и оценок других авторов. В них не меньше скепсиса и критики. Но немало и таких работ, в которых наряду с негативом содержится достаточно конструктивных, в том числе свежих идей, как выйти из сложившейся ситуации и провести модернизацию.

О многочисленных материалах в поддержку модернизации и ее позитивном потенциале нет особой необходимости говорить, так как в них содержатся в основном мажорные оценки и,

* Критическое отношение к российской модернизации А.С.Ципко выражал неоднократно. Например, в статье «Есть вещи пострашнее русского бунта» (НГ. 29.06.2010) он пишет, что для около 80% российского населения, не имеющих вкладов и накоплений, живущих от получки до получки, от пенсии к пенсии, «которые тем не менее ходят на выборы и обеспечивают мало-мальскую легитимность власти, все эти модные разговоры о модернизации, об инновациях, о Сколкове, о привлечении инвестиций, равносильны сотрясанию воздуха».

как в старые, добрые времена, выражается твердая уверенность, что все планы непременно будут осуществлены. Тем не менее, среди этих работ есть, конечно, и такие, в которых достаточно реалистично оценивается не только существующая ныне ситуация, но и что надо делать, чтобы модернизировать страну.

В связи с этим обращаю внимание читателя на несколько интервью, которые в последние месяцы 2009 г. журналу «Итоги» дали высокопоставленные политики и бизнесмены.

Начну с интервью первого заместителя руководителя президентской администрации, зампредседателя комиссии при Президенте России по модернизации и технологическому развитию экономики Владислава Суркова, озаглавленного «Обновляйтесь, господа!»².

Отвечая на вопрос, «что именно в Кремле подразумевают под понятиями «модернизация» и «инновации»* Сурков отметил: «В данном случае слово «модернизация» – термин в достаточной мере условный. Если перевести его буквально, то это «осовременивание». И здесь, как уже не раз говорил Президент, подразумеваются два направления работы. Первое – это непосредственно модернизация, то есть подтягивание экономики до современного уровня...

Вторая часть куда сложнее. Ее можно было бы назвать футуризацией... Это, собственно говоря, и есть путь инновационного развития».

Справедливо отмечая, что «мы сырьевая страна не только по сути экономики, но и по нашей ментальности», а «отечественный бизнес все еще не ориентирован на понимание того, что главным конкретным преимуществом являются уникальные знания и технологии»,

В.Сурков делает следующие вполне обоснованные выводы:

1. Если мы остаемся сырьевой державой, мы обречены на прозябание. В принципе проблема состоит не только в примитивности сырьевой экономики, в ее слабости и уязвимости.

2. Сырьевые общества больше склонны к стагнации. Надо осознать, что если мы не преобразуемся, мы обречены если не на распад и гибель, то на поражение в мировой конкурентной борьбе и довольно унылое существование.

3. Собственные наши интеллектуальные силы невелики. Поэтому никакой суверенной модернизации не может быть. Тут я поставил бы обратную задачу. Чем более открытыми и дружелюбными мы будем и чем больше мы благодаря этому сможем получить от передовых стран денег, знаний, технологий, тем сувереннее и сильнее станет наша демократия.

Следующее интервью принадлежит помощнику президента России Аркадию Дворковичу³, который, как и В.Сурков, является, на мой взгляд, одним из основных идеологов модернизационного проекта.

Отмечая в интервью, что «Россия стоит на пороге перехода к новой модели экономики», что «всем приходится задумываться о том, чтобы не отстать безнадежно от лидеров, не оказаться на обочине прогресса», что «желание двигаться дальше у многих уже появилось, но система этому пока препятствует», что «большинство пока не скрывает скептического отношения, выражая сомнение, что обозначенные цели достижимы в обозримой перспективе», Дворкович делает следующие выводы:

– качество жизни людей в процессе инновационных изменений ухудшаться не должно, иначе все потеряет смысл;

– хотя что-то будет ощутимо уже через два-три года, «поворот всей экономи-

* Так вопрос был сформулирован потому, что подобные призывы, обращенные к народу, звучали в нашей стране и раньше: клич к «индустриализации», затем к «развитому социализму», «ускорению», «500 дней».

ческой системы займет более длительный период в десять-пятнадцать лет»;

– привлечение международных экспертов в тех областях, где мы заметно отстаем.

Интересны также размышления и идеи другого известного российского экономиста, президента РСПП Александра Шохина, высказанные в интервью тому же журналу «Итоги» от 9 ноября 2009 г.

Он, в частности, считает, что «модернизации, основанные только на технологических инновациях, не дают ответа на вопрос, какая должна быть при этом модель общественного устройства и рынка».

Отвечая на вопрос, кто должен отвечать за модернизацию – модернизационный штаб президента или правительство, Шохин отметил: «Я сторонник того, чтобы это было правительство, осознающее свою ответственность за будущее страны».

Подобно многим другим аналитикам, Шохин также считает, что «нам, конечно, неплохо было бы иметь некий образ политического, государственного, экономического устройства страны, который является целью модернизационной политики. У нас есть программа-2020, но в ней это не сформулировано».

Авторы сознательно (или по рекомендации старших товарищей) обошли многие вопросы развития институтов модернизации, включая политические ее аспекты, судебную систему и т.д.».

Шохин уверен, что «нужно не бояться «догоняющей» модернизации, когда вы используете лучшие доступные технологии и максимально сокращаете технологические разрывы. С этой платформы можно и стартовать, пытаясь выйти в лидеры».

Общий вывод, к которому приходит Шохин, состоит в том, что хотя в 2012 г. по основным абсолютным показателям экономика России будет восстановлена, ее структура, похоже, сохранится прежней.

«Мне кажется, – говорит он, – что принципиальных изменений не произойдет и в отношении снижения роли патерналистской экономической политики в пользу сти-

мулирующей. Все-таки политика до 12-го года в силу приближающихся выборов будет ориентироваться на минимизацию социальных последствий кризиса».

Немало суждений и откровенных идей содержится также в статье главного редактора журнала «Свободная мысль», доктора экономических наук Владислава Иноземцева.

Озаглавленная «Вперед, Президент!», статья заканчивается словами: «Я убежден: Д.Медведев искренен в желании изменить и улучшить Россию. При всей его непосредственности он заслуживает понимания и поддержки. Вперед, Дмитрий Анатольевич! Мы верим Вам и желаем успеха!»⁴.

В статье, однако, немало критики в адрес проекта модернизации. Системные меры, по мнению Иноземцева, «почти отсутствуют»; экспансия госкорпораций, несмотря на выступления президента против их засилья, продолжается. «При всем своем стремлении (как минимум, на словах) модернизировать экономику страны, – пишет Иноземцев далее, – глава государства не готов пойти на решительную демонополизацию, которая несомненно необходима для модернизационного прорыва. Хотя он выступает за ускоренное технологическое развитие, почти ничего не делается для того, чтобы его результаты более активно внедрялись в производственный процесс. А слова о развитии демократии пока отнюдь не отзываются большей транспарентностью выборов и гарантиями равного права на участие в них – скорее наоборот, как это показали региональные выборы 11 октября»⁶.

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляют шаги (их 7), которые, с точки зрения Иноземцева, надо сделать российскому Президенту, чтобы модернизировать страну. К этим шагам он относит:

1 – определение цели модернизации России (в качестве таковой должна стать, по мнению Иноземцева, новая индустриализация);

2 – обеспечение конкуренции управленцев, которая «заведомо предшествует конкурентоспособности экономики, а в

значительной мере — даже определяет ее;

3 — разделение функций инвестора и контролера;

4 — минимизация административных издержек, которые сегодня несут коммерческие организации;

5 — борьба с коррупцией;

6 — принуждение бизнеса (как государственного, так и частного) к инновациям;

7 — создание соответствующих структур власти и управления, специально занимающихся и отвечающих за модернизацию — «Федеральную службу по модернизации Российской Федерации, которая играла бы роль, сравнимую с ролью Госплана СССР».

По мнению Иноземцева, «глава государства рано или поздно должен будет найти ответ на два фундаментальных идеологических вопроса, которые сыграют критически важную роль в том, сможет ли Россия пойти по пути модернизации».

Это, во-первых, вопрос о внешнеполитической ориентации, или вопрос «идеологического самоопределения». По убеждению Иноземцева, Россия должна модернизоваться, опираясь на Европу.

Второй вопрос касается ориентации внутриполитической.

Медведеву, считает Иноземцев, необходимо «санкционировать (быть может, поначалу скорее косвенно) появление демократического движения в поддержку модернизации⁴.

Кстати говоря, эту идею выдвигают и другие авторы. Например, известный отечественный элитолог Ольга Крыштановская.

Кказанному хочу добавить, что темой современной российской модернизации Владислав Иноземцев занимается весьма основательно и много, что легко объяснимо, если не забывать, что он хорошо знаком (это видно по его работам) с опытом модернизации ведущих стран мира как на Западе, так и на Востоке.

В качестве последних (на момент написания этой статьи) упомяну статью «Америка поможет с модернизацией?», опубли-

кованную в газете «Известия» 18 июня 2010 г. и его же интервью «Московской неделе» тех же «Известий» от того же 18 июня.

В нем он в очередной раз отстаивает свою давнюю позицию, состоящую в том, что двигатель модернизации в России — государство, которое «должно быть и основным финансистом, и основным «зазывальщиком» инвесторов. Один российский частный бизнес выполнить эту задачу не сможет».

Не стану дальше утомлять читателя изложением и пересказом различных подходов и суждений относительно современной модернизации России. Скажу лишь, что внимательное ознакомление с ними позволяет сделать совершенно определенный выбор: *почти все они страдают отсутствием методологического подхода*.

Что я под этим имею ввиду?

Во-первых, такой серьезный проект, как модернизация всех сфер жизни страны, должен включать не только конечную цель и конкретные задачи, которые надо реализовать для достижения этой цели, методы и средства ее достижения во всем их многообразии, этапы движения к цели, лозунги и пр. Уже одно это, четко и убедительно изложенное, привлечет на сторону проекта немало сторонников.

Всякий, и тем более глава государства, кто берется за серьезное и трудное дело, обязан не только отчетливо понимать, почему его надо осуществлять, что и как делать, но и кому это дело по плечу. Иначе говоря, инициатора любого дела должны беспокоить прежде всего, такие вопросы, как: *возможно ли реально его осуществить, кто это будет делать, есть ли для этого силы и средства?*

В таком деле, как нынешняя российская модернизация, нужен только комплексный подход, а он-то как раз и не просматривается у ее идеологов, ни

у архитекторов, в чем мы будем иметь возможность убедиться ниже. Но преж-

де попробуем разобраться в дефинициях модернизации.

Некоторые размышления о дефинициях

При анализе проблемы современной российской модернизации (см. Справочно) необходимо учиты-

вать несколько принципиальных моментов, в том числе таких, которые имеют отношение к дефинициям.

Справочно

По определению Малого энциклопедического словаря (изд. АСТ и издат. Астрель, 2000) модернизация – это «изменение, усовершенствование, отвечающее современным требованиям, вкусам». с. 436.

Что касается *политической модернизации*, то, согласно Политической энциклопедии (изд. «Мысль», 1999. Т. I. С. 724–726): «Модернизация политическая – изменение политич. системы, характеризующееся возрастающим участием в политике различ. групп населения (через политич. партии и группы интересов) и формированием новых политич. ин-тов (разделение властей, политич. выборы, многопартийность, местное самоуправление). Обычно понятие «М.п.» употребляют применительно к органам, осуществляющим переход к индустриальному обществу и демокр. устройству. В этом случае подчеркивается, что М.п. – это импортирование традиционными об-вами новых социальных ролей и политич. ин-тов, сформировавшихся в рамках зап.демократий. Возникнув в кон. 50-х гг. как теоретич. обслуживание политики Запада по отнош. к развивающимся странам, концепция М.п. в конечном итоге превратилась в обоснование некой общей модели глоб. процесса цивилизации, суть к-рой в описании характерных черт и направлений перехода от традиционного к рациональному об-ву в рез-те научно-тех. прогресса, социально-структурных изменений, преобразования нормативных и ценностных систем.

В этой концепции выделяются 2 типа модернизации: 1) оригинальная, спонтанная модернизация, характерная для стран, переживших переход к рациональным обществ. структурам в рез-те постепенного, длительного развития внутр. процессов (Англия, США); 2) вторичная, отраженная модернизация, характерная для стран, по тем или иным причинам отставших в своем развитии и теперь за счет широкого использования опыта передовых гос-в пытающихся догнать их по уровню и качеству жизни, своего рода «осовременивание вдогонку». Осн. фактором вторичной модернизации являются социокультурные контакты с уже существующими центрами индустриальной и постиндустриальной культуры. С опред. долей условности можно говорить о существовании 2 этапов в развитии теории М.п. Возникла она в США, и первоначально ее суть сводилась к обоснованию идей заимствования отсталыми странами Азии, Африки и Лат. Америки ряда уже готовых и апробированных в развитых странах политич. ин-тов (централиз. гос-во, парламент, многопарт.система, всеобщие альтернативные выборы, разделение властей и т.д.) и ценностей (эконом. и политич. свобода, индивидуализм). М.п. на начальном этапе развития данной теории воспринималась как а) демократизация развивающихся стран по зап. образцу; б) одновременно условие и следствие успешного социально-эконом. роста стран «третьего мира»; в) рез-т их активного сотр-ва с развитыми гос-вами Зап. Европы и США.

По мнению известного ученого экономиста, директора Центра исследований постиндустриального общества, руководитель проекта www.modernizatsya.ru., уже упоминавшегося ранее В.И. Иноземцева, «слово «модернизация» используется для обозначения процесса становления зрелого индустриального общества, для описания демонтажа архаичных структур. Понятие «инновационная экономика» относится к более высокому типу общества, в котором, как писал К.Маркс в XIX столетии и Дэниэл Белл в XX, наука «становится непосредственной производительной силой», а «прогресс общества все более однозначно определяется успехами в области знания». Модернизации в XX веке неоднократно превращали аграрные и полуниндустриальные общества в промышленные державы, но нигде не приводили к становлению экономики знаний. Последняя развивалась естественно, а на формирование ее уходило, как правило, несколько десятилетий». (Иноземцев В. Модернизация или инновации? // Независимая газета. 2009. 22 июня).

Первый из них связан с типами модернизаций, выявленных историческим опытом различных народов.

Главный, базовый, наиболее эффективный и прогрессивный тип модернизации – это *естественная, или эволюционная*, которая существовала во все времена, существует сейчас и будет всегда. В Малом энциклопедическом словаре этот тип обозначен как *оригинальная, спонтанная модернизация*. Такую модернизацию, на мой взгляд, точнее определять как прогрессивное развитие.

Эта модернизация основана на развитии производительных сил и производном от них развитии производственных отношений, которые, в конечном счете, ведут к смене общественных систем. Происходит это потому, что формирующиеся в ходе этого процесса новые общественные группы, слои, а затем и классы, постепенно развиваясь и накапливая все большую энергию и силу, со временем неизбежно начинают претендовать (сначала робко и латентно, а затем открыто и все более решительно) на политическую власть.

Таким образом, из экономической модернизации (или эволюции) неизбежно вырастает политическая.

Из всех типов модернизации эволюционный тип не только наиболее функционален, но и наименее затратен и потому наиболее эффективен. Однако для того, чтобы этот тип возник и устойчиво развивался, необходимы стабильные, сбалансированные системы общественных отношений, охватывающие все сферы жизни. Все эти системы должны быть в обязательном порядке конкурентными и инновационными, то есть способствующими созданию нового продукта и его продвижению и закреплению. При этом если в любой из сфер образуется застой, это, безусловно, приведет к нарушениям в функцио-

нировании всего общественного организма в целом.

Сфера общественной жизни – это сообщающиеся сосуды и то, что происходит в одном из них неизбежно оказывается на состоянии другого.

Принципиально иная модернизация – *вынужденная, догоняющая*.

На нее обречены отстающие от авангардных стран государства и народы. Обречены потому, что отставание с течением времени все больше превращается для них в прямую открытую угрозу.

Догоняющая модернизация по многим параметрам значительно более незэффективная, затратная и некомфортная. В том смысле, что она вынуждает искать образец для копирования, находить ресурсы и средства, перераспределять их в пользу тех сфер, которые необходимо модернизировать в первую очередь, неизбежно ущемляя при этом другие сферы (как правило, социальные), что ведет к росту напряжения в этих сферах и их отставанию.

В результате система разбалансируется и начинает давать сбои. Чтобы исправить ситуацию, власти вынуждены в срочном порядке изыскивать дополнительные ресурсы, перераспределять их, что ведет к новым дисбалансам и т.д. Эти ресурсы зачастую ищут и находят за рубежом, ибо своих, как правило, не хватает. В этой ситуации тот, кто ищет, оказывается в зависимом положении и вынужден соглашаться на самые тяжелые, а порой даже кабальные условия.

Другое дело, если у нуждающегося в модернизации есть нечто такое, например, большие деньги, что привлекательно для тех, кто обладает передовыми технологиями, опытом, знаниями и т.д., необходимыми модернизирующемуся. В этой ситуации жаждущий может чувствовать себя значительно увереннее, торговаться, ставить свои условия.

Но если нет денег, а есть что-то другое, например, богатые природные ресурсы, большой рынок сбыта, привлекательные для обладателей передовыми вещами, то это также значительно упрощает и облегчает положение модернизирующущегося.

Кроме того, есть еще одно обстоятельство, и это – мировая конкуренция между обладателями передовых вещей за рынки сбыта, которая также дает шанс модернизирующемуся.

Но что же из сказанного вытекает для нас?

Вытекает хотя бы то, что ситуация для России не безнадежная, так как есть немало такого, что весьма привлекательно для внешнего мира и тех же передовых стран.

Что же это?

Это, прежде всего, богатые разнообразные ресурсы, очень необходимые западным странам, обладателям передовых технологий, знаний, менеджмента и пр. Это обширный рынок сбыта; достаточно квалифицированная рабочая сила, более дешевая, чем западная; не до конца еще растряченный и погубленный научный, образовательный и культурный потенциал. Это, наконец, кое-какие финансовые средства и кое-что еще.

Вместе с тем нет и достаточных оснований утверждать, что нынешняя ситуация вполне комфортная для того, чтобы быть *хозяином* положения и определять условия, на которых передовые в техническом отношении страны будут продавать (или предоставлять) свое ноу-хау, менеджмент и пр. Нуждающийся и просящий априори находится в ущемленном положении. Поэтому ему, как правило, приходится уступать первому.

Догоняющая модернизация имеет немало и других недостатков.

Во-первых, тот, что в поиске образца для подражания очень легко ошибиться. Это особенно верно в отношении политической, идеологической и духовной сфер, то есть тех сфер, которые имеют дело с системой идейных и моральных ценностей нации. Проще дело обстоит с продовольственной и техническими сферами. В отличие от морально-этических ценностей передовые научно-технические и инженерные достижения одних стран достаточно легко и быстро приживаются в других.

Во-вторых, тот, кто заимствует передовой образец, обычно попадает в разного рода зависимость от хозяина модели и обладателя того, что нужно отстающему. А зависимость – это всегда плохо, это, как правило, выполнение каких-либо неблагоприятных и даже неприемлемых условий. Кроме того, хозяин положения нередко ставит перед тем, кто нуждается в модернизации, не просто тяжелые, а кабальные условия, на которые, хочешь-не хочешь, приходится соглашаться.

В-третьих, догоняющая модернизация – это, как правило, *мобилизационная модернизация*.

Иначе говоря, в условиях угрозы и, соответственно, острой нехватки времени отстающему приходится расставлять приоритеты и выбирать те сферы, которые нуждаются в обновлении в первую очередь*. Именно на этих направлениях концентрируются главные силы и разного рода ресурсы. Это не может не сказываться отрицательно на состоянии и развитии других сфер.

По этой причине догоняющая или вынужденная модернизация – самый тяжелый, сложный, напряженный и в целом малопродуктивный тип модернизации.

* Так поступал, например, СССР. Также поступают все тоталитарные режимы.

Поэтому не случайно, население быстро разочаровывается в такой модернизации и устает от нее, требуя покоя и стабильности. Так было практически со всеми российскими и советскими модернизациями, после которых не случайно наступали периоды застоя и спада.

Несмотря на все свои недостатки, догоняющая модернизация дает определенный эффект и в целом позволяет сократить отставание от лидеров и приглушать остроту проблемы. Однако после застоя ситуация повторяется. Поэтому выход один: создать такие системы, которые обеспечат *опережающую модернизацию*. Именно это тот тип, который нужен России сейчас и который заслуживает специального описания.

Однако прежде надо заметить, что опережающая модернизация в самом общем смысле слова это ни что иное как эволюционная модернизация, то есть первый тип.

Постоянно осуществляемая, она и обеспечивает опережающее развитие.

Но о чём же в таком случае речь? А речь идет на самом деле о том, может ли догоняющая модернизация превратиться в опережающую и, если может, то при каких условиях?

Догоняющая модернизация, осуществляемая, как уже говорилось выше,

по образцу какой-либо передовой модели, может стать опережающей, но **при одном непременном условии**: если она не только догонит передовиков, то есть авангардные страны, но и создаст системы, обеспечивающие более высокие темпы роста, что позволит ей в конечном счете вырваться вперед.

Неплохо изученный опыт послевоенной Японии, молодых тигров Азии, в частности, Южной Кореи, Малайзии, Сингапура, а затем и Китая – это все наглядные иллюстрации к сформулированному выше тезису.

Современные темпы развития Индии и Бразилии также подтверждают этот вывод.

Поэтому наша задача состоит в том, чтобы изучить и повторить опыт этих стран с учетом, разумеется, нашей специфики. Иначе говоря, нам нужна опережающая модернизация именно такого типа.

Но встает вопрос, что надо России для такой модернизации и сможет ли она ее осуществить сейчас, особенно если иметь ввиду, что раньше она была способна лишь на догоняющую модернизацию?

Ответ на этот судьбоносный вопрос лежит в плоскости соотношения ролей внутренних и внешних факторов в нынешней модернизации.

О соотношении внутренних и внешних факторов в современной российской модернизации

Если внутреннего потенциала не хватает и если, тем более, он находится в плохом или ослабленном состоянии, как это имеет место в сегодняшней России, страна, поставившая себе цель модернизироваться, вынуждена полагаться главным образом на внешние факторы: инвестиции, технологии, менеджмент, знания, опыт и пр.

Но так ли печально обстоят дела в России, чтобы делать выводы о неиз-

бежности опоры в модернизации на внешние обстоятельства? В общем и целом, к большому сожалению, да, действительно весьма печально.

Чтобы не быть голословным в столь важном и принципиальном утверждении, начну с краткого анализа состояния российской науки и образования, призванных быть основным движителем нашего инновационного прорыва, а, значит, и модернизации страны.

НАУКА. Известный обозреватель Леонид Радзиховский так охарактеризовал ее общее состояние: «Сегодняшняя российская наука есть свет погасшей звезды – Большой Советской Науки.

Долгая инерция, долгое прощание, медленное угасание... И просто экстременной накачкой деньгами тенденцию не сломить – уже сложилась инерция распада⁵. Свой вывод Радзиховский предваряет большим количеством убедительных и достаточно известных данных.

Доли стран в мировых расходах на научные исследования в 2008 г. составляли: США – 35%, ЕС – 24%, Япония – 13%, КНР – 11%, Россия – 2,2%. Если сопоставить эти цифры с ВВП этих стран от мирового ВВП – США – 20%, ЕС – 23%, Россия – 3% – то получится, что доля расходов США на науку почти в 2 раза превышает их вес в мировой экономике; в ЕС эти доли пропорциональны; в России доля расходов на науку в 1,5 раза меньше доли в мировом ВВП.

По другим подсчетам, на фундаментальные научные исследования в США и Японии тратится 0,5% от национального ВВП, в то время как в России – 0,16%.

Но важно и то, насколько эффективно тратятся деньги, выделяемые на науку. Одним из показателей этой эффективности являются научные публикации.

Если мерять этим показателем, то картина становится еще более удручающей, ибо доля США в мировых научных публикациях – 29%, ЕС – 33%, Японии – 7,8%, Китая – 5,9%, а России – 2%.

Но дело не только и даже не столько в публикациях, сколько в их реальной пользе, измеряемой в том числе в выпуске качественно новой продукции.

При 2,2% мировых расходов на науку и 2% мировых публикаций доля России на мировом рынке высокотехнологичной продукции – 0,3–0,4%, в то время как доля США – 35–40%, что вполне сопоставимо с их расходами на науку – 35% США регистрируют треть патентов в мире, а Россия – 0,3–0,5%.

Столь удручающее состояние современной отечественной науки (и не только науки) – результат прежде всего «лихих» 90-х годов.

Так, с 1990 по 2008 г. число научных сотрудников в России сократилось с 1 млн. до 375 тыс. Особенно быстро этот процесс развивался в те самые 90-е.

В то же время число научных работников в США выросло с 1050 тыс. в 1995 г. до 1 400 тыс. в 2007 г., в ЕС, соответственно, с 950 тыс. до 1300 тыс., в Китае с 500 тыс. до 1450 тыс.

И хотя в 2000-е годы ситуация начала понемногу выправляться*, основные проблемы, образовавшиеся в 90-е годы, остаются.

Это:

- огромный разрыв поколений, при котором практически отсутствует среднее, самое важное и сильное звено – от 30 до 50 лет (лишь около четверти сотрудников РАН – моложе 40 лет);
- слабая связь с практикой и поэтому крайне низкая эффективность – традиция, уходящая своими корнями в советские времена и выливающаяся в

* Например, с 2000 по 2009 г. госрасходы на РАН выросли名义ально в 10 раз (с 5 млрд. до 50 млрд. руб.), а с поправкой на инфляцию и реальную покупательную способность рубля – не менее чем в 5 раз. Общий бюджет РАН в 2009 г. составил свыше 3 млрд. долл., в то время, как, бюджет общества Макса Планка (АН Германии) – около 2 млрд. долл. Кроме того, в науку вновь потянулись молодые люди.

крайне низкую практическую пользу науки*.

Другая напасть: наша экономика чурается и сторонится науки и то, что ей нужно, она очень часто покупает по высоким ценам за границей.

В последние годы мы начали отставать даже от Индии. Пример Индии в данном случае более показателен, чем скажем, пример США, стран Западной Европы или Японии, которые уже давно отладили у себя эффективную инновационную политику и лидируют в этой области. Индия же подключилась к этому процессу позже этих государств. Тем не менее в последние 2–3 десятилетия производство и технологии развиваются в этой стране очень высокими темпами.

И это не взирая на то, что высшее образование в этой стране имеют только 4,5% населения, в то время как в России – 75%.

Несмотря на это, Индия захватила мировой рынок в программном обеспечении, аутсорсинге информационных технологий – 65%, в бизнес-аутсорсинге и инжиниринге – 45%.

Располагая одной из лучших в мире математических школ, Россия производит в 60 раз меньше программных продуктов, чем Индия.

В 2010 г. объем экспорта информационных и телекоммуникационных услуг из Индии достигнет четверти того, что Россия получает от продажи нефти и газа.

Все это стало возможным, прежде всего, благодаря тому, что в Индии создана благоприятная для инноваций среда. Это материализовалось, например, в создании множества разнообразных инновационных структур.

Основные из них: совет по технологическому развитию (объем 1,5 млрд. долл.), Программа развития и демонстрации технологий, Индийская ассоциация венчурного инвестирования, Банк поддержки малого и среднего бизнеса, Национальный венчурный фонд программного обеспечения и информационных технологий (объемом 250 млн. долл.), Фонд развития мелких и средних предприятий (более 1 млрд. долл.)*.

В Индии каждый год совершаются сотни сделок прямого инвестирования и венчурные проекты объемом до 10 млрд. долл.

По объему госсредств с огромным отрывом лидируют биомедицина и биотехнологии, затем идут транспорт, инжиниринг, химия, сельское хозяйство***.

Большинство индийских инновационных компаний базируется в 30 технопарках, в каждом из которых работает до 15 тыс. чел.⁶.

Стоит ли удивляться, что доля России на рынках наукоемкой продукции составляет всего лишь 0,3–0,5%, что в десятки и сотни раз меньше аналогичной доли развитых стран. Если к тому же учесть, что продолжается сокращение числа малых инновационных

* Интересные и важные оценки, рассуждения и идеи содержатся в интервью академику В.Захарова, известнейшего российского математика (Российская газета. 2010. 16 июня). Не менее важные констатации о сегодняшнем состоянии российской науки и предложения по исправлению ситуации мы находим в интервью академику Р.Нигматулина (НГ-наука. 2010. 23 июня). В нем он, в частности, говорит о том, что на финансирование РАН в 2010 г. выделено около 50 млрд. руб., или 1,7 млрд. долл. Очень показательны и другие данные, приведенные академиком Нигматулиным. «Вспомним экономику технологического развития, – говорит он, – 1 руб. – на фундаментальную науку, 10 руб. – на отраслевую и 100 руб. – на внедрение. Сейчас вместо 1 руб. имеем 30 коп. на фундаментальную науку, 5 коп. – на отраслевую, 1 руб. – на внедрение при отсутствии «позывов» на внедрение».

** Для сравнения: размеры Российского фонда информационных и коммуникационных технологий и Российской венчурной компании – 53 млн. долл. и 600 млн. долл.

*** В России в технологические проекты вкладывается около 100 млн. долл., а сделок совершается не более полусотни в год.

предприятий и числа научных сотрудников, то перспективы России в области инноваций становятся еще более пессимистичными.

Слабая востребованность производством достижений науки и техники имеет следствием беспрецедентно высокую энергозатратность и не только экономики, но и всего нашего образа жизни. На единицу продукции в России уходит в несколько раз больше ресурсов, – энергии, воды, топлива, металла, дерева – чем в высоко развитых в техническом отношении странах.

«Энергозатратность, – пишет московский мэр Ю.М.Лужков, – в очень серьезной степени определяет отсталый тип нашей экономики. Для нее характерна низкая конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем и глобальном рынках. Допотопный уровень производительности труда в экономике. Буксующее импортозамещение. Удручающие бюджеты российских домашних хозяйств и несовременное качество жизни людей. Высокая интенсивность истощения запасов и потенциала экспорта энергоносителей, увеличение необходимых инвестиций в их добычу.

При сохранении существующего уровня энергозатратности, через 15–20 лет мы окончательно пройдем «точку невозврата» в неконкурентоспособности нашей страны и рискуем потерять экономическую состоятельность нашего суверенитета. Россию может ждать тогда «дожигание последних дней»: стремительное скатывание в периферию глобальной экономики и политики без надежд на будущее⁷.

В перечне высоких технологий Россия колossalно отстает от мировых лидеров.

Лишь в ядерной области она на 96% соответствует этому уровню, в ракетно-космической технике – на 86% и спецметаллургии – на 70%, что является следствием масштабной модернизации этих областей в СССР после войны, осуществленной в рамках атомного и ракетного проектов.

Из-за своей общей технологической отсталости Россия вынуждена закупать

в 3 раза больше технологий, чем продавать, в то время как у мировых лидеров соотношение обратное.

ОБРАЗОВАНИЕ. В ускоренном преодолении российской технологической отсталости важную роль должна сыграть отечественная система образования, в первую очередь профессионального образования, в особенности высшего. Если она не будет готовить тех специалистов, которые способны творчески, качественно и оперативно, то есть в ногу со временем, решать возникающие проблемы социально-экономического, политического, духовного развития, то никакая модернизация, ни догоняющая, ни тем более опережающая не состоится.

В конечном счете все делают люди, способные выполнить те задачи, которые перед ними ставят. Без соответствующих профессиональных знаний, базу которых они получают сначала в системе образования, а затем уже на практике и снова в системе образования, доучиваясь, переучиваясь, стажируясь и т.д., ни одну сложную задачу и тем более модернизационную, решить невозможно.

Между тем ситуация в системе российского образования не намного лучше, чем в науке. Быстрая коммерциализация образования в 90-е годы позволила, с одной стороны, удержаться системе на плаву, не потонуть в море рынка учительскому и преподавательскому корпусу, а с другой – заметно негативно сказалась на качестве преподавания, а значит и на конечном результате. Вынужденным выживать, работая на нескольких работах, многим преподавателям было уже не до высокого качества своей работы.

К коммерциализации вскоре прибавились и другие не менее важные новшества. Наиболее существенные из них следующие: революция в содержании обучения, выразившаяся, во-первых, в смене системы идеино-политических и

духовных ценностей, переходе к рыночным отношениям, либеральной демократии и т.д., и, во-вторых, в присоединении в 2003 г. России к Болонскому процессу и взятым ею в связи с этим обязательства к 2010 г. интегрироваться в единое европейское образовательное пространство⁸.

Перечисленные обстоятельства в совокупности с еще одним, также немаловажным фактором – технической революцией, проявившейся, в частности, в компьютеризации и интернетизации учебного процесса – означали не что иное как вторую, не менее значительную и фундаментальную революцию в системе образования, чем первая, случившаяся после октября 1917 г.

Если бы даже не было Болонского процесса, всего остального также было бы вполне достаточно, чтобы происходящее в системе образования квалифицировать как революцию.

В условиях социальной революции, охватившей Россию в начале 90-х годов, ничего другого в системе образования, кроме революции и не могло случиться. А революции никогда и нигде не проходят гладко и беспроблемно. Особенно, если их архитекторы и менеджеры, разрушая старое, толком не знают, что и как строить взамен.

Так было и в значительной степени остается сейчас в России. Именно поэтому система образования оказалась к началу 2000-х годов в том плачевном состоянии, из которого она не вышла

Не развивая дальше тему науки и образования, дополненную частично темой о состоянии промышленности, можно, на мой взгляд, сделать достаточно ясный и однозначный вывод о том, что внутренних факторов и ресурсов у сегодняшней России недостаточно даже для догоняющей модернизации. (Если, конечно, не прибегнуть к испытанной мобилизационной модели, ограничивая социальные программы, рост благосостояния граждан и прочие вещи, что сегодня, судя по всему, не пройдет).

Что же в таком случае делать?

На мой взгляд, в настоящее время надо сделать акцент на внешних факторах, использовании передового зарубежного опыта, технологий и инвестиций.

до сих пор, несмотря на значительные разнообразные реформаторские усилия, предпринимаемые государством в последние годы.

Речь идет, в частности, о создании ряда крупных национальных университетов, о дифференциации университетов на инновационные, исследовательские и, так сказать, обычные, рядовые вузы, о стимулировании их научной деятельности, предоставлении им права заниматься предпринимательской деятельностью, в том числе венчурным бизнесом и т.д.

Потребуется, конечно, немало времени, чтобы все это отладить и привести в нормальное рабочее состояние, но важно уже то, что положено начало соединению науки и практики непосредственно в вузах. Для западных университетов это обычная практика, давно ставшая традицией.

Развитие научных центров на базе университетов по западному образцу – это для нашей страны новшество, которое еще должно себя зарекомендовать и прижиться. Кстати говоря, это тоже часть той революции в сфере образования, которая была начата в 90-е годы прошлого столетия.

Но как бы ни развивалась ситуация и в сфере науки, и в сфере образования (если даже весьма позитивно и благополучно), ущерб нанесенный этим сферам в «лихие» 90-е, будет крайне сложно восполнить, если вообще возможно.

Собственно говоря, это уже делается все последние годы, например, в авиастроении, автомобилестроении и в других областях.

Но особую активность в этом направлении наши власти, начиная с высших руководителей страны, проявляют в последние месяцы.

Наиболее убедительное подтверждение этому мы находим и в XIV международном экономическом форуме, состоявшемся в Санкт-Петербурге 17–19 июня 2010 г.⁹, и в визите президента России Д.А.Медведева в США 22–23 июня того же года. Еще одно подтверждение этому видно в содержании саммита, Россия – ЕС, состоявшемся 31 мая – 1 июня нынешнего года в Ростове-на-Дону.

Акцент на внешние факторы не означает, разумеется, что о развитии внутренних факторов не надо беспокоиться. Как раз наоборот. Их надо всячески развивать, чтобы со временем (весьма желательно не в очень отдаленном будущем) создать базу и все условия для устойчивой эволюционной, перманентной модернизации. Именно в этом и состоит принципиальное отличие нынешней российской модернизации от всех предыдущих, то есть в ее двухэтапности и плавном переходе от первого этапа мягкого мобилизационного ко второму – эволюционному. Цели и задачи этих этапов (или, иначе говоря, программы минимум и программы максимум) различны, как и методы и формы их реализации.

Если на первом этапе основная цель и вытекающие из нее конкретные задачи – восстановление промышленного, научного и всякого другого потенциала (весьма желательно на новой базе, что как раз и будет модернизацией) и создание основ эволюционных систем развития, то на втором этапе надо реализовать цель завершения формирования эволюционных систем государственной и общественной жизни. В этом и заключается суть методологии современной российской модернизации.

При таком подходе роль и соотношение внутренних и внешних факторов будет постепенно меняться. На первом этапе основную роль будут играть внешние факторы, а на втором – внутренние.

Заключая, отмечу следующее. Нынешняя модернизация принципиально отличается от всех предыдущих в ее целях и задачах не только в международных и внутренних условиях ее проведения, не только в методах и формах ее реализации, но и в ее судьбоносности.

Примечания

¹ Российская газета, Известия. 2009. 11 сентября.

² Итоги. 2009. 26 октября.

³ Итоги. 2009. 28 декабря.

⁴ Иноземцев В. Вперед, Президент! // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 16, 6, 8–15.

⁵ Российская газета. 2010. 8 июня.

⁶ Лесков С. Миллионер на слоне // Известия. 2009. 9 апреля.

⁷ Лужков Ю. Кризис и наша расточительность // Российская газета. 2009. 3 июля.

⁸ Современное вузовское образование: российский и европейский опыт / Авт. коллектив под ред. Я.А.Пляиса, Д.А.Силичева. М.: Финансовая академия, 2006; Российский и зарубежный опыт модернизации высшего образования. Сб. научных статей / Под ред. Я.А.Пляиса, Д.А.Силичева. М.: Финансовая академия, 2008; Формирование политического и исторического сознания будущих экономистов: опыт, проблемы, перспективы. Сб. научных статей / Под ред. Я.А.Пляиса, Н.А.Размановой. М.: Финакадемия, 2010.

⁹ Известия, Российская газета, Независимая газета. 2010. 17, 18 и 21 июня.

Противодействия терроризму в XXI веке

Валентин Соболев

В условиях существенного изменения расстановки политических сил на мировой арене, глобализации экономики, формирования нового финансового и информационного пространства, роста региональных конфликтов угроза применения асимметричной силы террористического характера стала перманентным фактором. Более того, события начала XXI в. свидетельствуют, что этот фактор, к сожалению, становится во многом определяющим при разрешении целого ряда межгосударственных политических и экономических проблем, в значительной степени влияющих на внутриполитическую стабильность страны.

В России слово «терроризм» известно давно. Ульянов и Каракозов, Савинков и Блюмкин, «белый» и «красный» террор для жителей России – это не просто слова¹. Это большое количество жертв, крови, трагедий людей, которые жили в тот исторический период.

Во времена холодной войны на территории Советского Союза обстановка, связанная с террористическими проявлениями, была достаточно спокойной. По крайней мере спокойнее, чем в любой другой части земного шара.

Можно вспомнить лишь одну жестокую акцию. В январе 1977 г. армянские националисты («группа Затикяна») произвели взрывы в московском метро, в электропоезде, в котором дети возвращались с новогодней елки. Погибло около двух десятков человек.

В целом же в то время, когда взрывались бомбы на вокзале в Болонье, «красные бригады» пытались провести террористические акции на территории ФРГ, ирландский терроризм действовал в Великобритании, баски проводили теракты в Испании, в Москве терроризм рассматривали как маловероят-

СОБОЛЕВ Валентин Алексеевич – заместитель секретаря Совета Безопасности Российской Федерации. E-mail: 6063467@bk.ru.

Ключевые слова: ячейки, конфликты, терроризм, кибертерроризм, политические требования, антитеррористическая политика, антитеррористическая конвенция.

ную и неконкретную угрозу для нашего государства.

Спокойному отношению к терроризму в СССР способствовали многие причины. Прежде всего, это железный занавес, который тогда существовал, отсутствие свободного сообщения между государствами. И конечно, достаточно сильный авторитарный режим, включая сильные спецслужбы и правоохранительные структуры, которые на каждый сигнал реагировали вовремя и не позволяли сделать так, чтобы в обществе почувствовалась внутренняя угроза.

Но ситуация изменилась с началом «перестройки», в тот момент, когда стало понятно, что Советский Союз как государство в своем прежнем виде не сможет продолжать существование.

Конфликтные ситуации, которые возникли в это время в основном на национальной почве: события в Фергане (Узбекистан), где избивали туркоменов, события в Сумгаите (Азербайджан) – конфликт между армянским и азербайджанским населением, практически гражданская война в Таджикистане – все это изменило взгляд на террор, на отношение к нему внутри страны².

Конфликты, сопровождаемые террористическими актами, начали перемещаться на территорию Северного и Южного Кавказа. Причем они происходили как на территории Российской Федерации (осетино-ингушский конфликт), так и за пределами России – на территории Южной Осетии, Абхазии, Нагорного Карабаха³. Именно в этот период впервые появились политические требования националистов, ярко проявили себя наиболее радикально настроенные конфессиональные круги.

Тогда наряду с уже ставшими для нас привычными требованиями отделения от России, с сепаратистски-

ми устремлениями мы впервые столкнулись с требованием мирового масштаба – о создании так называемого «всемирного исламского халифата». Этот же лозунг выдвигается и до сего времени Аль-Каидой⁴.

Необходимо признать, что в России, в которой значительная часть населения исповедует ислам, в обстановке отсутствия политической воли и экономической нестабильности в ряде регионов данный лозунг получил определенную поддержку. Основная концентрация сил, нагнетавших напряжение и уже рисовавших карту, на которой территория «халифата» охватывала весь Северный Кавказ и наше Поволжье, осуществлялась в Чеченской Республике.

Очевидно, что двигателем и организатором попыток создания «халифата» были не только чеченские экстремисты, но и целая группа международных террористов из разных стран. Уже тогда была получена информация о том, что на стороне чеченских боевиков воевали наемники более чем из 50 стран⁵. Большинство было из государств Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии. Но были и представители немусульманских государств. Значительная часть из них прошла военную и политическую подготовку в лагерях Афганистана под руководством талибских инструкторов, которые обучали их ведению войны, диверсионному делу и идеологии радикального мусульманского толка.

Понимание руководством страны того, что приходится действовать не просто против бандитских формирований, а против хорошо организованных, обученных и финансово обеспеченных террористов международного масштаба, пришло только в 1994 г. Было принято решение о проведении операции по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике.

Таким образом, уже в первой половине 90-х годов Россия осознала реальную угрозу, которая исходит от международного конгломерата террористических организаций. Еще в 1995 г. на саммите «семерка плюс один» в Галифаксе (Канада) Россия заявила о реальной угрозе, которую представляют собой объединившиеся террористы на Северном Кавказе не только для самой России, но и для всего мира. К сожалению, этот призыв не нашел тогда полного понимания, и в головах многих политиков такая угроза еще какое-то время не воспринималась в качестве реальной.

Необходимо было пережить 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. После этих терактов была сформирована международная антитеррористическая коалиция, в которой Россия принимала и принимает активное участие⁶.

В сентябре 2001 г. была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1336, которая изложила принципы отношения к терроризму стран-участниц ООН.

Это была не простая работа, потому что, как известно, даже в определении слова «терроризм» международное сообщество не может достичь полного согласия еще со времен Лиги Наций. Вместе с тем постепенно, шаг за шагом создавалась система, которая, как представляется, сегодня позволяет достаточно успешно противостоять терроризму как глобальному явлению.

Далее, в сентябре 2005 г. последовала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, которую вкратце можно было бы охарактеризовать как «суди или выдай другому».

Смысл ее сводился к тому, что терроризм не может оставаться безнаказанным. Это нашло свое подтверждение в заявлении «восьмерки» в 2005 г.

на саммите в Глениглсе (Великобритания), в котором подчеркивалось, что ни в коей мере никакому государству нельзя использовать любые контакты с террористической организацией для проведения любых политических акций.

Угроза современного терроризма увеличивается кратно еще и потому, что сегодняшний мир, несмотря на глобальный технологический прогресс, объективно остается достаточно уязвимым.

В мире отмечается опасная динамика количественного роста и качественного «совершенствования» терроризма. Прежде всего, это проявляется в расширении географии и интернационализации терроризма как общемирового явления.

Далее, это особый цинизм, жестокость и целенаправленная антигуманность.

Террористы XIX – начала XX в. были в основном одиночками, которые стреляли, прежде всего, в политических лидеров. Сегодня объекты террора совершенно другие. Это – мирные жители, дети, объекты культуры, места массового скопления людей, культовые здания.

У современного терроризма другая цель – запугать все население.

Активно используютсясмертники. Причем если брать 2003–2006 гг., то количество новых камикадзе, так называемых шахидов, возросло более чем в 20 раз. Урон в результате использования смертников самый большой. Достаточно сказать, что всего лишь 5% всех терактов, совершенных с использованием взрывчатки, осуществили шахиды, но количество жертв в этих случаях превышает 70% от их общего количества. Причем противостоять попытке теракта с использованием шахида-смертника очень сложно.

Терроризм беспощаден. Он настойчиво требует уступок, политических и иных компромиссов, на которые (как показывает и горький опыт России) ни в коем случае идти нельзя. Переговоры с террористами возможны и необходимы только в одном случае: облегчить участь заложников и спасти их. Любые другие уступки только стимулируют развитие терроризма и вызывают еще более жестокие и наглые акции с его стороны.

В качестве примера можно привести уже ставший историей факт, имевший место в России и связанный с Чеченской Республикой. В 1996 г. были подписаны «Хасавюртовские соглашения», в соответствии с которыми была достигнута договоренность между тогдашним руководством так называемой «Чеченской республики Ичкерия» и Россией⁷.

Договор заключался на 5 лет.

Ичкерия брала на себя обязательства провести собственными силами разоружение, оставаться в правовом поле Российской Федерации и в течение этих 5 лет провести общенациональный референдум и принять решение по вопросу о том, находиться ли в дальнейшем Чеченской Республике в составе Российской Федерации или выйти из нее.

Что же случилось после Хасавюртовских соглашений? Мы увидели, что отведенное по соглашениям время чеченские лидеры использовали для довооружения и тренировки боевиков. Мы увидели, что на территории Чеченской Республики вместо обещанной юрисдикции России стали процветать шарлатанские суды с публичными казнями.

Мы увидели, что наемники из многих стран мира вновь потянулись в Чечню, где они проходили обучение и, очевидно, готовились к проведению террористических акций.

Все это закончилось тем, что в августе 1999 г. хорошо вооруженные, хорошо экипированные бандиты, подкрепленные наемниками из многих стран мира, вторглись в Республику Дагестан, проводя в жизнь свою идеологию и пытаясь уже силовым путем создать все тот же самый «исламский халифат».

Или возьмем другой пример – кровавые теракты в Мадриде 11 марта 2004 г., в результате которых пострадали сотни человек из многих государств мира⁸.

Через две недели после них в Испании состоялись выборы, и правящая партия проиграла. Террористы немедленно приписали эту заслугу себе. Через несколько месяцев после этого террористы захватили испанских заложников в Ираке и потребовали от испанского правительства вывода из Ирака около тысячи военнослужащих, которые участвовали в военных действиях. Испанское правительство такое решение приняло, после чего количество захватов заложников в Ираке, как известно, увеличилось кратно.

В этой связи обращает на себя внимание дискуссия о роли Аль-Каиды, ведущаяся в экспертном сообществе и среди журналистов, которые занимаются проблемой терроризма.

Некоторые утверждают, что Аль-Кауда существует, другие говорят, что Аль-Каида – это просто брэнд, которым прикрываются все другие террористические организации.

Без всякого сомнения, Аль-Каида – боевая организация, созданная в определенный момент, нужная определенным политическим силам для того, чтобы противостоять в Афганистане присутствию советских войск. Естественно, в то время она финансировалась определенными государствами, кото-

рые были в этом заинтересованы. Плюс теми финансами, которыми традиционно располагал один из руководителей Аль-Каиды, достаточно богатый человек уже тогда и впоследствии обогатившийся многократно. В то время это была, прежде всего, боевая структура с определенными задачами, с прямым вертикальным подчинением.

Сегодня это, без сомнения, совершенно другая структура. Что, прежде всего, интересует экспертов, политиков, политологов, так это характер прямых организационных связей внутри Аль-Каиды.

Практически любой теракт, который сегодня совершается, и в особенности если он связан с исламским радикализмом, сразу приписывается Аль-Каиде. Но вместе с тем испанские спецслужбы, расследуя ужасный теракт в электричках, не обнаружили до сих пор никакой связи происшедших событий с Аль-Каидой⁹.

Сегодня европейский сегмент Аль-Каиды представляет собой разрозненную систему самоорганизующихся и саморадикализующихся ячеек. Но в силу своей этнорелигиозной специфики эти ячейки способны устанавливать между собой связи в любую минуту – как по горизонтали, так и по вертикали. В том числе и с выходом на Аль-Каиду.

Следует заметить, что у Аль-Каиды появился и новый тезис, который используется в ее идеологии и успешно распространяется по упомянутым ячейкам.

Наряду с идеей создания «всемирного исламского халифата» в качестве основной провозглашается так называемая «тактическая цель». Это – выдавливание американцев, их вооруженных сил, а также союзников США с национальных территорий, принадлежащих мусульманам, прежде всего, на Ближ-

нем Востоке, а также в Центральной Азии.

Сегодня Аль-Каида успешно выполняет свою роль в качестве главного идеолога и, без всякого сомнения, главного спонсора международного терроризма. До сих пор она является самой крупной и самой богатой структурой среди террористических организаций. Но говорить о прямом управлении штабом Аль-Каиды всеми террористическими организациями мусульманского толка не приходится.

По данным американских экспертов, непосредственно Аль-Каида начиная с 2002 г. осуществила несколько десятков терактов, в которых погибло более 700 чел. Кстати, в этих терактах использовались 67 террористов-смертников.

Следует выделить и такую особенность современного терроризма, как попытки получить доступ к оружию массового уничтожения либо к его компонентам с целью шантажа и, не исключено, использования по прямому назначению.

К сожалению, такая информация не просто имеется у спецслужб, но и, как известно, были уже конкретные акты применения по крайней мере химических отравляющих веществ.

Сегодня нельзя достоверно говорить о наличии у террористов ядерного оружия. Но существует реальная опасность, что «грязная бомба» может быть сделана или куплена террористами.

Еще одно из направлений современного терроризма – *кибертерроризм*.

Многие эксперты считают, что ущерб от информационных атак на телекоммуникационные системы, системы управления, базовые инфраструктуры государств по своим последствиям может быть соизмерим с применением оружия массового уничтожения.

Таким образом, угрозы терроризма глобальны и многообразны, изощрены и злонамеренны. Для противодействия им требуется, с одной стороны, объединение усилий всего международного сообщества, с другой – последовательное совершенствование национальной системы противодействия терроризму внутри страны.

В последние десятилетия на фоне динамично развивающейся внешне-политической и военно-политической обстановки, кардинальной перестройки внутриполитических отношений в российском обществе происходили изменения взглядов на суть и содержание национальной безопасности, характер угроз национальным интересам России.

В силу своей многогранности, масштабности и сложности вопросы совершенствования антитеррористической политики Российской Федерации потребовали выработки и реализации долгосрочной общегосударственной (национальной) стратегии, базирующейся на научно обоснованном системном подходе.

К сожалению, в 90-х годах меры государственных органов и общественных организаций в этой сфере деятельности далеко не всегда были последовательными, согласованными, зачастую импульсивными, не учитывающими многофакторность и динамизм терроризма.

Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» и Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» заложены основы единой государственной системы противодействия терроризму, образован Национальный антитеррористический комитет, сформированы Федеральный

оперативный штаб и оперативные штабы в субъектах Российской Федерации.

В результате достигнута новая ступень координации деятельности по борьбе с терроризмом и иными проявлениями экстремизма на всех уровнях – от федерального до муниципального, повышена персональная ответственность руководителей органов управления за выполнение возложенных на них задач, разработаны согласованные планы работы антитеррористических комиссий в субъектах Федерации.

Для законодательного обеспечения предотвращения актов терроризма на территории страны подготовлен ряд федеральных законов и международных соглашений, направленных на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений террористического характера.

В частности, в дополнение к уже упомянутому Федеральному закону «О противодействии терроризму» следует отметить следующие правовые акты:

- Федеральный закон от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ «О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма»;
- Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 127-ФЗ «О ратификации протокола о внесении изменений в Европейскую конвенцию о пресечении терроризма»;
- Федеральный закон от 2 октября 2006 г. № 158-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма»;
- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в ст. 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»;
- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»;

– Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 201-ФЗ «О ратификации Конвенции о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения»;

Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. №16-ФЗ «О транспортной безопасности»;

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 5 октября 2009 г.;

– Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»;

– федеральные законы, изданные в 2006–2010 гг., по уточнению российского законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированием терроризма и другие.

Основным форматом участия России в международном сотрудничестве в борьбе с терроризмом остается ООН.

Россия и далее будет прилагать все усилия для сохранения центральной координирующей роли этой организации в международном противодействии терроризму. Успех в борьбе с терроризмом немыслим без ясной общепринятой международной стратегии. Ее основа заложена в резолюции № 1373 и других решениях Совета Безопасности ООН. Но сейчас требуются дополнительные усилия.

8 сентября 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН консенсусом приняла Глобальную контртеррористическую стратегию ООН, что стало важным шагом на пути выполнения одного из ключевых поручений Саммита–2005¹⁰. Огромное преимущество данного документа в том, что он содержит согласованные позиции всех государств практически по всем приоритетным аспектам борьбы с терроризмом.

13 апреля 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН консенсусом приня-

ла Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма (МКБАЯТ). Россия ратифицировала Конвенцию 2 октября 2006 г.

Впервые антитеррористическая конвенция выработана «на упреждение», то есть до совершения подобных террористических актов с использованием ядерных материалов и других радиоактивных веществ. Это – первый универсальный договор, направленный на предотвращение «террористических актов массового поражения».

Следующий назревший знаковый шаг в укреплении международного антитеррористического законодательства – принятие Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму.

Совместная работа велась и в рамках «большой восьмерки» во взаимодействии с ООН, Евросоюзом, АТЭС, Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии.

Важнейшим европейским достижением в сфере антитеррора последнего времени стала выработка Советом Европы во многом новаторского антитеррористического документа – Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма. Документ эффективно нацелен на превенцию терроризма: пресечение подстрекательства к терроризму, вербовки и подготовки террористов.

Россия активно участвовала в разработке этого документа и первой его ратифицировала. Больше того, у нас принят пакет изменений в российское законодательство в связи с ее ратификацией.

Исключительно важным для Российской Федерации является укрепление регионального антитеррористического сотрудничества на пространстве ближнего зарубежья (в первую очередь в рамках СНГ, ОДКБ), а также в ШОС.

Выработанные в рамках СНГ базовые антитеррористические документы могли бы стать прочным фундаментом для наращивания совместных эффективных усилий в борьбе с терроризмом.

Речь идет, в первую очередь, о Договоре о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом (1999 г.), Договоре о порядке пребывания и взаимодействия сотрудников правоохранительных органов на территории государств-участников СНГ (1999 г.), Протоколе об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-участников СНГ (2002 г.), Соглашении о мерах по контролю государствами СНГ международной передачи переносных зенитных ракетных комплексов «Игла» и «Стрела» (2003 г.).

Важно сделать эти договоры реально работающими, обеспечить претворение в жизнь их положений, не выхолащивать (например, через оговорки при ратификации) цели и смысл этих договоров, ограничивая свое практическое участие в их выполнении.

Приоритетное значение имеет полная реализация Концепции сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма и соответствующей Программы борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008–2010 гг.¹¹.

Весьма плодотворной в этой связи представляется идея повышения эффективности взаимодействия профильных структур СНГ, прежде всего Антитеррористического центра с Региональной антитеррористической структурой ШОС и ОДКБ.

Антитеррористическое взаимодействие в рамках ОДКБ требует особого внимания и стимулирования, поскольку именно государства-члены этой

организации связаны между собой соответствующими договорными обязательствами по обеспечению безопасности.

Для практики антитеррористической деятельности, безусловно, очень конструктивным является двустороннее сотрудничество.

В 2006–2009 гг. силовые структуры России активно взаимодействовали со 120 спецслужбами и правоохранительными ведомствами 76 стран мира, годом ранее такие контакты поддерживались со 104 соответствующими службами и органами 67 стран¹².

Изложенное выше наглядно показывает, что при разработке внутренней и внешней политики высшие органы государственной власти исходят из того, что вопросы антитеррора требуют постоянного внимания и совершенствования.

Существуют разные оценки в отношении объемов финансирования терроризма.

Ряд экспертов считает, что на эти цели идет около 20 млрд. долл. США. Международный валютный фонд заявляет, что эта цифра составляет около 50 млрд. долл. США¹³.

Опыт антитеррористических действий в Чеченской Республике неоднократно показывал, что когда у террористов заканчивались деньги, половина бандитов из лесов и с гор расходилась по домам. После поступления крупных денежным сумм численность бандитских группировок неизменно быстро возрастала.

После 11 сентября 2001 г. американские правоохранительные структуры, фискальные органы определили около 32 млрд. долл., которые, по их данным, могли быть использованы для финансирования терроризма, и наложили на них арест. Но к сегодняшнему дню из

этого объема осталось около 150 млн. долл., по которым до сих пор идут судебные тяжбы. И, как правило, их выигрывает не государство.

Как пошутил один из представителей американского конгресса: «Этот процесс напоминает... попытку отловить две или три мелкие рыбешки, для чего предлагается спустить всю воду в Мировом океане».

Вскрыть, а тем более задокументировать и доказать операции с финансированием террористических организаций оказалось крайне сложно.

Откуда берутся деньги, которые идут на финансирование международного терроризма?

Прежде всего, следует вспомнить ряд международных организаций и фондов крайне радикального толка, чаще всего мусульманских. Рядом стоит и «спонсорство», в котором, к сожалению, участвуют богатые люди разных стран в своих личных или политических интересах. Кроме того, используются деньги, которые традиционно поступают террористам от транснациональной организованной преступности. Прежде всего из таких преступных сфер, как наркобизнес, незаконный оборот оружия, похищение людей, ракет и других.

Потоки движения наркотиков, прежде всего героина, удивительно совпадают с так называемой «дугой нестабильности» (проходит через Филиппины, Таиланд, Индостанский субконтинент, Пакистан, Афганистан, Центральную Азию, Иран, далее по Балканскому полуострову или северному маршруту на Ближний Восток и Европу), в которой происходит наибольшее количество террористических актов.

Но проблема может и должна решаться и в принципе ясно как:

– Прежде всего, необходимо совершенствование законодательной базы, которая позволяла бы государству кон-

структуртивно вмешиваться и создавать надежные барьеры финансированию террористов;

– во-вторых, эти меры должны стать мерами не одной страны, а всего международного сообщества.

В свое время премьер-министр Великобритании госпожа Тэтчер как-то сказала, что гласность – это кислород терроризма. Террористы, захватившие заложников, зачастую требуют обеспечить их микрофоном, а потом уже заявляют о деньгах и политических требованиях.

Пример старый, но показательный: в 1975 г. в ФРГ группа леворадикального течения «Баадер-Майнхоф» захватила в качестве заложника политика и потребовала от правительства страны освободить своих сообщников, которые находились в тюрьме. Было принято политическое решение о том, что надо выдать находящихся в тюрьме бандитов. Однако террористы потребовали, чтобы весь процесс освобождения, сопровождения к самолету и ход по трапу освещался по телевидению. Каждый из освобожденных преступников получил возможность сделать политическое заявление и воспользовался этой возможностью, входя на трап. Как потом в итоге признались руководители западногерманского телевидения, на 72 часа они потеряли контроль над собственными СМИ.

Еще один пример – прямая трансляция событий, которые происходили вокруг «Норд-Оста» в России¹⁴. Телевидение на тот момент во многом способствовало распространению лозунгов террористов, позволило им через СМИ играть на чувствах родственников заложников.

Пресса, конечно, не может быть просто ретранслятором событий. Журналистика живет по своим законам. Но **профессионализм журналиста, его высокий**

как гражданская ответственность должны заставлять его отделять право на получение и распространение информации от невольного пособничества терроризму.

Здесь надо отметить одну общую особенность. Активизация международного терроризма, с одной стороны, и необходимость специальным службам государств работать превентив-

но – с другой, объективно требуют ужесточения некоторых уже ставших привычными для демократических стран норм, что, в сущности, не может не затрагивать права человека. Возникает своего рода коллизия.

Государство вынуждено ограничивать общество и гражданина в правах для того, чтобы обеспечить основное право – право человека на жизнь¹⁵.

Опыт обеспечения антитеррористической безопасности России позволяет проработки конструктивные теоретические обобщения и программные построения в этой стратегически важной сфере деятельности.

Наиболее актуальные меры организационно-научного характера могут быть сведены к следующему.

Во-первых, настало время системно осмыслить и изложить теорию формирования государственной антитеррористической политики, включая понятийную основу, принципы построения, целевые установки, направления деятельности, индикаторы, основные компоненты национальной системы противодействия терроризму.

Во-вторых, сегодня на государственном уровне необходимо выстроить и своевременно корректировать политически выверенную, долгосрочную, целенаправленную стратегию антитеррористической деятельности, сочетающую меры оперативного и долгосрочного характера, определяющую сферы ответственности, задачи и формы взаимодействия различных ведомств и организаций (включая организации науки и образования), необходимые ресурсы и направления их использования. Не последнее место в такой стратегии должны занять меры идеологического характера.

В-третьих, необходимо всестороннее обоснование и формирование концепции и проекта отдельной федеральной целевой программы «Антитеррор», включающей в том числе специальные исследования и разработки в этой сфере деятельности.

Время экстенсивного, зачастую запоздалого наращивания усилий по отдельным направлениям антитеррористической деятельности проходит. Должна формулироваться глубоко продуманная, научно обоснованная система.

Примечания

¹ Литвин А.Л. Красный и белый террор 1918–1922: М.: Изд. Эксмо. 2004. С. 12.

² Осипов А.Г. Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: изд. «Наука», 2004. С. 12.; Криволуксов В.В. Мятежный Карабах. Из дневника офицера МВД СССР. М.: изд. Голос-Пресс. Второе изд., 2007. С. 184.

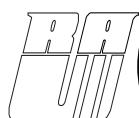
³ Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: изд. Аспект Пресс, 1999. С. 34.

⁴ Райт Л. «Аль-Каида». Geleos Publishing House, 2010. С.142.

⁵ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1099730700>

⁶ Фридман В. 11 сентября: вид на убийство. М.: НЦ ЭНАС, 2009. С. 96.

- ⁷ Новая газета. 2002. 25 ноября. № 87.
- ⁸ Российская газета. 2004. 12 марта. № 3427.
- ⁹ Российская газета. 2007. 31 октября; <http://www.rg.ru/2007/10/31/ispania-anons.html>.
- ¹⁰ Российская газета. 2005. 21 сентября. № 3879.
- ¹¹ Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 5 октября 2007 г. «О Программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насилиственными проявлениями экстремизма на 2008–2010 годы».
- ¹² Исаков А., Олейник А. Предупреждение терроризма: реальность и перспективы // Обозреватель–Observer. 2008. № 11. С. 6.
- ¹³ Мировой порядок после терактов в США: проблемы и перспективы // <http://www.antiterror.ru/library/lections/70865496>.
- ¹⁴ Новая газета. 2006. 30 октября. № 82.
- ¹⁵ Соболев В.А. Выступление на XII Всемирном конгрессе русской прессы «Совместные усилия мирового сообщества – основа победы над международным терроризмом». Тель-Авив (Государство Израиль) 23–27 мая 2010 г.

БОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2010 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Социальная сфера – объект национальной безопасности

Владимир Макаров

В конце XX – начале XXI в. в центре внимания исследователей из разных областей науки стала безопасность, способствующая устойчивому развитию общества. В рамках классической науки «безопасность» рассматривается одновременно с феноменом «опасность». Но, естественно, такой однолинейный подход не позволяет охватить все реалии, осознаваемые социумом как «социальная безопасность».

В современных условиях в зарубежной и отечественной науке безопасность характеризуется не только как отсутствие опасностей, угрожающих индивиду, обществу и государству, но и как наличие условий для достойной жизни людей, удовлетворения и реализации их потребностей и интересов, как стабильное состояние общества, его качественная определенность, устойчивое и прогрессивное развитие в системе международных отношений. Она рассматривается и как свойство социума сохранять свои целостность, относительную самостоятельность и устойчивость, способность к развитию, и как вид деятельности, система мер, направленных на предотвращение опасности.

В ст. 6 «Стратегии Национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», введенной Указом Президента России от 12 мая 2009 г. № 537 под «национальной безопасностью» понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹.

МАКАРОВ Владимир Евгеньевич – кандидат военных наук, профессор (Российский государственный социальный университет). E-mail: 1699636.kaf.ru; E-mail: makarov_v_e@mail.ru

Ключевые слова: социальная сфера, социум, социальная безопасность, качество и уровень жизни, показатели развития.

Безопасность человеческого общества характеризует жизнедеятельность людей и их образований как наиболее организованной части живых биологических существ, их способность к самовоспроизведению, существованию и развитию, созданию для этого необходимых ресурсов и условий.

Безопасность человеческого общества проявляется в возможностях человеческого социума сохранять свою качественную определенность и целостность, обеспечивать оптимизацию и совершенствование своей внутренней организации при взаимодействии с другими объектами, системами. Это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, народов и государств от целого комплекса разного вида и уровня опасностей и угроз. Безопасность человеческого общества представляет такое состояние всех сфер жизнедеятельности людей, образуемых ими объединений, групп, организаций и институтов, а также условий их функционирования, пространственно-географического взаимодействия социальных организмов, обеспечивающих сохранение и укрепление целостности и независимости человеческого сообщества, его развитие и защиту на всеобщем (глобальном), региональном и территориально-государственном (национальном) уровнях.

Сущность национальной безопасности как социального явления составляют состояние и качество реально сложившихся социальных отношений в обществе, которые обеспечивают необходимый уровень гарантий его безопасности, позволяют государству прогнозировать, своевременно выявлять, упреждать и устранять реальные и потенциальные опасности и угрозы национальным интересам. Сущность национальной безопасности, проявляется:

– *во-первых*, в наличии, постоянном увеличении и обогащении различных ресурсов и возможностей общества, их рациональном использовании для реализации национальных интересов, устойчивого и поступательного развития страны;

– *во-вторых*, в функционировании эффективной системы противодействия опасностям и угрозам национальным интересам, адекватной их масштабу и уровню;

– *в-третьих*, в динамичности системы национальной безопасности и ее способности своевременно выявлять и нейтрализовывать опасности и угрозы национальным интересам, своевременно перестраиваться в соответствии с изменением обстановки. Национальная безопасность характеризует возможности и способность общества обеспечивать защиту национальных интересов от различных по содержанию и характеру опасностей и угроз, поддерживать необходимый уровень безопасности личности, общества и государства. Такая социальная роль национальной безопасности означает, что она представляет собой сложное по структуре явление, включающее как систему условий и факторов защиты национальных интересов, так и процесс использования ресурсов и возможностей общества для сохранения, поддержания и усовершенствования этих условий и факторов.

В современных научных исследованиях, монографиях и статьях, учебной литературе и публицистике структура национальной безопасности как явления раскрывается с позиций организационно-структурного и функционально-деятельностного подходов.

При организационно-структурном подходе национальная безопасность рассматривается как определенное образование, система. В ней как в едином целом по различным основаниям выделяется совокупность отдельных взаи-

мосвязанных между собой элементов, видов и уровней безопасности. В зависимости от среды формирования и масштаба опасностей и угроз национальным интересам национальная безопасность как единое образование подразделяется на внутреннюю национальную и внешнюю национальную.

В свою очередь внутренняя национальная безопасность представлена общенациональным, региональным и муниципальным, а внешняя национальная безопасность – глобальным, региональным и локальным уровнями.

По сферам (областям) жизни, в которых проявляются опасности и угрозы национальным интересам, выделяются экономическая, социальная, политическая, духовно-идеологическая, военная, информационная, экологическая, технологическая и другие виды безопасности.

Отметим, что в некоторых современных публикациях по сферам общественной жизни выделяются 10–15 и более разновидностей национальной безопасности, что является, по мнению автора, неправомерным.

Чрезмерное дробление национальной безопасности на мелкие, частные разновидности значительно усложняет, особенно на обыденном уровне, ее восприятие как единого целого, затрудняет группировку и систематизацию условий и факторов нейтрализации опасностей, угроз и современных вызовов национальным интересам, противодействия им в различных сферах общественной жизни. Поэтому представляется рациональным предложение А.А.Прохорцева о том, что по сферам общественной жизни теоретически и практически целесообразно ограничить выделение видов национальной безопасности основными охватывающими всю совокупность отношений и взаимодействия людей².

Национальная безопасность как процесс защиты национальных интересов включает субъекты обеспечения национальной безопасности, цели и задачи обеспечения национальной безопасности, политико-правовые основы и принципы обеспечения национальной безопасности, органы и силы, средства, методы и способы обеспечения национальной безопасности, объекты обеспечения национальной безопасности.

Таким важнейшим объектом обеспечения национальной безопасности является социальная сфера, как сфера жизнедеятельности социума. Особенностью нашей российской деятельности является возникновение таких опасностей, как нестабильность социальных и хозяйственных институтов, финансовая напряженность и сложность перехода к рыночным отношениям, неблагоприятная демографическая ситуация, снижение уровня и качества жизни, возникновение этнополитических конфликтов, рост коррупции, ухудшение исполнительской дисциплины, психологических и нравственных характеристик населения, распространение псевдорелигиозных учений.

Первоочередного решения требует проблема защиты трудового населения от уже сформировавшейся довольно устойчивой системы рисков: заболевания, инвалидности, производственного травматизма, потери кормильца, безработицы (открытой и скрытой), миграции, потери жилья за неуплату жилищно-коммунального обслуживания, невозможности должного содержания и лечения иждивенцев, малодетности и неполноты семьи, пострадавших от стихийных бедствий и техногенных катастроф и др.

Усилинию незащищенности населения способствовали ограничение ответственности общества за благополучие

граждан, разрушение монополии государства на производство социальных услуг, чрезмерная коммерциализация и приватизация предприятий сферы услуг.

В связи с этим необходимо решить проблему определения границ вмешательства государства в социальную сферу, в обеспечение населения социальными услугами, методов госконтроля за соблюдением стандартов в области общественно необходимых благ и услуг, реализации механизма личной и межличностной ответственности индивида за благополучие семьи.

Социальную сферу, ее компоненты относят к стратегическим факторам моцни государства наряду с его территорией, природными богатствами, экономическими, научно-техническими и оборонными возможностями. Состояние социальной сферы – это производная экономики и политики. Экономические, политические, информационные, экологические, духовно-нравственные и другие угрозы направлены, в конечном итоге, против людей, всего социума и чреваты ущербом для экономики, общества и государства.

Крупнейшие исследователи показателей моцни государства, например известный американский политолог Дж.Най, особенно выделяют численность, здоровье, образование и дух нации, ее сплоченность, стабильность и крепость внутренних отношений, защитную способность, жизнестойкость и т.д.

«Жизнестойкость, созидательная энергия и разносторонность американского общества являются важными источниками национальной моцни», говорится в Стратегии национальной безопасности США.

Через все содержание этого документа лейтмотивом проходит забота о социальной слагаемой национальной моцни.

Потенциал Америки, это наряду с военно-экономическими компонентами «... великие идеалы и самое главное наш народ». Внешняя, как и внутренняя политика должна служить интересам благосостояния нации, потребностям народа, повышению благополучия страны. Администрация концентрирует внимание на программах «планирования семьи, сохранения здоровья», «несет ответственность за защиту жизни и поддержание личной безопасности американцев, сохранение нашей политической свободы и независимости как нации и обеспечение благополучия и процветания страны».

Во время тяжелых испытаний (войны, катаклизмы), исторических неудач, поражений и ошибок, глубоких реформ, нередко мучительных и трудных, главными силами спасения и возрождения выступают, нравственное здоровье, консолидация народа.

Другой американский ученый С.Дойл отмечает, что государство находится в социальной безопасности, если имеет возможность «осуществлять меры по развитию социальной сферы, образования и экономики без внешнего воздействия, обеспечивать своих граждан жильем, продовольствием, работой, защищать их гражданские права и личные свободы»³.

По мнению еще одного американского ученого, профессора Д.Фишера социальная безопасность есть «возможность для государства свободно добиваться национального развития и прогресса, а также удовлетворения активных потребностей и прав человека»⁴.

Если жизнь народа ухудшается, если у него нет великих идей и целей, мотивов, порождающих созидательную энергию и активность, заинтересованности в труде, если государство не заботится о его физическом и духов-

но-нравственном здоровье, то все эти социальные факторы тянут вниз другие показатели стратегической мощи, жизнестойкости и жизнеспособности страны. Если в социальной структуре и социальных отношениях общества нарастают антагонизмы, разрушается сплоченность народа, набирает силу раскол и противоборство между его частями, то не может быть и единой системы безопасности такого общества, ибо каждый из социальных субъектов, находящихся в контакте друг с другом, заботится больше о своей безопасности, чем об общей.

История и современность показывают, что отжившие социальные структуры, несправедливость и вражда в положении и взаимоотношениях классов, социальных групп, людей, существование эгоистических и агрессивных общностей, процветание меньшинства за счет большинства, ухудшение условий жизни подрывает сами основы общества, порождает социальные конфликты и может привести к гибели государства.

Если политика ударяет по социальному благополучию народа, то он устраняет такую политику и ее сторонников от власти. Удары по социальной сфере бьют по людям, которые реагируют на это очень быстро и решительно.

Все это лишний раз подчеркивает значимость и силу социальных факторов в решении судьбы той или иной политики, политической партии, власти, их лидеров. Без прочной социальной сферы не может быть политической стабильности.

Как представляется, социальная безопасность есть состояние общественных отношений, обеспечивающих защищенность интересов страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и

социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса цивилизации.

Социальная безопасность является неотъемлемой составной частью национальной безопасности России, находится в единстве с другими видами безопасности.

В современной отечественной литературе вопросы социальной безопасности исследуются чаще всего в трех доминирующих контекстах.

Первый из них связан с анализом социальной безопасности как общественной безопасности, то есть безопасности деятельности в основных сферах общества: политической, экономической, социально-бытовой, социокультурной и т.п.

Второй контекст определяется ориентацией на социальную сферу, обеспечение безопасности жизнедеятельности в сфере социальных отношений. В этой связи нередко проблема социальной безопасности дифференцируется в плане различий и взаимосвязи физического, психологического и социального здоровья, где угроза социальному здоровью представляется как риск социальной безопасности.

Третий контекст вполне определенно возникает в системе решения задач национальной безопасности, где защита гражданского населения от угроз на общегосударственном уровне представляется как обеспечение социальной безопасности.

Социальная сфера – единственная область человеческих отношений, целевая функция которой обеспечить воспроизведение рода, социализацию индивида. Остальные сферы призваны способствовать созданию условий для жизни человека, удовлетворению его насущных потребностей в труде, творчестве, в досуге, развитию его таланта; обеспечить защиту прав и свобод че-

ловека, в том числе главного его права – права на жизнь, на безопасное существование. Это указывает на чрезвычайную важность социальной сферы как фактора целостного развития общества.

Специфика социальной сферы определяется деятельностью людей (являющейся интегративной стороной, свойством, конституирующими ее становление), направленной на удовлетворение данной общественной потребности, социальными отношениями, возникающими в ее ходе и социальными субъектами данной деятельности и отношений. От других сфер ее также отличает выполняемая ею функция. В пространстве социальной сферы реализуется социальная политика государства, социальные и гражданские права человека.

Социальная сфера в идеале призвана обеспечить достаточный, с точки зрения прогресса общественного развития, уровень благосостояния, доступность основных жизненных благ для большинства населения, и должна характеризоваться социальной структурой, базирующейся не на классовой поляризации, а на широком спектре социальных слоев, различия в положении которых не носят дезинтегрирующего характера. Она призвана:

- создавать возможности социальной мобильности, перехода в более высокую доходную, профессиональную группу;

- гарантировать необходимый уровень социальной защиты, возможность участия населения в управлении предприятием и государством, развитие социальной активности;

- обеспечивать возможность самореализации человека, свободу выбора приложения своих способностей, в том числе и на рынке труда.

Фундаментальной предпосылкой форсированного повышения интеллек-

туального потенциала современного общества являются: качество жизни, уровень образования и состояние здоровья населения, восприимчивость власти и интеллектуальной элиты к научным и технологическим новациям, особенно ко всему тому, что связано с включением в глобальное информационное пространство. Недостаточное внимание государства к этим проблемам может оставить Россию на окраине мирового научно-технического, социального и культурного прогресса.

Очевидно, что правительство страны призвано:

- создать благоприятные условия для равноправного доступа населения ко всем имеющимся возможностям, достижения социальной справедливости и сплоченности всех граждан;
- обеспечить на уровне, адекватном требованиям времени, поддержание систем образования, здравоохранения, экологии, инвестирование науки.

На это, конечно, уйдет значительная доля создаваемой прибавочной стоимости, и неизбежна серьезная «борьба» вокруг масштабов этих расходов. Но отметим, что трудности поиска новых подходов к развитию человека в условиях глобализации экономики испытывает не только Россия, но и другие страны. И для этих стран они не означают уход государства из социальной сферы.

Примером может послужить новая стратегия социальной сплоченности Совета Европы, пересмотренная в 2004 г.

В ней, в частности, отмечается: «Вызов, который стоит перед Европой в ХХI в., заключается в том, чтобы найти средства для того, чтобы адаптировать эти достижения (европейскую социальную модель. – Авт.) в социальной политике к эволюции потребностей и к изменениям в экономической конъюнктуре, не искажая при этом сути своей политики».

Тем более, что, по существу, социальные расходы являются фактически формой социальной заработной платы, они практически возвращают значительную часть прибавочной стоимости работодателям и обществу в виде образованного, здорового наемного работника, научноемких технологий, законоисполненных граждан, воспринявших и руководствующихся в своей жизни общечеловеческими ценностями.

Нельзя забывать, что расходы на социальные цели формируют человеческий капитал нации, создают фундамент для стабильного и прочного общества, являются оправданным капиталовложением в будущую экономическую жизнеспособность страны и, напротив, как угрозы национальной безопасности следует воспринимать обострение следующих социальных проблем:

- повышение уровня бедности;
- увеличение имущественной дифференциации;
- недоступность для большинства населения качественного образования, культурного и медицинского обслуживания, коммунально-бытовых услуг;
- рост безработицы;
- распад научных коллективов и на этой основе подрыв научно-технического потенциала России;
- снижение результативности и разрушение технологического единства научных исследований и разработок

Актуальность задач обеспечения социальной безопасности и устойчивости развития современного российского государства в главном определяется следующими причинами:

- *во-первых*, тем, что в последние годы в России многоократно возросли риски, угрозы социальному благополучию и защищенности граждан;
- *во-вторых*, очевидной является массовая бедность населения, что зна-

чительно осложняет решение проблем социальной безопасности граждан путем самозащиты;

– *в-третьих*, можно констатировать ослабление влияния профсоюзов на решение вопросов защиты трудящихся в условиях реформирования российского общества по модели западного капиталистического типа организации производства и управления;

– *в-четвертых*, нельзя не отметить свертывание государственных программ защиты социальных прав трудящихся;

– *в-пятых*, растет влияние на производственно-экономическую, финансово-ую и социально-бытовую сферы российского общества международных политических, финансовых и информационных центров, что заметно осложняет решение задач социальной защищенности, безопасности населения и устойчивого развития России.

С этой точки зрения, социальная безопасность может характеризоваться как защищенность жизненных сил человека и социального пространства их бытия, как защищенность индивидуальной и организационно-коллективной субъектности личности в конкретно-исторических условиях места (региона) проживания. В соответствии с этим необходимо выделить индикаторы, через которые феномен социальной безопасности описывается наиболее адекватно социально-региональным условиям. Естественно, что могут существовать различные основания для выделения таких индикаторов.

Важнейшим элементом механизма обеспечения социальной безопасности России является мониторинг влияния на нее социальных факторов. Отслеживание социальных показателей является одной из главнейших государственных задач. Только на такой основе возможно осуществление разумной соци-

ально-экономической политики, тем более что время свидетельствует о заметном ослаблении в России позиций науки, образования, медицины, то есть институтов, оказывающих решающее воздействие на формирование человеческого потенциала, масштабы и качество которого и определяют параметры развития страны.

Примечания

- ¹ Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // archive.kremlin.ru /2009/05/21.
- ² *Прохожев А.А.* Теоретико-методологические основы безопасности России // Безопасность России в XXI веке. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. С. 129–140.
- ³ *Дойл С.* Гражданские космические системы. Их влияние на международную безопасность. РАН ИИОН. М., 1994. С. 5.
- ⁴ *Фишер Д.* Невоенные аспекты безопасности: системный подход. М., 1994.

**Подписка на 2011 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
36789 – на год**

О новой стратегической концепции НАТО

Владимир Штоль

В начале нового столетия деятельность НАТО вышла далеко за пределы «традиционной евро-атлантической зоны ответственности». Это со все большей очевидностью свидетельствует о нацеленности Запада на превращение альянса в универсальный механизм глобального военно-политического регулирования.

В рамках политики обеспечения стабильного стратегического окружения концепция 1999 г. рассматривала в качестве основного операционного театра действий НАТО Балканы. Исходя из этого, главным вызовом считалась «нестабильность по периметру границ альянса и возможность возникновения региональных кризисов на территории евро-атлантической зоны ответственности».

Теперь же, по заявлению генерального секретаря НАТО Андерса Фог Расмуссена, новым приоритетом является борьба с терроризмом в Афганистане. «Мы будем находиться там столь долго, сколько необходимо», заявил он. Из этого можно заключить, что очевидной стратегической перспективой будет закрепление военно-политического присутствия НАТО в Центрально-Азиатском регионе и Южном Кавказе, что составляет основу новой стратегии блока на предстоящее десятилетие. Кроме того, в нее войдут гибкая политика в отношении России и новые принципы применения силы в так называемых «условиях отсутствия войны».

Сегодня, по справедливому замечанию белгийского эксперта Фредерика Куна, Кавказский регион «расположен на границе общеевропейского пространства безопасности, он – центр экономических интересов и важный транспортный коридор (например, для

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор. E-mail: V.Shtol@gmail.com

Ключевые слова: новая стратегическая концепция, военная трансформация, военный потенциал, силы реагирования НАТО, силы специального назначения.

нефти и газа). Для Советского Союза он был необыкновенно весомым в военном отношении. Для НАТО роль Южного Кавказа также чрезвычайно велика с точки зрения европейской безопасности.

После того, как в 2007 г. Болгария и Румыния вступили в Евросоюз, Кавказ стал рассматриваться в качестве новой границы НАТО и всей структуры европейской безопасности».

Необходимость принятия новой концепции обусловлена изменением норм и целей. Несмотря на их четкое обозначение в концепции 1999 г., руководство альянса считает, что настала пора смены стратегии. Это, по их мнению, вызвано событиями последних десяти лет, которые существенно повлияли на обстановку в сфере европейской безопасности. К этим событиям, в первую очередь, относятся:

- изменение экономической, политической и военной обстановки в мире, вызванной переходом от однополярной системы управления миром к многополярной;
- глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.;
- расширение НАТО с 16 до 28 государств;
- атаки террористов на объекты США в сентябре 2001 г.;
- нападение Грузии на Южную Осетию в 2008 г.

В этой связи в мире возникли новые риски, угрозы и вызовы. Если раньше натовские военные приготовления сводились к концентрации войск для сдерживания нападения извне, то сегодня члены НАТО озабочены возможностью того, что региональные распри или политические запугивания могут подорвать безопасность на их границах. Тем более что в настояще время, как указывалось ранее, государства Южного Кавказа стали приграничными к НАТО. Появились также и новые угрозы и риски безопасности, в число которых натовцы включают не только территориальные споры, угрозы терроризма и распространение оружия массового уничтожения, а также проблемы кибербезопасности, миграции, истощения энергоресурсов, религиозного экстремизма, нарушения прав человека, экологии, организованной преступности, этнических и религиозных конфликтов, пиратство на море и другие.

Все это вызывает новые потребности, то есть трансформацию военных возможностей, более совершенный подход к партнерству в НАТО, более эффективные консультации в области

безопасности и более эффективную структуру НАТО.

Исходя из этого, говорится в рекомендациях экспертов, НАТО должна определить свои задачи на ближайшее десятилетие и наметить пути их решения. Она должна быть нацелена на обоснование необходимости и определение путей дальнейшей глобализации блока, усиление его возможностей контролировать ситуацию в любом районе мира и реализовывать планы Запада в глобальном масштабе, в том числе и в районах традиционного влияния и интересов России.

«НАТО должна быть достаточно универсальной и эффективной, чтобы действовать вдали от дома», заявила глава группы экспертов Мадлен Олбрайт.

Эту идею поддержал и генсек НАТО Андерс Фог Расмусен. Оговорившись, что у альянса нет амбиций стать глобальной организацией, он сказал: «Чтобы выполнить нашу главную задачу по территориальной обороне, мы должны осознавать, что в сегодняшнем мире мы должны выходить за пределы наших границ, чтобы защищать наши границы. ТERRITORIALНАЯ

безопасность – это гораздо больше, чем простое выстраивание танков вдоль наших географических границ». По словам генсека, если НАТО будет проводить операцию за пределами своей зоны ответственности, то, во-первых, это должно делаться с единственной целью – для защиты стран-членов, а во-вторых, такие действия будут предприниматься на основании принципов Устава ООН.

Новая концепция должна нацеливаться также на обоснование необходимости и определение путей дальнейшей глобализации блока по составу и функциям, наращивания военного потенциала НАТО, включая наращивание возможностей для силового вмешательства в районах земного шара, отстоящих на многие тысячи километров от границ государств-членов НАТО.

В качестве аргументов для этого были найдены глобальные вызовы и угрозы для стран-членов альянса, а именно:

- перспективы повышения военных возможностей других стран и коалиций (Китай, Индия и др.);
- ограничение доступа стран Запада к сырьевым ресурсам, в первую очередь к источникам нефти и газа;
- разрушительные последствия возможного воздействия на информационные системы альянса в целях нарушения их функционирования и нейтрализации превосходства в традиционных видах вооружения;
- снижение негативного воздействия на сферу безопасности таких процессов глобализации, как расширение масштабов обмена информацией, упрощение механизмов перемещения капиталов и товаров, усиление миграции населения;
- терроризм;

- распространение оружия массового поражения и средств его доставки;
- нарастающие экологические проблемы.

При этом для предотвращения или нейтрализации угроз и вызовов безопасности для стран Запада будут определены различные варианты применения военной силы:

- отражение агрессии на страны и объекты НАТО в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора (1949 г.). При этом ст. 5 договора НАТО останется неизменной, поскольку как раньше, так и сейчас ключевая функция НАТО – оборона членов этой организации. Однако характер атак меняется, защита границ стран-членов альянса начинается далеко от фактических границ (яркий пример тому – Афганистан).

Кроме того, расширяются границы областей, по которым ведутся атаки (например, атаки в киберпространстве). Поэтому по буквe и духу ст. 5 договора НАТО останется неизменной, но специфика понятия «защита территории», очевидно, будет пересмотрена.

- силовое реагирование на совершенные или готовящиеся террористические акты против объектов или граждан государств альянса;

– обеспечение защиты западных ценностей и демократических свобод в партнерских государствах, не являющихся членами НАТО, а также по запросу других международных организаций;

- участие воинских контингентов НАТО в гуманитарных операциях по ликвидации последствий природных и техногенных катастроф.

Завершение эпохи «однополярного мира» и выход на международную арену новых глобальных игроков, в том числе России и Китая, диктуют изменение принципов применения во-

оруженных сил НАТО. Возрастающее соперничество ведущих держав мира выводит на первый план революционные методы ведения войны. Поэтому составным элементом новой доктрины Североатлантического альянса станет «стратегия непрямых действий».

Такая стратегия представляет собой комплексное воздействие (политико-дипломатическое, военное, экономическое, идеологическое, информационно-психологическое), направленное на дестабилизацию ситуации в том или ином регионе (стране). Реализация такой стратегии осуществляется через технологию управления кризисами, составной частью которой является проведение операций в так называемых «условиях отсутствия войны».

Все это предполагает совершенствование политических и военных возможностей НАТО, направленных на превращение альянса в универсальный механизм глобального военного и политического регулирования.

Дополнительный импульс работе по трансформации НАТО в организацию с глобальной сферой ответственности придает переданный Постоянному совету НАТО 17 мая 2010 г. доклад группы экспертов альянса с предположениями по новой стратегической концепции «НАТО 2020: обеспеченная безопасность; динамичное вмешательство». Рекомендации этого документа предполагается положить в основу стратегической концепции НАТО.

Новая стратегическая концепция должна содержать руководство по дальнейшей трансформации военных возможностей альянса. Участие блока в различных операциях подчеркивает необходимость иметь вооруженные силы, способные к быстрому развертыванию и ведению продолжительных боевых действий, обладающие оперативной совместимостью в сред-

ствах командования, управления и связи, компьютерной технике, разведке и наблюдении.

Однако главным лимитирующим фактором, отрицательно влияющим на военную трансформацию НАТО, всегда было отсутствие у европейцев единства в вопросах военных расходов на нужды вооруженных сил. Сейчас только шесть из двадцати шести европейских союзников расходуют на эти цели 2% ВВП или чуть больше и лишь немногим меньше половины государств-членов НАТО достигли установленного в союзе 20% уровня военных расходов.

Тем не менее, несмотря на ограниченность в финансовых возможностях, НАТО все же может иметь вооруженные силы, способные решать весь спектр задач НАТО в пределах установленных ассигнований.

Новая стратегическая концепция призвана обновить задания, установленные концепцией 1999 г., и содержать согласованный пакет первоочередных задач на предстоящие годы.

В этой связи в упоминавшемся ранее докладе экспертов указывается, что на предстоящее десятилетие перед НАТО в военной области стоят четыре центральных взаимосвязанных задачи:

- сдержать и предотвратить любую агрессию, а также защитить политическую независимость и территориальную целостность любого государства-члена НАТО в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора;

- взаимодействовать с партнерами и гражданскими институтами в защите территории по всему диапазону вызовов безопасности;

- развертывать и обеспечивать экспедиционные силы для военных операций вне зоны действия Договора для защиты жизненно важных интересов государств-членов альянса;

– способствовать созданию более стабильной и мирной международной обстановки безопасности за счет повышения взаимодействия с партнерами, обеспечения возможностей подготовки военнослужащих и полицейских, координации военной помощи и кооперации с правительствами ключевых стран.

Для успешного решения этих задач НАТО должна остановить крутое падение национальных военных расходов, провести новые реформы и установить приоритеты для развития будущих возможностей.

В этой связи новая стратегическая концепция, наряду с другими вопросами, должна учитывать в качестве приоритетных задач следующие положения:

– **Обеспечить уверенность союзников в выполнении обязательств по ст. 5 Вашингтонского договора.** Помимо уже существующих критериев военной готовности к выполнению обязательств по ст. 5, необходимо принять дополнительные меры, чтобы гарантировать эту готовность на практике. К этим мерам относятся совершенствование чрезвычайного планирования, подготовка к реагированию на кризисы, оценка имеющихся сил и проведение военных учений. Чтобы исключить провокационный характер таких учений, они должны объявляться заранее и на них должны приглашаться наблюдатели из соседних стран.

– **Силы, предоставляемые членами НАТО или партнерами для решения задач, как на территории союза, так и вне ее, должны обладать способностью к развертыванию и ведению длительных боевых действий.** Для этого союзники должны реорганизовать большую часть своих сил на новых принципах. Развертывание предполагает стратегические переброски войск по воздуху, однако, средств для этого у НАТО

пока недостаточно, хотя создание консорциума самолетов С-17 – шаг в данном направлении.

Идея создания нового органа – Агентства по развертыванию (*NATO Deployment Agency*) – заслуживает внимания и должна быть реализована. Такое агентство должно быть ответственно за отработку всех аспектов подготовки сил союза для быстрого развертывания.

– **Расширение роли Сил реагирования НАТО.** Силы реагирования НАТО должны быть в готовности как к выполнению задач, предусмотренных ст. 5, так и не подпадающих под нее. Эти силы должны быть в центре учений по отработке задач в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора.

– **Поднять роль системы электронных коммуникаций** (системы управления, контроля и связи, вычислительной техники, сбора и распространения информации, наблюдения и разведки – C42CR) как оперативного органа НАТО. Ее возможности обеспечивают связь и оперативное взаимодействие между НАТО и национальными войсками и позволяют им действовать как единое целое. Система должна пользоваться приоритетом в распределении инвестиций как государств-членов, так и самой НАТО.

Союзники должны инвестировать первыми в соответствии с последней архитектурой систем связи и информации и стандартами систем сбора данных наблюдения и разведки. В этой связи НАТО должна обеспечивать то же самое единобразие в системе командных структур блока. Союзники и партнеры должны увеличивать инвестиции в национальные системы на тактическом и оперативном уровне, которые войдут в оперативно-стратегические сети НАТО.

– **Усилить возможности Сил специального назначения** (*SOF – Special*

Operations Forces). Многое уже было сделано по сплочению (сколачиванию) возможностей Сил специального назначения стран-членов и партнеров, включая Штаб специальных операций НАТО (*NATO Special Operations Headquarters*). Этот орган разрабатывает общую доктрину и порядок подготовки, а также вопросы совершенствования обменом разведданных. Еще больше может быть сделано в сфере повышения возможностей использования этих экспедиционных сил. В соответствии с Заявлением по итогам встречи глав государств и правительства в Страсбурге/Келе Североатлантический совет должен рассмотреть вопрос о превращении Штаба специальных операций НАТО в самостоятельное компонентное командование.

– **Повысить роль Союзного командования по трансформации.** Ему необходим более широкий мандат, больше ресурсов и больше власти. Оно должно быть инициатором в разработке как возможностей по трансформации, так и новых эффективных мер. Оно должно на основе полученного НАТО опыта взять на себя разработку доктрины и программ учебной и боевой подготовки.

– **Трансформация системы обучения и подготовки (образовательной системы).** Под руководством Командования по трансформации НАТО должна, используя информационную революцию, выработать систему непрерывного образования военного и гражданского персонала. Современные образовательные возможности, включая дистанционное образование, взаимообмен и тренажеры, смогут шлифовать оперативные и стратегические навыки. По мере возможности эти программы подго-

товки должен включаться персонал партнерских стран и организаций.

– **Повышение осведомленности о ситуации в морской обстановке.** Меняющаяся обстановка в морских районах, прилегающих к НАТО, в северных широтах, Персидском заливе, Индийском океане требует новый уровень осведомленности о состоянии безопасности в этих районах.

НАТО должна соразмерять инвестиции в такие средства наблюдения, как беспилотные летательные аппараты, морские патрульные самолеты, РЛС наземного базирования, надводные и подводные суда и автоматические системы (роботы). НАТО также должна (в соответствии со ст. 5.) согласовывать районы специального наблюдения, в которых может осуществляться незаконное нападение на суда, распространение ОМП и террористическая деятельность.

В интересах решения указанных задач и своевременного реагирования на возникающие угрозы НАТО должна совершенствовать свои возможности более быстро, чем это делается сейчас. Для этого необходимо создание:

- новых, действительно многонациональных формирований с единым командованием и управлением, взаимозависимым МТО* и интегрированными гражданско-военными компонентами;
- новых условий для организации неформальных пультов, особенно для перебросок войск;
- условий для увеличения общего финансирования системы электронных коммуникаций (C42SR) и взаимодействия ее элементов;
- общих подходов к МТО;

* МТО – материально-техническое обеспечение.

- условий для дальнейшей эволюции и координации национальных возможностей и их специализации;
- возможностей для организации дополнительных многонациональных закупочных программ;
- Агентства по оборонным потенциалам НАТО и ЕС;
- общих фондов для частичного развертывания, включая ежегодные учения Сил реагирования НАТО;
- структуры командования НАТО с целью сокращения расходов и увеличения способностей к развертыванию.

Несмотря на принятие несколько лет назад концепции о всестороннем подходе, говорится в докладе экспертов, в НАТО существуют достаточно серьезные трения между гражданским и военным персоналом при совместной работе.

«Военные и гражданские пытаются планировать по-разному, устанавливают разные приоритеты, принимают разные стандарты подотчетности, по-разному подходят к подбору и расстановке кадров и часто говорят на одном и том же языке так, что с трудом понимают друг друга».

В этой связи Стратегическая концепция должна напомнить об этом упущении и потребовать от каждого члена альянса улучшить отношения своих военных с гражданскими партнерами и рекомендует:

1. НАТО на всех уровнях должна быть частью интегрированной гражданско-военной структуры. Это потребует создания в НАТО небольшой гражданской группы планирования для поддержания контакта, обмена информацией и участия в совместном планировании со странами партнерами и организациями.

2. НАТО должна иметь современный меморандум взаимопонимания с такими ключевыми организациями как

ООН, ЕС и ОБСЕ, а также другими национальными и региональными органами и неправительственными организациями.

3. Военное планирование должно учитывать гражданские возможности, которые следует задействовать с первыми боевыми формированиями для проведения постконфликтной стабилизации.

4. НАТО должна просить своих членов создать кадры гражданских специалистов с опытом комплексных операций, которые были бы в наличии для быстрого использования в избранных миссиях, если у стран-партнеров и организаций такого персонала нет.

Эти гражданские резервисты должны пройти подготовку в НАТО, чтобы вступить в зону конфликта или начать работу с местными властями и боевыми войсками через ограниченный период времени для обеспечения безопасности и организации других гражданских услуг.

5. НАТО должна систематически помогать партнерам совершенствовать свои возможности сдерживать и отвечать на кризисные ситуации.

В докладе «Группы Олбрайт» особое место отводится роли ядерного оружия в современной мировой политике, констатируя, что «для сдерживания вооруженного нападения НАТО полагается как на обычные, так и ядерные вооружения. Смена угроз альянсу расширила концепцию сдерживания и позволила НАТО существенно сократить типы, количество своих ядерных сил».

Заглядывая вперед, НАТО должна быть готова для широких консультаций о будущей роли ядерного оружия в своей стратегии сдерживания.

Некоторые параметры для таких консультаций приводятся в указанном докладе и сводятся к следующему:

– Пока ядерное оружие остается реальностью международных отношений, альянс должен сохранить ядерный компонент в своей стратегии сдерживания на минимальном уровне, требуемым существующей обстановкой безопасности.

– При существующих условиях безопасности сохранение некоторых американских систем передового базирования на европейской земле усиливает принцип широкого ядерного сдерживания и коллективной обороны.

– Широкое участие неядерных союзников является важным знаком трансатлантической солидарности и разделения риска. Участие неядерных государств может выражаться в форме размещения ядерного оружия на их территории или неядерных мерах поддержки.

– НАТО должна продолжать обеспечивать абсолютную физическую безопасность ядерного оружия, хранящегося на европейской земле.

– С Россией должен вестись диалог по ядерному восприятию, концепциям, доктринаам и прозрачности. Эти переговоры должны помочь установить этапы для дальнейшего сокращения и возможно окончательной ликвидации всего класса субстратегического ядерного оружия.

– НАТО должна воссоздать Специальную консультативную группу по контролю над вооружениями с целью ускорения своего собственного внутреннего диалога по всему спектру вопросов, относящихся к ядерной доктрине, новым инициативам по контролю над вооружениями и распространению.

– НАТО должна ясно выразить свою полную поддержку усилиям по предотвращению распространения ядерного оружия, уменьшить значение ядерных вооружений в военных докт-

ринах любой страны и обеспечить, чтобы ядерные материалы хранились безопасным образом.

– НАТО должна поддерживать политику неиспользования или угрозы использования ядерного оружия против неядерных государств, которые являются участниками Договора о нераспространении ядерного оружия, и в соответствии с их обязательствами по ядерному нераспространению.

В заключение в докладе экспертов указывается, что пока существует ядерное оружие НАТО должна продолжать содержать безопасные и надежные ядерные силы с широкой ответственностью всех участников за размещение и оперативную поддержку на минимальном уровне в зависимости от существующей обстановки безопасности. В то же время подчеркивается, что НАТО должна пригласить Россию к диалогу по ядерному оружию.

«Это не должно быть односторонним движением. Только вместе мы должны продвигаться по пути разоружения. В аспекте сокращения ядерного оружия в Европе альянс не может игнорировать Россию, которая сегодня имеет около трех тысяч единиц тактического ядерного оружия. Это существенная причина для дискуссий как в двухстороннем формате США – Россия, так и в более широком аспекте ядерного разоружения. Россия должна участвовать в дискуссии по сокращению тактического ядерного оружия в Европе», заявил официальный представитель НАТО Дж.Аппатурай. При этом он добавил, что решение по ядерной политике НАТО находится в компетенции только стран членов альянса.

Хотя на неофициальном уровне идею о выводе американского ТЯО* с территории Европы поддерживают

* ТЯО – тактическое ядерное оружие.

Германия, Польша, Норвегия, Нидерланды, Бельгия и Люксембург. Однако на официальном уровне ни одна из стран альянса не сделала заявления по поводу вывода американского ТЯО со своей территории.

Возможно такое видение проблемы ТЯО в Европе, оформленное в качестве официального документа, будет представлено на ноябрьском саммите НАТО.

Позиция же генерального секретаря НАТО Андерса Фог Расмуссена заключена в одобрении факта нахождения на территории Европы американского ТЯО как неотъемлемой составляющей ядерного сдерживания.

Государственный секретарь США Хиллари Клинтон отметила, что вопрос о сокращении ТЯО США на территории Европы можно будет решить только параллельно с ведением переговоров с Россией, чтобы российская сторона также транспарентно заявила о готовности сокращать свое ТЯО, которое дислоцировано в зоне досягаемости территории Европы.

Aвторы доклада предлагают уделять заметное внимание развитию системы ПРО. Они заявили о своей поддержке новому американскому фазированному адаптированному подходу к ПРО, который обеспечит возможность создания эффективной стратегической системы ПРО для защиты не только вооруженных сил альянса, но и гражданского населения входящих в него стран.

Американские системы, которые должны быть развернуты, будут значительно эффективнее против ракетной угрозы Европе со стороны Персидского залива, чем те, которые предусматривались ранее. Они не направлены против России, не будут угрожать российским силам ядерного сдерживания.

НАТО должна признать создание территориальной ПРО в качестве важнейшей задачи союза. С этой целью НАТО должна согласиться на расширение своей активной эшелонированной ПРО ТВД с тем, чтобы предоставить основу для создания органов управления системы территориальной ПРО.

На основе исследования вопросов борьбы с терроризмом, кибер-уязвимости, энергетической безопасности и изменения климата в докладе содержатся новые рекомендации по этим проблемам.

Усиление борьбы с терроризмом. В борьбе с терроризмом в Афганистане важную роль играют военные силы НАТО. В пределах же территории НАТО контртерроризм является главной обязанностью полицейских и других внутренних органов. Тем не менее, НАТО и здесь может выполнять обеспечивающую роль защиты важнейших военных объектов, обмениваться разведанными и предоставления помощи по запросу. В 2004 г. НАТО разработала Программу защиты от терроризма, которая предусматривала разработку новых технологий защиты войск и населения от таких опасностей, как самодельные взрывные устройства, человек-бомба и зенитные ракеты. Эта программа должна быть расширена за счет совместных исследований в этой области.

Возможности киберзащиты. В целях защиты от кибератак НАТО уже предприняла определенные меры в виде создания Органа НАТО по управлению киберзащитой, Центра киберзащиты и Центра реагирования на инциденты с ЭВМ. Тем не менее, в системе защиты от кибератак имеются серьезные проблемы, на которые, в первую очередь, должно быть обращено внимание Стратегической концепции:

- НАТО должна понять, что кибератаки являются растущей угрозой для безопасности союза и его членов;
- соответственно должен быть серьезно организован мониторинг критических сетей НАТО и приняты меры по ликвидации обнаружения недостатков;
- Центр киберзащиты должен оказать помошь членам союза усовершенствовать свои программы по киберзащите;
- союзники должны расширить свои возможности в сфере раннего оповещения в виде создания в НАТО широкой сети сенсоров и узлов мониторинга;
- альянс должен быть готов выслать экспертные группы любому члену союза, находящемуся под угрозой крупной кибератаки;
- со временем НАТО должна иметь полностью адекватный набор сил и средств по киберзащите, включая пассивные и активные элементы.

Энергетическая безопасность. Так как в современных условиях многие страны в той или иной степени зависят от внешних источников энергии и средств ее доставки, то любой значительный и внезапный перерыв в снабжении энергией любого союзника, если он связан с саботажем энергетической инфраструктуры или незаконным вмешательством в морскую торговлю, мог

Создается впечатление, что положения, предлагаемые в военно-политическую часть Стратегической концепции, по-прежнему содержат все те же постулаты, определяющие блок в качестве силовой структуры с глобальными амбициями и постоянным наращиванием возможностей для силового вмешательства в районах земного шара, на многие тысячи километров отстоящих от границ государств-членов НАТО.

Как заявила М.Олбрайт: «НАТО должна сохранять сочетание военных потенциалов, включающих обычные вооружения, ядерные средства и противоракетную оборону». Спрашивается – «Против кого?» Ответ на этот вопрос можно предугадать из того же доклада.

«Будущую политику России в отношении НАТО пока трудно предсказать, поэтому страны НАТО должны быть нацелены на углубленное сотрудничество, однако не терять из виду возможность, что Россия может выбрать путь, который будет отдавать предпочтение обратному подходу».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

бы служить поводом для ответа со стороны союзников.

Вообще энергетическая политика – внутренняя политика, хотя ЕС и Международное энергетическое агентство на межнациональном уровне предлагаю услуги в отношении потенциальных перерывов в снабжении энергией. Однако у НАТО есть обязательства по защите своих собственных энергоресурсов. Кроме того, в 2008 г. на саммите в Бухаресте были принят ряд альтернативных шагов относительно энергетической безопасности, включая обмен разведанными, поддержку в защите критической инфраструктуры и поддержку в широком диалоге со странами-экспортерами энергии.

Изменение климата. Как альянс НАТО не играет формальной роли в регулировании квот газовых эмиссий в атмосферу, которые, по мнению экспертов, способствуют глобальному потеплению.

НАТО, однако, может быть призвана помочь справиться с вызовами безопасности, вытекающими из таких последствий изменения климата, как таяние полярной шапки льда или увеличение катастрофических штормов и других естественных катаклизмов.

Союз должен держать эту возможность в уме, готовясь к будущим чрезвычайным обстоятельствам.

Балканы – ахиллесова пятая евро-атлантической безопасности

К 15-летию Дейтонских соглашений

**Аслан Абашидзе
Александр Солнцев**

Распад СССР и роспуск ОВД в условиях слабости общей внешней политики ЕС оказали существенное влияние на геополитическую обстановку в целом и на европейскую безопасность в частности. Как верно отмечает профессор В.В.Штоль, НАТО стало претендовать на особую роль в международном управлении кризисами и приступила к разработке планов своего участия в миротворческих действиях¹. Более того, НАТО фактически стало гегемоном в сфере поддержания мира и безопасности, а Балканы стали полем для экспериментов НАТО, локомотивом которой де-факто являлось и является США.

Последние 20 лет Балканы стали моделью НАТО для управления территориями. Как отмечает Е.Ю.Гуськова, «НАТО приобрело на Балканах не только большой опыт военных действий, но и получило возможность опробовать новое оружие и израсходовать старое, расширило формат своей деятельности, попыталось стать орудием изменения мира. Участие НАТО в конфликте на Балканах было связано с необходимостью его адаптации к новому мировому порядку, подчиняю-

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович – профессор РУДН и МГИМО(У), доктор юридических наук, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Тел.: (495)–433–80–29.

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович – кандидат юридических наук, доцент РУДН. E-mail: solntsew@mail.ru

Ключевые слова: евроатлантическая безопасность, Дейтонские соглашения, Балканы, Постстановление Европейского суда по делу «Сейдич и Финчи против Боснии и Герцеговины».

щегося лишь его командованию, стремлением закрепить свое участие в региональных конфликтах... НАТО присутствует сегодня на Балканах в роли миротворцев, однако невозможно скрыть, что альянс там руководит процессами, которые подавляют самостоятельность и независимость балканских славянских народов. Мы видим дробление и уменьшение славянского пространства; перегруппировку общеевропейского дома, в котором появились славянские народы; появление стран и народов «второго плана», среди которых есть и славяне»².

Описание Балканского кризиса конца XX в. – начала XXI в. могло бы занять несколько томов. В рамках настоящей статьи мы хотели бы осветить только проблему, связанную с Конституцией Боснии и Герцеговины, которая была частью Дейтонского плана по урегулированию ситуации на Балканах.

История вопроса

Босния и Герцеговина расположена на Балканском полуострове, население ее составляет 4,6 млн. чел. (по данным 2009 г.), большинство из которых боснийцы (славяне, принявшие ислам) – 39,5%, сербы – 32% и хорваты – 18,4%. Характеризуя национальный состав Боснии и Герцеговины, следует обратить внимание на его тесную взаимосвязь с распространением в стране религиозных конфессий. Боснийцы являются мусульманами, сербы – православными, а хорваты – католиками.

Босния и Герцеговина как самостоятельное государство было признано в 1992 г. Провозглашение независимости Боснии и Герцеговины от Социалистической Федеративной Республики Югославия привело к резкому обострению межнациональных противоречий, которые с апреля 1992 г. приняли характер военных действий.

В урегулировании югославского кризиса и конституционном разрешении межэтнических конфликтов в Боснии и Герцеговине в 1991–1994 гг. активное участие принимали СБСЕ, ЕС и ООН. На завершающем этапе переговорного процесса решающая роль отводилась

НАТО, которое в процессе урегулирования боснийского кризиса использовало все методы – от ведения переговоров, предъявления ультиматумов до использования вооруженных сил.

В период с апреля 1992 г. по февраль 1994 г. на переговорах между представителями мусульманской, хорватской и сербской сторон международное сообщество предлагало несколько моделей территориально-государственного устройства Боснии и Герцеговины: от конфедерации до унитарного государства. В феврале 1994 г. переговоры между представителями конфликтующих сторон были вновь сорваны и инициатива урегулирования боснийского кризиса перешла к США. Было принято решение о создании контактной группы, возглавившей переговорный процесс. По ее инициативе была образована Федерация Босния и Герцеговина, объединившая в своем составе территории, контролируемые боснийцами (мусульманами) и хорватами. В соответствии с планом США Федерация Босния и Герцеговина должна была вести переговоры с Республикой Сербской.

Конституция как часть Дейтонских соглашений

В ноябре 1995 г. близ американского города Дейтон³ состоялись решающие переговоры, в основу которых были положены Согласованные базо-

вые принципы от 26 сентября 1995 г. и соглашения о прекращении огня от 14 сентября и 15 октября 1995 г.⁴ 21 ноября были подписаны документы, вошед-

шие в историю как Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине⁵. Они включают в себя 20 отдельных документов, 19 из которых являются приложениями к небольшому документу обобщающего характера под названием «Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине». Приложения подразделялись на три блока: карты разделения Боснии и Герцеговины, военные аспекты урегулирования, гражданские вопросы. Среди гражданского блока вопросов большое значение имеет Приложение 4, которое содержит текст Конституции Боснии и Герцеговины. Поскольку Конституция является частью мирного договора, то она была разработана и принята без применения процедур, которые могли бы обеспечить демократическую законность. Это уникальный случай конституции, которая не была официально опубликована на официальном языке страны.

Как отмечает В.П.Шрам, «Следует подчеркнуть, что 200-летняя история конституциализма не имеет такой сложной и противоречивой процедуры принятия конституции. При подготовке и подписании Дейтонского соглашения, составной частью которого является Конституция Боснии и Герцеговины, применялись такие способы, как ведение переговоров, язык ультиматумов и применение вооруженных сил. Обращает на себя внимание и тот факт, что при подписании Дейтонского соглашения договаривающиеся стороны были лишены права вносить поправки и изменения в предъявленный им текст Конституции Боснии и Герцеговины и другие соглашения»⁶.

Принципиальное значение для понимания жизнеспособности и будущего Боснии и Герцеговины имеет конституционное определение ее государственно-территориального устройства. Конституция закрепляет федеративное уст-

ройство Боснии и Герцеговины и довольно сложную систему территориального деления страны с учетом проживания трех основных этносов: боснийцев, сербов и хорватов.

В соответствии с Конституцией Республика Босния и Герцеговина продолжает существовать согласно нормам международного права. Признается ее территориальная целостность в рамках международно-признанных границ, она остается государством – членом ООН. По Конституции Босния и Герцеговина разделена на две составные части единого государства – Образование – Федерацию Босния и Герцеговина и Республику Сербскую. В преамбуле к Конституции, боснийцы, хорваты и сербы, описываются как «государствообразующие народы» («constituent peoples»). Остальные нации значились под термином «другие».

В соответствии с Конституцией Босния и Герцеговина является парламентской демократической республикой. Государственную власть осуществляют Парламентская ассамблея, Президиум и Совет министров. Согласно ст. IV Конституции Парламентская ассамблея состоит из двух палат: Палаты народов и Палаты представителей. Палата народов состоит из 15 депутатов, две трети которых – от Федерации (включая 5 хорватов и 5 боснийцев) и одна треть – от Республики Сербской (5 сербов). Функции главы государства исполняет коллегиальный орган – Президиум Боснии и Герцеговины (ст. V Конституции), который состоит из трех членов: одного боснийца и одного хорвата, каждый из которых избирается непосредственно от территории Федерации Босния и Герцеговина, и одного серба, избираемого непосредственно от территории Республики Сербской. Еще одно интересное «дейтонское нововведение» – ни в одной стране мира

нет одновременно трех президентов. Воистину – разделяй и властвуй, ведь управлять расколотым обществом гораздо проще.

Если оценить Конституцию в целом, то можно полностью согласиться с доктором исторических наук руководителем Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН Е.Ю.Гуськовой, что «конституция выглядела как временный документ, написанный на скользкую руку»⁴. Министр иностранных дел Боснии и Герцеговины М.Шачирбекович еще в 1996 г. отметил, что «ошиб-

кой Дейтона была концепция власти, построенная на этническом принципе, что уже недемократично»⁴.

Таким образом, США, будучи гарантом евроатлантической безопасности и главным звеном НАТО без согласования позиций с ООН, ОБСЕ, Советом Европы и ЕС решило весьма странным образом проблему конституционного мироустройства государства Босния и Герцеговины. Спохватились европейские институты и ООН гораздо позже, бомба замедленного действия, заложенная США, через 10 лет успешно сработала.

Конституция *versus* международное право

Граждан Боснии и Герцеговины (которых при принятии Конституции вообще никто не спрашивал) этнический принцип не устраивал, поэтому они стали обращаться в Конституционный Суд. Отметим, что в ст. II § 2 Конституции говорится «Права и свободы, закрепленные в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколах к ней, имеют прямое действие в Боснии и Герцеговине. Они имеют преимущественную силу относительно всех других норм права». Между тем, Конституционный суд Боснии и Герцеговины в решениях U 5 / 04 от 31 марта 2006 г. и U 13/05 от 26 мая 2006 г. постановил, что Европейская конвенция по правам человека не имеет приоритет над Конституцией. Суд отказал в удовлетворении жалоб, подчеркивая превосходство Конституции над международным правом⁷.

Здесь важно отметить, что в Боснии и Герцеговине пытались провести конституционную реформу весной 2006 г. (в том числе касательно устранения дискриминации при выборах), но при голосовании в Парламентской ассамблее не удалось достичь консенсуса и собрать необходимое количество голосов.

Параллельно с жалобами граждан международные организации (ООН в лице своих правозащитных органов, Совет Европы, ОБСЕ и ЕС) стали обращать внимание на дискриминационный характер некоторых положений Конституции.

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. вступила в силу в отношении Боснии и Герцеговины 16 июля 1993 г.

Ст. 1.1 Конвенции гласит: «В настоящей Конвенции выражение «расовая дискриминация» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни».

При этом государства-участники обязуются запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и обеспечить равноправие каж-

дого человека перед законом без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, в особенности в отношении осуществления «политических прав, в частности права участвовать в выборах – голосовать и выставлять свою кандидатуру – на основе всеобщего и равного избирательного права, права принимать участие в управлении страной, равно как и в руководстве государственными делами на любом уровне, а также права равного доступа к государственной службе» (ст. 5 (с) Конвенции).

Согласно ст. 9.1 Конвенции 1965 г., государства-участники обязуются представлять Генеральному секретарю ООН для рассмотрения Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (орган независимых экспертов, созданный для наблюдения за осуществлением этой Конвенции) доклад о принятых законодательных, судебных, административных или других мерах, с помощью которых проводятся в жизнь положения Конвенции. При этом Комитет может делать предложения и общие рекомендации, основанные на изучении докладов и информации, полученных от государств-участников Конвенции.

По итогам рассмотрения докладов Боснии и Герцеговины Комитетом были сделаны «Заключительные замечания»⁸.

Процитируем полностью п. 11, который касается исследуемого вопроса. «Комитет глубоко озабочен тем, что в соответствии со ст. IV и ст. V Государственной конституции лишь лица, принадлежащие к группе, которая согласно закону является одним из “государственно-образующих народов” Боснии и Герцеговины (боснийцы, хорваты и сербы) и которая составляет доминирующее большинство в Образовании, где проживают эти лица (например, боснийцы и хорваты в Федерации

Босния и Герцеговина, а также сербы в Сербской Республике), могут избираться в Палату народов и состоящий из трех членов Президиум Боснии и Герцеговины.

Таким образом, существующая законодательная структура исключает возможность избрания в Палату народов и Президиум лиц, относящихся к «другим» группам, то есть лиц, принадлежащих к другим национальным меньшинствам или этническим группам помимо боснийцев, хорватов или сербов.

Хотя трехсторонняя структура основных политических учреждений государства-участника, возможно, была оправдана или даже первоначально необходима для установления мира после вооруженного конфликта на территории государства-участника, Комитет отмечает, что правовые различия, которые благоприятствуют некоторым этническим группам и дают им специальные привилегии и особые права, несовместимы со ст. 1 и п. (с) ст. 5 Конвенции.

Комитет далее отмечает, что это в первую очередь касается тех случаев, когда необходимость в предоставлении специальных привилегий и особых прав более не существует (п. 4 ст. 1 и п. (с) ст. 5).

Комитет настоятельно призывает государство-участник продолжить работу по внесению поправок в соответствующие положения Государственной конституции и Закон о выборах с целью обеспечения равного осуществления права избирать и быть избранным для всех граждан, независимо от их этнической принадлежности»⁸.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. вступил в силу в отношении Боснии и Герцеговины 6 марта 1992 г.

Ст. 2 § 1 Пакта содержит общее обязательство государств-участников

«уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства».

Также применительно к рассматриваемому делу запрет дискриминации содержится в ст. 25 и ст. 26 Пакта.

Комитет по правам человека – орган независимых экспертов, созданный для наблюдения за осуществлением Пакта, принял на основании рассмотрения государственных докладов «Заключительные замечания» по Боснии и Герцеговине⁹, в § 8 которых говорится: «Комитет обеспокоен тем, что после отказа внесения соответствующих конституционных поправок 26 апреля 2006 года, Государственная Конституция и Закон о выборах по-прежнему исключают “других”, то есть лиц, не принадлежащих ни к одной из государство образующих наций (боснийцев, хорватов и сербов) от возможности номинироваться на пост в Палату народов, а также в Президиум Боснии и Герцеговины (ст. 2, 25 и 26). Государству-участнику следует возобновить переговоры о конституционной реформе в ходе транспарентного процесса и на основе широкого участия, в том числе всеми заинтересованными сторонами, с тем чтобы принять избирательную систему, которая гарантирует равные возможности пользоваться правами, предусмотренными ст. 25 Пакта для всех граждан, независимо от этнической принадлежности»⁹.

В 2008 г. Босния и Герцеговина подписала с Европейским союзом Соглашение о стабилизации и ассоциации, обя-

завшись таким образом следовать европейским стандартам. Одним из требований на пути членства в ЕС стала обязанность привести в течение двух лет избирательное законодательство в соответствие с положениями Европейской конвенции о правах человека.

Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ в докладе о выборах 2006 г. отметило, что ограничение по национальному признаку к кандидатурам является прямым нарушением Протокола 12 к Европейской конвенции о правах человека, а также ст. 7.3 Копенгагенского документа ОБСЕ 1990 г.

Став членом Совета Европы в 2002 г., Босния и Герцеговина обязалась «пересмотреть в течение 1 года, при содействии Европейской комиссии за демократию через право (так называемая Венецианская комиссия), избирательное законодательство в свете стандартов Совета Европы, а также изменить его в случае необходимости».

Парламентская Ассамблея Совета Европы периодически напоминала Боснию и Герцеговине об этом обязательстве после присоединения, и настоятельно призывала принять новую конституцию до октября 2010 г. с целью замены «механизмы этнического представительства в представительство на основе гражданского принципа путем прекращения дискриминации в отношении “других”».

Венецианская Комиссия предпринимала серьезные шаги для конституционной реформы избирательного законодательства Боснии и Герцеговины, предлагая различные варианты реформы избирательного права.

Европейский суд по правам человека, будучи структурной единицей Совета Европы, все-таки смог довести дело до победного конца.

Летом 2006 г. Яков Финчи (еврей по национальности) и Дерво Сейдич (цы-

ган по национальности) направили жалобы в Европейский суд. Лица подавшие жалобы в Европейский суд не относятся к «государство образующим народам» Боснии и Герцеговины и, соответственно, не могут быть избраны в Палату Народов и Президиум. При этом они оба являются политически значимыми фигурами для государства: Дерво Сейдич – представитель миссии ОБСЕ в Боснии и Герцеговине по вопросам мониторинга цыган, а Яков Финчи – посол Боснии и Герцеговины в Швейцарии.

Заявители жаловались на отсутствие их права выставлять свою кандидатуру на выборах в Палату народов и Президиума Боснии и Герцеговины на основании их цыганского и еврейского происхождения. Они ссылались на ст. 3, 13 и 14 Конвенции, ст. 3 Протокола № 1 и ст. 1 Протокола № 12.

Первоначально жалобы были переданы на рассмотрение четвертой секции Суда. Однако в феврале 2009 г., ознакомившись с материалами дела, судьи Палаты решили единогласно передать дело на рассмотрение в Большую Палату, поскольку дело затрагивает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней (согласно ст. 30 Конвенции).

3 июня 2009 г. Суд приступил к рассмотрению дела, а 22 декабря 2009 г. Большой Палатой Европейского суда по правам человека (в составе 17 судей) было принято Постановление по делу «Сейдич и Финчи против Боснии и Герцеговины»¹⁰.

Суд признал, что Конституция Боснии и Герцеговины содержит положения, противоречащие международному праву, а именно положения дискриминирующие евреев и цыган, поскольку они не могут выдвинуть свои кандидатуры на выборах – как парламентских, так и президентских. Решения Большой

Палаты Суда окончательны и не подлежат обжалованию.

Суд постановил 14 голосами против 3, что имело место нарушение ст. 14 в совокупности со ст. 3 Протокола № 1 в отношении невозможности заявителей на участие в выборах в Палату народов Боснии и Герцеговины. Также Суд постановил 16 голосами против 1, что имело место нарушение ст. 1 Протокола № 12 в отношении невозможности заявителей на участие в выборах в Президиум Боснии и Герцеговины.

Отметим, что Суд впервые за всю свою практику постановил нарушение ст. 1 Протокола № 12.

Судья Мийович (*Mijović*, Босния и Герцеговина) и судья Гаджиев (Азербайджан) выразили частично совпадающее и частично особое мнение, не найдя нарушений ст. 1 Протокола № 12. Судья Бонелло (Мальта) приложил к Постановлению «Особое мнение», выразив полное несогласие с Постановлением. Только эти трое судей обратили внимание на тот факт, что отсутствует значительный прогресс в деле установления мира в Боснии и Герцеговине (например, международные вооруженные силы все еще присутствуют в государстве).

Судья Бонелло задался сложными вопросами: может ли Суд оценивать международный договор, созданный государствами и организациями, не являющимися сторонами Конвенции о правах человека; не нарушит ли Суд своим постановлением хрупкого мира, установленного Дейтонскими соглашениями, в стране?

Однако никто не задался вопросом, может ли Суд решить, что Конституция государства противоречит международному праву?

Где проходит граница суверенитета государства и международных норм?

Для юриста-международника этот вопрос встает на первом плане.

Конституция – это основополагающий национальный правовой акт, основа правовой системы государства. Ее нормы обладают высшей юридической силой в отношении всех остальных норм, они определяют порядок реализации международно-правовых норм.

Как верно отмечает проф. Б.Р.Тузмухamedов: «Международное право закрепляет принцип уважения к установленному конституцией порядку. Вместе с тем оно определяет, что государство не может ссылаться на конституцию для оправдания невыполнения обязательств по международному праву.

Это положение было сформулировано Постоянной палатой международного правосудия еще в 1932 г. в решении по делу «Обращение с польскими гражданами в Данциге». Оно было отражено Комиссией международного права ООН в проекте Декларации прав и обязанностей государств 1949 г.»¹¹.

Позднее это положение нашло отражение в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» (ст. 27 Венской конвенции).

Таким образом, Европейский суд по правам человека в подтверждение сложившейся международной практики принял решение, что международное

право выше государственных конституций. При этом напомним, что данное Постановление Европейского суда противоречит решениям Конституционного суда и Парламентской Ассамблеи Боснии и Герцеговины.

Думается, к подобным решениям Европейского суда должны быть готовы все государства-участники.

В западной литературе это дело рассматривается в контексте влияния Европейской конвенции на национальные конституции¹². На наш взгляд здесь стоит говорить о том, как Европейский суд исправляет чужие ошибки, то есть ошибки США.

Между тем, Босния и Герцеговина в октябре 2009 г. уже подала заявку на членство в НАТО, а 22 апреля 2010 г. получила План действий по членству в НАТО. Генсек НАТО при этом отметил успехи страны в реформе вооруженных сил, а также положительно оценил решение об отправке в Афганистан боснийского военного контингента. Оно было принято еще в декабре 2009 г. и предусматривало участие в афганской миссии НАТО около сотни военных из Боснии и Герцеговины.

В данном случае, к сожалению, встает вопрос, добавит ли это Постановление Европейского суда и решение о вступлении в НАТО солидарности в и без того расколотое общество?

Примечания

¹ Штоль В.В. Роль НАТО в миротворческом процессе // Обозреватель – Observer. 2004. № 1(168).

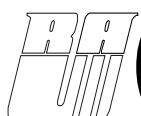
² Гуськова Е.Ю. Балканы как основа нового миропорядка // Русский дом. 2009. № 3. С. 20–22.

³ Дейтонское мирное соглашение было парафирано на военной авиабазе США (*Wright-Patterson Air Force Base*) вблизи Дейтона 21 ноября 1995 г. и подписано в Париже 14 декабря 1995 г.

⁴ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 465–481.

⁵ <http://www.un.org/russian/documents/convents/yugoslavia.htm> (доступно на 01.06.2010 г.).

- ⁶ Шрам В.П. Конституционное развитие Боснии и Герцеговины // Журнал российского права. 1999. № 10. С. 157–163.
- ⁷ Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina. U-5/04. P. 8. Sarajevo. 31 March. 2006.
- ⁸ Документ ООН: CERD/C/BIH/CO/6 от 21.03.2006 г.
- ⁹ Документ CCPR/C/BIH/CO/1 от 22.11.2006 г.
- ¹⁰ Case of Sejdin and Finci v. Bosnia and Herzegovina (*Applications nos. 27996/06 and 34836/06*), Judgment 22 December 2009.
- ¹¹ Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия. М., 2006. С. 81.
- ¹² Frowein Jochen Abr. The influence of the European Convention on human rights on the constitutional system of member states. Reader, Venice, Academy of Human rights, 2010. Pg.528.

БОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2010 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Выборы-2009 в бундестаг ФРГ

Куда идет партийно-политическая система страны?

Маттес Бубе (ФРГ)

Осенью 2009 г. в ФРГ состоялись выборы в новый бундестаг. В результате выборов было сформировано правительство с новой поддерживающей его партийной коалицией. Но федеральным канцлером по-прежнему осталась Ангела Меркель.

Переизбрание Ангелы Меркель на пост канцлера является для нее личной победой. Тем не менее, тот факт, что она осталась на посту канцлера, завуалировал важные изменения не в пользу партии г-жи Меркель. Партия г-жи Меркель потеряла голоса. Ее соперница, Социал-демократическая партия, вынуждена была смириться с еще более значительными потерями голосов и понести катастрофическое поражение.

2009 г. закрепил смещение в партийной системе, которое не ограничивается одним днем выборов. В Германии нет больше политической конкуренции двух крупных партий, борющихся за власть. Более мелкие партии играют все большую роль в вопросах власти. Обе крупные партии, а также избиратели должны принять во внимание множество коалиционных возможностей для того, чтобы создать правительственные большинства.

Из создавшегося изменения партийной системы не вытекает никаких заключений о внешней политике и политике безопасности. Это касается также и российско-германских отношений. На них будут оказывать влияние другие факторы, а не конкурентная борьба немецких партий за власть.

БУБЕ Маттес (ФРГ) – доктор политологии, почетный доктор Финансовой академии при Правительстве РФ. E-mail: Matthes.Buhbe@fes.de

Ключевые слова: бундестаг ФРГ, выборы 2009, партии, партийная система, российско-немецкие отношения.

Результаты выборов

Ождалось, что Ангела Меркель, независимо от исхода выборов, останется на посту канцлера. Вопрос о канцлере решается не прямыми выборами, его выбирает парламентское большинство, формирующееся партийной коалицией. Для госпожи Меркель имелись, по крайней мере, две хорошие возможности коалиции: продолжение союза с социал-демократами или союз с либералами. Другие коалиционные варианты без госпожи Меркель могли бы ожидаться только в случае экстремальных отклонений от прогнозируемых результатов выборов.

Следующие партии постоянно представлены в немецком Бундестаге уже на протяжении многих периодов его деятельности (легислатур):

1. Обе союзные партии – «Христианско-демократический союз» (ХДС), которого нет в Баварии, и «Христианско-социальный союз» (ХСС), который имеется только в Баварии. Обе партии образуют в бундестаге общую фракцию. Поэтому в дальнейшем ХДС/ХСС будут называться «Блок». Ангела Меркель является председателем ХДС.

Блок соединяет христианско-католические ценности с ценностями консервативных протестантов в соответствии с их центристской программой.

На выборах 2009 г. Блок завоевал 33,8% голосов (см. первую строчку в Таблице 1.) В прошлых выборах 2005 г. Блок получил 35,2%, а перед этим, в 2002 г. – 38,5% голосов.

Все же выборы 2009 г. объединили, как и ожидалось, обе партии со Свободной демократической партией (СвДП), в результате чего было образовано парламентское большинство. Поэтому госпожа Меркель осталась на посту канцлера.

2. Свободная демократическая партия (СвДП) выступает в соответствии

со своей программой за буржуазный либерализм, поэтому в дальнейшем мы будем называть ее «Либералами». В 2009 г., набрав 14,6% голосов, она достигла наилучшего результата в своей истории.

3. Прежним правительственным партнером Блока была Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), которая с 23% голосов потерпела историческое поражение. Уже в 2005 г., набрав 34,2%, она ухудшила свой предыдущий результат. Результат 2009 г. стал самым плохим для Социал-демократов с момента образования ФРГ в 1949 г.

Следующие две партии были выбраны в новый Бундестаг:

4. Левая партия («Левые»), получив 11,9% голосов.

5. Союз-90 / Зеленые («Зеленые») с 10,7% голосов.

Обе эти партии достигли наилучших результатов за всю историю своего существования. В соответствии со своей программой Левая партия поддерживает социалистов, и, прежде всего, из бывшей ГДР, а Зеленые выступают за защиту окружающей среды, занимая, скорее, левые позиции.

Более 20 прочих партий, допущенных к выборам, не смогли преодолеть пятипроцентный барьер, что необходимо для прохождения в парламент.

Праворадикальная Национал-демократическая партия, например, набрала менее 1% голосов. Недавно учрежденная Пиратская партия получила в два раза больше голосов (2%). Поддержанная в крупных городах, главным образом, впервые участвующими в выборах молодыми мужчинами от 18 до 21 года, эта партия выступает за полностью неконтролируемый Интернет и отмену предусмотренных законом ограничений в личной сфере.

Таблица 1

**Выборы 2009 г. на территории Федерации и в столичных городах
Федеральных земель¹**

доля избирателей, %

Партии	Федерация в целом	Гамбург	Бремен	Берлин
Блок ХДС/ХСС	33,8	27,9	23,9	22,8
Социал-демократы (СДПГ)	23,0	27,4	30,3	20,2
Либералы (СвДП)	14,6	13,2	10,6	11,5
Зеленые	10,7	15,6	15,4	17,4
Левые (Левая партия)	11,9	11,2	14,2	20,2
Прочие	6,0	4,7	5,6	7,9
Всего избирателей	100,0	100,0	100,0	100,0

ХДС/ХСС могли защитить пост канцлера, являющийся в Германии самым влиятельным политическим постом. Тем не менее, они получили на выборах один из наихудших результатов в своей истории. За 60 лет их впервые поддержало наименьшее количество избирателей. Только в 1949 г., на первых выборах после окончания Вто-

рой мировой войны, доля избирателей (31,0%) была ниже.

Каковы же причины явного поражения блока ХДС/ХСС и Социал-демократов? Указывают ли они на глубоко простирающиеся изменения немецкого партийного ландшафта, которые и в дальнейшем будут оказывать свое влияние?

Важные факторы и возможные причины итогов выборов

Два изменения бросаются в глаза. Во-первых, число избирателей, принявших участие в выборах, составило почти 71%, что еще никогда не было таким низким.

В 2005 г. число избирателей составило почти 78%. А еще ранее участие в выборах 80% избирателей казалось само собой разумеющимся.

Во-вторых, обе крупные партии опять достигли худших результатов, причем социал-демократам в этот раз пришлось смириться со значительными потерями голосов. Вследствие этого другие более мелкие партии получили в целом голосов больше.

Каковы причины этого?

Что касается второго пункта, то это соответствует тенденции в функционирующих парламентских демократиях, заключающейся в том, что блеск политических программ «тускнеет» в ежедневном правлении. Определенная доля разочарованных избирателей отвернулась от правительственные партий и поддержала оппозиционные. Поэтому Блок и Социал-демократы, как правительственные партии 2005–2009 гг., проиграли, а три маленькие оппозиционные партии выиграли.

Социал-демократы проиграли особенно сильно, так как они были у вла-

сти с 1998 г. и до 2005 г., то есть до времен канцлерства их председателя Генриха Шредера, а с 2005 г. – как партнерская правительственные партия Ангелы Меркель. Поэтому, они «износились» больше, чем партия госпожи Меркель, и по этой же причине проиграли сильнее.

Следующая тенденция в поведении избирателей закрепилась с момента возникновения Федеративной Республики: правительственные партии от выборов к выборам теряли в поддержке избирателей до тех пор, пока не были вытеснены в оппозицию. С 1957 г. по 1969 г. ХДС/ХСС были правительственными партиями, а СДПГ – оппозиционной. В то время как Блок тенденциозно терял голоса, оппозиционные Социал-демократы улудшили свои результаты: с 32% в 1957 г. до 43% – в 1969 г. Когда с 1972 г. по 1982 г. правили Социал-демократы, а Блок был в оппозиции, ситуация складывалась аналогично, но с обратным знаком.

Во время длительного пребывания на посту канцлера Гельмута Коля (ХДС) с 1982 по 1998 гг. произошли изменения в партийной системе Германии из-за появления двух новых партий – Зеленых (1980 г.) и Левых (1990 г.). Хотя Социал-демократы, находясь длительное время в оппозиции, смогли еще раз немного выиграть, когда в 1998 г., набрав почти 41% голосов, они еще раз достигли выдающегося результата, и Герхард Шредер (СДПГ) «положил конец» канцлерству Гельмута Коля, сменив его на этом посту. Но Блок потерял значительно – с почти 49% голосов – в 1983 г. до 35% – в 1998 г.

Стало очевидным, что обе крупные партии ослабили свои позиции из-за нового распределения голосов избирателей между несколькими партиями,

которые смогли преодолеть 5-процентный барьер.

С точки зрения теории демократии, выборы 2009 г. выдали немцам хороший аттестат: избиратели обошли критично со своим правительством и выбрали скорее оппозиционные политические силы, способные со своими новыми идеями привнести дуновение «свежего ветра» в правительство. В то же время выборы подтвердили отход от двухпартийной системы.

С момента первых выборов в 1949 г. до прихода на пост канцлера Герхарда Шредера (1998 г.) в партийной системе ФРГ доминировали две так называемые Народные партии – Блок ХДС/ХСС как, скорее, консервативная «центристско-правая партия» и Социал-демократы как, скорее, прогрессивная «центристско-левая партия». Они выражали общественное мнение о правильном политическом пути.

Более мелкие партии, за исключением Свободной демократической партии (СвДП), были оттеснены незначительно. Несмотря на то что СвДП редко достигала на выборах уровня в 10%, она играла решающую роль. Как от партии, создающей перевес в сторону большинства на выборах канцлера, почти нельзя было отказаться также от Либералов, и поэтому до 1998 г. они всегда были представлены во всех правительствах как малая правящая партия. С появлением партии Зеленых и Левой партии стали возможны другие правительственные коалиции, и СвДП исчезла из состава правительств на период с 1998 по 2009 гг. За это время она хорошо «отдохнула» и смогла поднять число своих сторонников с 6,2% – в 1998 г. до 14,6% – в 2009 г. Но так как за тот же период и Зеленые улучшили свой результат – с 6,7 до 10,7%, а Левые – с 5,1 до 11,9%, то две

большие Народные партии неизбежно потеряли голоса.

То, что Социал-демократов, участвующих с 1998 г. в правительствах Шредера и Меркель, встречали более резко, чем Христианских демократов, участвующих в управлении государством лишь с 2005 г., связано с уже упомянутым эффектом «изнашивания» правящей партии в функционирующих демократиях. То, что тенденция снижения оказалась такой резкой – с почти 41% в 1998 г. до 23% в 2009 г. – имеет еще и другие причины.

Очень важным является тот факт, что немцы, несмотря на свою критику в адрес правительства, заботятся о высоком мнении о правящем канцлере. Этот «канцлерский бонус», наблюдаемый практически на всех проходящих до сих пор выборах, имел благоприятные последствия для партии Ангелы Меркель и неблагоприятные для СДПГ.

В ходе предвыборной борьбы СДПГ не смогла толком объяснить избирателям, почему она хочет непременно иметь собственного кандидата на пост канцлера и почему хочет сформировать другое правительство без Блоха, когда их кандидат на пост канцлера – министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер – сам сидел с г-жой Меркель в правительстве, а министры-члены СДПГ якобы успешно выполняли правительенную работу. В ходе эмпирических исследований выборов было выявлено, что правящая партия имела бы на выборах а Бундестаг еще меньший успех, если бы не смогла сделать себе рекламу, выдвинув вперед кандидатуру «испытанного канцлера».

Особенно важным кажется тот уже упоминавшийся факт, что число избирателей снизилось. Этот бросающийся в глаза феномен трудно поддается ана-

лизу. Необходимо исследовать мотивы избирателей, не пришедших на выборы.

В период с 1953 по 1987 гг. в выборах участвовало более 80% избирателей, с 1990 по 2005 гг. – все еще почти 80%. Драматичному снижению числа избирателей до 70,8% в 2009 г. могут быть найдены главным образом два возможных объяснения.

Во-первых, в предвыборной борьбе не хватало «борьбы», то есть обострения политических альтернатив. Раньше в ходе предвыборной борьбы речь шла (по крайней мере, на языке ее участников) о целенаправленных решениях, о «судьбоносных выборах». Типичным лозунгом ХДС был: «Свобода или социализм», который использовался на выборах 1976 и 1980 гг. и поднял число избирателей до 90%. Тогда правили Социал-демократы, призывающие к урнам своих потенциальных сторонников для того, чтобы защитить успешную, направленную на благо общества политику реформ – политику «модернизации через демократизацию».

В противоположность предыдущим выборам предвыборная борьба 2009 г. никогда не была по-настоящему острой. Обе Народные партии ссорились из-за голосов, сидя одновременно на правительенной скамье. Если два правительенных крыла ругаются из-за власти, то нерешительные избиратели предпочитают остаться дома – по крайней мере, если лагерь «неизбирателей» состоит преимущественно из граждан, мало интересующихся политикой, которые пошли бы по крайней мере на одни «судьбоносные выборы». При этом речь идет не о политической досаде, а о недостаточной мотивации граждан для того, чтобы задуматься о политических проблемах и затем на основании своих размышлений принять решение об участии в выборах. Таких

граждан СДПГ потеряла явно больше, чем Блок по сравнению с 2005 г.

Из отчета о выборах Института исследования общественного мнения *Infratrest dimap* следует, что 2,13 млн. избирателей, бывших в 2005 г. сторонниками СДПГ, в этот раз на выборы не пришли. Количество не проголосовавших в 2005 г. за Блок, было значительно меньше – 1,17 млн.

От отсутствия обострения в предвыборной борьбе Блок, таким образом, имел больше преимуществ. Здесь «канцлерский бонус» имел положительные последствия для Блока. Можно предположить, что нерешительные избиратели, все-таки пришедшие на выборы из чувства долга отдали предпочтение «испытанному канцлеру», а не новой кандидатуре.

Вторым объяснением снижения числа участвовавших в выборах является опасный для парламентаризма сценарий. Высокоразвитое немецкое государство «всеобщего благосостояния» становится все менее способным представлять дополнительные услуги в ответ на возникающие в обществе проблемы социального и финансового характера.

Уже давно не существует всеобщей занятости, а неравенство в получении доходов и владении имуществом увеличивается. Дистанция между бедными и

богатыми растет, при этом растет также число лиц, претендующих на социальные услуги. Все большее количество людей, не имеющих длительное время работы или получающих низкую заработную плату, живут за счет государственной поддержки, увеличивается детская бедность.

Германия может казаться богатой страной в международном масштабе, но внутри страны все большее количество избирателей чувствуют себя «исключенными» из среднего уровня жизни. Они чувствуют себя аутсайдерами, и они отказываются от политического пространства. К таким делам государства, как, например, выборы, они не проявляют интереса.

Классические рабочие кварталы в городах впадают в относительную нищету. Все меньше населения занимается сельским хозяйством, некоторые деревни оставляют уезжающих мимо депрессивное впечатление.

Как показывают исследования выборов, все больше таких избирателей, живущих в условиях социальной и денежной бедности, во время выборов остаются дома. Участие в выборах в таких избирательных округах значительно ниже, чем в среднем по стране. Представительная демократия больше не интересует этих людей.

Исход выборов и выборная система

Если следующие выборы в Бундестаг состоятся предположительно в 2013 г., Блоку будет трудно улучшить свой результат. Но это не обязательно будет означать, что его обгонят Социал-демократы, которые могут получить меньше 30% голосов. Глубокая причина этого заключается во взаимодействии действующего выборного законодательства с изменениями в поведении избирателей.

Политическая система ФРГ имеет два примечательных свойства.

Она, *во-первых*, может быть названа парламентской демократией с сильными партиями, а также одновременно партийной и канцлерской демократией².

В то время как в президентской демократии высшей исполнительной властью наделен президент, избранный непосредственно народом, в Германии

избиратели выбирают депутатов в национальный парламент – Бундестаг. Затем парламентское большинство выбирает из избранных депутатов Бундестага главу исполнительной власти, Федерального канцлера.

Канцлеры, как и все парламентарии, становятся влиятельными политиками благодаря своей партии. За свою власть они должны быть благодарны партии, к которой они принадлежат. Как правило, партии предлагаю в качестве кандидата на пост канцлера своего председателя. Никто не становится в Германии канцлером, не сделав до этого партийной карьеры.

Второе характерное свойство – избирательное право, основанное на принципе пропорционального представительства с пятипроцентным барьером. Каждая партия, получившая, как минимум, пять процентов голосов от общего числа избирателей, участвовавших в голосовании, проходит в бундестаг. Места в парламенте между партиями распределяются в соответствии с долей полученных ими голосов. Чисто арифметически в такой системе могли бы без труда получить места почти 20 партий, достигшие пятипроцентного барьера. Рассуждая логически, в системе с избирательным правом, основанном на принципе пропорционального представительства, ни в коем случае не может быть как сама собой разумеющейся ситуация, когда в парламенте утверждаются две большие так называемые Народные партии – или «Партии центра», рядом с которыми для других партий оставалось бы лишь немного места. Какой опыт имеется здесь?

Хотя в ФРГ, начиная с 1949 г., в каждом выборах участвовали десятки партий, количество партий, представленных в парламенте – за исключением первых двух выборов в бундестаг –

радикально уменьшилось. Возникла партийная система с двумя большими Народными партиями и маленькой либеральной партией – СвДП.

С 1957 г. и до начала 80-х годов Германия походила на страну с двухпартийной системой. Эта эпоха останется, вероятнее всего, исключительной. После победы союзников над нацистской диктатурой и раздела Германии избиратели должны были принять одно из основополагающих решений о политическом курсе, который активно оспаривался обеими большими партиями. В начале 80-х годов великие решения коснулись и вопроса об объединении двух немецких государств. Поляризация между обеими партиями уменьшилась. С тех пор результаты последующих выборов показывают, что в парламент проходило более трех партий. Таким образом, 2009 г. не мог быть экстремальным случаем. Число представленных в парламенте партий будет скорее всего даже увеличиваться.

В 80-е годы левобуржуазная экологическая партия Зеленых смогла утвердиться как четвертая сила. На всех выборах, проводящихся с 1983 г., Зеленые преодолевали пятипроцентный барьер и проходили, таким образом, в парламент. После объединения ФРГ и ГДР (1990 г.) появилась пятая партия, состоящая из партии-преемницы коммунистов из ГДР и левых сил из старых федеральных земель, которые вместе смогли набрать более 5% голосов. Такой скачок через пятипроцентный барьер не смогли совершить группировки правого политического толка и, к счастью, не смогли выйти на федеральный уровень. Но на уровне федеральных земель им это уже повторно удалось.

Они могли бы также пройти и в Бундестаг. Обе ведущие Народные партии должны опасаться того, что находятся сегодня на уже необратимом пути «вниз».

В 2009 г., получив вместе 56,8% голосов, они набрали меньше голосов, чем в 1949 г. Тогда они сообща получили 60,2% по сравнению с 39,8% голосов, набранных многочисленными мелкими партиями. В будущем эти доли голосов могут еще уменьшиться.

Избирательное право, основанное на принципе пропорционального представительства, не поощряет наличие двухпартийной системы. Такая система, скорее, подходит для «канцлерской демократии», так как политические альтернативы наглядно подаются и обостряются через отдельных личностей как, например, на парламентских выборах в Германии – через кандидатов на пост канцлера. Так как более крупные партии имеют больше шансов поставить своего канцлера после выборов, то и сильная позиция канцлера помогает большим партиям заострить их профиль перед избирателями и показать свою партию с более привлекательной стороны.

Мелкие партии могут достичь максимальных успехов благодаря харизматическим популистским ведущим кандидатам, которым в редких случаях удается сохранить свою привлекательность в течение длительного времени.

В принципе сильная позиция партий в Германии позволяет им сохранять политическую конкурентоспособность до тех пор пока они существуют ради выполнения своих программ, а не для поддержания отдельных личностей. Такое положение обусловлено политической культурой Федеративной Республики Германия, так что избиратели на практике ориентируются больше на партии, а не на партийных лидеров.

Опыт Германии показывает, как представляется, что сильное положение партий и избирательное право, основанное на принципе пропорционально-

го представительства, должны влиять на наличие многопартийной системы, а сильная позиция канцлера, наоборот – на наличие двухпартийной системы.

Федеральный канцлер Ангела Меркель надеется значительно исправить плохие результаты выборов 2009 г. за счет хорошего управления государством в период до 2013 г. Социал-демократы стремятся быстро преодолеть свое историческое поражение, проводя энергичную оппозиционную политику и находя альтернативы правлению Меркель, заслуживающие доверия. Но совсем необязательно, что на следующих выборах в Бундестаг Блок сможет улучшить свой результат 2009 г., или СДПГ наберет 30% голосов, что для Народной партии было бы необходимо. Тогда Блок и СДПГ вместе вновь получат менее 60% поданных голосов. В этом случае останется очень много места для трех более мелких партий. Можно было бы даже предположить, что одной, двум или трем более мелким партиям удастся перейти в категорию «больших» партий, если они наберут 20% голосов. В Берлине некоторые мелкие партии уже были близки к такому результату, как очевидно из табл. 1.

В другом варианте пятипроцентный барьер могли преодолеть и другие мелкие партии – например, националисты или правые экстремисты, которые в прошлом терпели поражение на федеральном уровне.

Во всех этих случаях возникает множество вариантов создания коалиционного большинства для формирования правительства. Немецкое избирательное право, основанное на принципах пропорционального представительства, поддерживает «пестрые» коалиции, для формирования которых находятся совершенно разные партнеры с точки зрения идеологии.

Изменение групп избирателей и их подходов к принятию решения

Социологические данные о группах избирателей основываются на прогнозе о том, что Германия будет и далее отходить от двухпартийной системы. Такие признаки, как религиозная принадлежность, принадлежность к городской или сельской среде, позиционное сознание групп отдельных профессий или отношение к работе и свободному времени, и наконец, общее социальное расслоение изменились за прошедшие десятилетия. Поэтому, подобно тому как сельское или христианско-католическое население в малой

степени являются гарантией в плане получения голосов блоком ХДС/ХСС, так и рабочие слои населения промышленных городских кварталов не представляют такой гарантии для СДПГ. На примере СДПГ можно продемонстрировать, что она не является больше партией рабочих и служащих, крупных городов, молодежи и женщин. Табл. 2 показывает как сильные изменения в этой части, так и тот факт, что только пожилые люди и члены профсоюзов с относительно высокой вероятностью выбирают СДПГ.

Таблица 2

Группы избирателей СДПГ с 2005 г. по 2009 г. в сравнении³

Годы	Избиратели СДПГ							
	Все, % от общего числа избирателей	60 лет и более	25–34 года	18–24 года	Женщины	Мужчины	Рабочие	Рабочие – члены профсоюза
2005	34,2	34,0	33,0	38,0	36,0	33,0	37,0	51,0
2009	23,0	27,0	17,0	18,0	23,0	23,0	24,0	35,0
Изменения	-11,2	-7,0	-16,0	-20,0	-13,0	-10,0	-13,0	-16,0

Для партии, считающей своим фирменным знаком солидарность со слабыми и, прежде всего, общественный прогресс, является потрясением, в первую очередь, снижение сторонников среди молодых избирателей. По сравнению с 2005 г. доля голосов избирателей в категории молодых людей до 25 лет снизилась наполовину. Как очевидно из табл. 1, Социал-демократия не доминирует больше в

больших городах, как это было раньше. В таких федеральных землях как Берлин, Бремен и Гамбург, которые одновременно являются и крупными городами, она смогла обойти Блок только в Бремене. Часто жители больших городов опережают общественное развитие, так что цифры в верхней строке табл. 1 могут служить индикатором на ближайшие годы. Мелкие партии имели здесь значительный ус-

пех – вплоть до СвДП, которая является одной из старейших партий в партийной системе Германии.

Фактически Народные партии пребывают в кризисе. Избиратели сильнее осознают многоплановость политических тем, но вместе с тем предпочитают ясные позиции и ищут с их точки зрения важнейшие решения у партий, расставляющих четкие приоритеты. Более мелкие партии занимаются не таким большим количеством тем, но зато выражают в этих немногих вопросах больше компетенции, чем Народные партии: экология, гражданский антагонизм – у «Зеленых», высший приоритет «Социальной справедливости» – у левых партий, меньше государства и меньше налогов – у либералов от СвПД.

Народные партии хотели бы излучать компетенцию во всех вопросах, но

это им удается все меньше. Как СДПГ, так и ХДС/ХСС теряют в глазах избирателей типичное для них опережение по многим вопросам: например, СДПГ – по вопросам социальной справедливости, налоговой и пенсионной политики, а Блок – в области политики образования. Только в области экономической политики Блок смог сохранить свои ценности. Рациональность избирателей проявляется здесь, впрочем, в том, что высокоуважаемый министр финансов, член СДПГ, Пьер Штайнбрюк, которого большинство избирателей с удовольствием видело бы и после выборов в правительстве Ангелы Меркель, не смог препятствовать снижению предполагаемой компетенции своей партии в вопросах экономики.

Как изменились предположения о компетенции с 1998 г. иллюстрирует табл. 3.

Таблица 3

Предположения о распределении компетенций

Годы	Социальная справедливость		Образование		Рабочие места	
	СДПГ	Блок	СДПГ	Блок	СДПГ	Блок
1998	54	22	37	41	43	28
2005	48	25	31	43	25	45
2009	44	18	32	29	31	37

Продолжение табл. 3

Годы	Экономика		Налоги		Обеспечение по старости	
	СДПГ	Блок	СДПГ	Блок	СДПГ	Блок
1998	33	47	45	22	42	30
2005	27	51	31	39	30	35
2009	21	47	29	28	30	33

По сравнению с Блоком, СДПГ осталась впереди в области социальной справедливости, равно как и Блок по сравнению с СДПГ сохранил свое опережение в области экономики. При этом с 1998 г. министрами труда и социального обеспечения, здравоохранения и финансов непрерывно были члены СДПГ. Несмотря на высокоуважаемого министра финансов Штайнбока, Социал-демократия утратила компетенции по вопросам налогообложения. Блок ХДС/ХСС за время существования коалиции, возглавляемой Ангелой Меркель (2005–2009 гг.), не выставил ни одной кандидатуры министров в этих областях, но приобрел компетенции в таких вопросах, как рабочие места, налоги и обеспечение старости. Уменьшались также показатели Союза по таким темам как «Социальная справедливость» и «Политика в области образования».

Если принять во внимание мелкие партии, то оказывается, что Либералы и Зеленые на центральное место ставят политику в области образования, Либералы – налоговую политику, а Левая партия – безработицу и социальную справедливость. Они улучшили свои результаты в тех областях компетенций, в которых высоки потери Социал-демократии и в которых, начиная с 2005 г., стал нести потери также и Союз.

При исследовании выборов выявилось важное изменение в поведении избирателей: все большее количество избирателей слишком поздно определяют для себя, за какую партию они будут голосовать и, что характерно, готовы в большей степени, чем раньше, изменить свое решение. Заметно увеличилось «брожение» избирателей между партиями.

Тем самым избиратели проявляют рационализм: они проверяют предложение партий и в меньшей степени ру-

ководствуются «привычками» в вопросах выборов в среде, к которой они себя причисляют. Такая готовность к перемене своего решения в выборах 2009 г. жестче всего коснулась СДПГ по сравнению с другими партиями.

Такое же негативное влияниеоказало и то, что СДПГ совершила тактическую ошибку в предвыборной компании, недооценив соображения избирателей о механизмах немецкой выборной системы.

Исследования выборов показали, что избиратели 2009 г. были очень хорошо информированы о том, что недостаточно принять решение в пользу одной партии для того, чтобы выразить преференции в пользу правительства. Партии должны образовывать коалиции для того, чтобы попасть в правительство.

Табл. 4 показывает четыре возможных коалиции, считающиеся до выборов наиболее реальными альтернативами.

В этом отношении рациональные избиратели убеждены, что они помогут одержать победу той партийной коалиции, которая, имея шансы на победу, быстрее всех исполнит их пожелания. СвДП отказалась создать коалицию со всеми партиями, кроме Блока, и достигла рекордного результата. Рациональные сторонники СвДП не хотели «большой» и не хотели «левой» коалиции.

Также высоких результатов достигла Левая партия, избиратели которой принимали в расчет только одну коалицию с СДПГ, что также соответствовало высказываниям Левой партии во время предвыборной борьбы.

Избиратели Зеленых, которые были относительно откровенны, но не хотели «большой» коалиции, не очень способствовали успеху.

Напротив, СДПГ понесла такие массированные потери, возможно, по-

тому, что в предвыборной борьбе действительно не исключала никакой коалиции. Она расщепила своих потенциальных избирателей на группы вопросом о коалиции:

- продолжение большой коалиции с г-жой Меркель и Блоком или
- создание так называемой «ампельной» коалиции (*die Ampel* = светофор) под руководством собственного цвета с желтым цветом СвДП и с цветом Зеленых. Тот, кто не хотел «ампельной» коалиции, вместо СДПГ выбрал СвДП, потому что СвДП не хотела «ампельной» коалиции. Тот, кто не хотел большой коалиции, вместо СДПГ выбрал Зеленых, потому что самое большее чего хотели Зеленые – «ампельной» коалиции.

Но тот, кто хотел «социальной справедливости» и изменения системы влево без Блока и СвДП, выбрал Левую партию.

Как показывает табл. 4, избиратели Левой партии, так же как и избиратели либеральной СвДП, являются сторонниками «подходящего» им союзника, соответственно СДПГ и Блока, но также и избиратели Блока с преобладающим большинством выступают за коалицию с СвДП. Иначе обстоит дело с избирателями СДПГ: они разделились на три группы сторонников трех различных коалиций соответственно. Тот, кто как потенциальный избиратель СДПГ хотел определенной коалиции, выбрал не СДПГ, а ту партию, которая вероятнее всего образовала бы эту коалицию.

Таблица 4

Какую коалицию Вы бы выбрали?*

% сторонников

Коалиционная преференция	Партийная преференция				
	ХДС/ХСС	СвДП	Зеленые	СДПГ	Левые
«Большая» коалиция (Блок и СДПГ)	15	1	5	33	3
«Гражданская» коалиция (Блок и СвДП)	70	87	3	2	3
«Ампельная» коалиция (СДПГ, СвДП, Зеленые)	3	8	32	32	3
«Левая» коалиция (СДПГ, Зеленые, Левые)	1	1	39	26	83

* Примечание: Симпатии избирателей, если нужно было выбирать не партии, коалиции. Данные приведены в процентах сторонников, которые приняли бы решение в пользу одной из четырех возможных коалиций.

Представленное здесь поведение избирателей на следующих выборах в Бундестаг упрочнится как невыгодное для СДПГ и Блока, если на основании уже названных аргументов следующие моменты станут трендом:

Во-первых, число «неизбирателей» останется на том же уровне, что и в 2009 г.

Так как речь шла, прежде всего, о потенциальных избирателях СДПГ, а Блок потерял больше голосов «неизби-

рателей», чем конкурентов, то мелкие партии выиграли бы от этого.

Во-вторых, остается высокая дифференциация тем предвыборной борьбы, из которых ни одна не будет сильно выделяться из общего ряда. Определенные темы будут, как обычно, особенно достоверно представлены мелкими партиями, так что набор тем отнимет слишком много голосов у Народных партий, как это уже было в 2009 г. Большие партии потеряют предполагаемые компетенции в отдельных вопросах.

В-третьих, число избирателей, способных менять свое решение, а также их коалиционное тактическое мышление снизятся. Тем самым уменьшится сила связи партии канцлера (в настоя-

щее время это Блок) и ведущей оппозиционной партии (в настоящее время – СДПГ).

В-четвертых, жители больших городов опережают на несколько лет общий климат мнений. Табл. 1 дает картину относительно равномерной раздробленности голосов избирателей по всем представленным в Бундестаге партиям. Это было бы концом немецкой двухпартийной системы с мелкими партиями, создающими большинство для одной из двух больших партий. Выборы в данном варианте не смогут больше быть успешно оспорены партией канцлера под девизом «От канцлера все зависит». Все зависит от состава коалиции, которая образуется после выборов.

Германско-российские отношения после 2009 года

После распада Советского Союза и объединения двух немецких государств наступила новая эра немецко-российских отношений. Социал-демократ Герхард Шредер во время своего пребывания на посту канцлера (1998–2005 гг.) следовал курсу партнерства и параллельно поддерживал личные дружеские отношения с президентом Путиным. До этого как глава оппозиции при Гельмуте Коле, который до 1998 г. был канцлером коалиции из Блока и СвДП, он критиковал политику отношений с Россией из-за якобы слишком тесных с ней связей и «другом» Коля «по сауне» Б. Ельциным. И наоборот, Меркель и Вестервелле критиковали близость Шредера с Россией, пока они оба были в оппозиции. Когда г-жа Меркель стала канцлером (2005 г.), социал-демократы возглавили министерство иностранных дел в коалиции с двумя партиями, имеющими почти одинаково сильные позиции. Поэтому г-жа Меркель не могла осуществлять внешнюю политику против воли

СДПГ. А курс СДПГ был продолжен ближайшими сотрудниками Шредера и более того, министром иностранных дел Франком-Вальтером Штайнмайером. С конца 2009 г. правящей коалицией снова является коалиция Блока и СвДП во главе с канцлером Ангелой Меркель. Будет ли предпринято г-жой Меркель и ее министром иностранных дел и вице-канцлером Гидо Вестервелле, председателем Либералов, изменение курса?

Иная политика Германии маловероятна по следующим причинам.

Во-первых, внешняя политика в предвыборной борьбе 2009 г. не играла вообще никакой роли. В партийных демократиях и без того лишь в исключительных ситуациях следует принимать в расчет то, что международные отношения станут более важной темой в открытых дебатах, чем внутренняя и экономическая политика.

Во-вторых, в настоящее время не происходит никаких международных событий, которые могли бы повлиять

на желание г-жи Меркель сократить партнерские отношения с Россией и не продолжать их в том виде, как это было при ее предшественниках Коле и Шредере.

В-третьих, министр иностранных дел Вестервелле как представитель более мелкого партнера по коалиции не может проводить собственную политику против воли сильного канцлера. Канцлер определяет основные направления внешней политики Германии и может быть при этом приостановлен только очень полновесным партнером по коалиции.

По немецкой политической традиции министры иностранных дел, начиная от времен рейхсканцлера Бисмарка, едва ли имеют собственную «изобразительную силу».

В-четвертых, действует принцип (как минимум, от Бисмарка), что Германия не может себе позволить вражды с Россией. Уже более 100 лет Германия рассматривает себя как «среднюю власть» в середине Европы, которая должна иметь интерес к развитию положительных отношений с обеими супердержавами – США (или ранее еще Великобританией) и Россией. Каждый раз, когда Германия враждовала с

США как с западной фланговой державой и с Россией как с восточной фланговой державой Европы, Европу постигали войны и разрушения, а Германия была самой потерпевшей.

Внутриполитические изменения и новые коалиционные правительства в такой же малой степени, как и смена канцлера, являются поводами для изменения политики Германии в отношениях с Россией. Уже много десятилетий Германия является важной составной частью НАТО и тесным союзником США. Кроме того, Германия – учредительница и двигатель Европейского союза (ЕС). Расширение ЕС и отношения ЕС с Россией оказывают также влияние на немецко-российские отношения.

Внешнеполитические курсы президентов Обамы и Медведева могут быть особенно важными для будущего немецко-российских отношений. Если Барак Обама осуществит заявленный им отход от унилатерализма своего предшественника Джорджа Буша и если Дмитрий Медведев вновь оживит российско-американское сотрудничество по важнейшим мировым вопросам, то это также положительно скажется на отношениях России с Германией и Европейским союзом.

Примечания

- ¹ Statistisches Bundesamt 2009, der Wahlleiter (Статистическое Федеральное ведомство 2009, председатель избирательной комиссии).
- ² Бубе М. Система власти в Германии – парламентаризм как канцелярская демократия? // Парламентаризм в России и Германии / Под ред. Я.А. Пляяса и О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2006. С. 459–479.
- ³ Infratest dimap. Wahlanalyse 2009. Deutschland-Trend (Инфратест димап. Анализ выборов 2009. Тенденция Германии).

Вьетнам: время важных решений

Григорий Локшин

Политике открытости и обновления альтернативы нет

Продолжающийся третье десятилетие во Вьетнаме эксперимент с построением «социалистически ориентированной рыночной экономики» или, как считают некоторые наблюдатели, «конфуцианского капитализма с человеческим лицом»¹, привлекает все большее внимание исследователей стран с переходной экономикой, как на Западе, так и на Востоке.

Вьетнам живет ритмом правящей Коммунистической партии, идущей на встречу своему XI съезду, намеченному на январь 2011 г. Съезд готовится в атмосфере ожидания в партии и обществе нового импульса «политике открытости и обновления», которая проводится уже 25 лет. Среди политиче-

ской элиты и научной общественности Вьетнама развернулась широкая предсъездовская дискуссия о судьбах страны, в которой все заметнее просматривается и обычно тщательно скрываемое соперничество между сложившимися в партии и обществе различными течениями и группами интересов.

22–28 марта 2010 г. в Ханое проходил 12-й пленум ЦК КПВ 10-го созыва, обсудивший проекты документов, которые будут представлены XI съезду КПВ.

Они включают Политический (отчетный) доклад ЦК КПВ, проект изменений и дополнений в действующую Программу КПВ 1991 г., Стратегию социально-экономического развития на 2011–2020 гг. и ряд других документов.

ЛОКШИН Григорий Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. Генеральный секретарь Международного Института Мира в Вене. Тел.: (495)-766-94-12.

Ключевые слова: XI Съезд КПВ, политика открытости и обновления, однопартийное правление, политическая стабильность, интеграция в мировую экономику.

Все они предназначены для широкого обсуждения перед съездом на проходящих партийных конференциях на местах, в Национальном Собрании и в общественных организациях Отечественного Фронта.

Значение предстоящего съезда особенно возрастает в связи с тем, что на нем должна произойти очередная смена поколений в руководстве партии и государства. Генеральный секретарь ЦК КПВ Нонг Дык Мань и Президент СРВ Нгуен Минь Чиет по возрасту (верхний предел – 65 лет) покидают свои посты. Всего по той же причине должны уйти 8 из 15 членов Политбюро, занимающие ключевые посты в государстве. Это создает определенный вакуум для противоборства сложившихся групп интересов и влияния в КПВ.

Как обычно, в такой ситуации ведутся секретные переговоры, обсуждаются компромиссы, выдвигаются новые люди. Этот процесс в кадровой подготовке съезда можно сравнить с известными «праймериз» в США.

Деление на различные противостоящие группы и фракции в руководстве КПВ – любимое занятие многих западных наблюдателей, напоминающих известных в прошлом «советологов». Основное деление на реформаторов и консерваторов, а соответственно, на «западников» и «прокитайцев». Первых, как считают эти ученые, возглавляет премьер-министр Нгуен Тан Зунг, а во главе вторых стоит сам Генеральный секретарь Нонг Дык Мань, опирающийся на партийный аппарат и силовиков.

В руководстве КПВ, действительно, имеются разные интересы и мнения. Но, похоже, что иностранные специалисты все-таки недостаточно знакомы с принципами демократического централизма и с процессом принятия решений в таких партиях, как КПВ.

Из нашего же прошлого опыта известно, что ни один сколько-нибудь значительный шаг того же премьера или президента, ни один подписанный ими сколько-нибудь значительный контракт попросту не возможен без решения Политбюро или предварительного согласия основных руководителей партии и государства.

Вместе с тем, очевидно, что одни руководители КПВ предпочитают китайскую модель открытой экономики под жесткой политической диктатурой, тогда как другие считают, что рыночная экономика принесет больше дивидендов в более демократической обстановке. Некоторые даже восприняли политику обновления не только как отказ от скопированной с СССР командно-административной системы, но и как альтернативу социализму вообще. По их мнению, надо изменить даже название партии и страны и вернуться к существовавшим до 1976 г., а именно: Партия трудящихся Вьетнама (предлагается также Партия Вьетнамского Народа) и Демократическая Республика Вьетнам.

Другие (их называют «консерваторами») придерживаются противоположной точки зрения, подчеркивая, что рыночная экономика – это не цель, а средство и всего лишь переходный этап на пути построения социализма. Причину возникших трудностей в экономике они видят в слабости нынешнего руководства, в его отходе от принципов марксизма-ленинизма. Они опасаются, что чрезмерная открытость по отношению к Западу приведет к изменению политического строя, к так называемой «мирной эволюции» или буржуазному перерождению партии.

Судя по итогам прошедшего мартовского пленума ЦК КПВ (2010 г.), именно эти взгляды возобладали в руководстве партии и страны. При всем

этом, можно с большой долей уверенности говорить, что в КПВ никаких признаков идейного разброда, а тем более раскола, не наблюдается. В руководстве КПВ все согласны с тем, что путь «открытости и обновления», взятый 25 лет назад, остается единственным верным путем устойчивого развития страны на многие годы.

Разногласия по масштабам и характеру преобразований, по темпам интеграции в мировую экономику, относительно способов защиты национальных

интересов страны в отношениях с КНР, США и другими странами были и будут, но они не отменяют единства руководителей КПВ в главном направлении общего курса партии, их кровной заинтересованности в политической стабильности, то есть в сохранении политической монополии КПВ на власть. Отсюда попытки деления руководителей партии, например, на «западников» и «прокитайцев», крайне условны, ибо все они (но каждый по-своему) прежде всего «провьетнамцы».

Международное положение вызывает озабоченность

Статус Вьетнама в мировом сообществе за прошедшие 5 лет значительно повысился, открыв для него новые возможности и перспективы. Вьетнам был принят в ВТО, в 2008 г. был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН, значительно усилил свое влияние в АСЕАН, где председательствует в 2010 г. Страна имеет дипломатические отношения с более 150 государствами и поддерживает активное экономическое сотрудничество с США и странами ЕС, с Китаем, Японией и Южной Кореей, с Индией, Австралией и Новой Зеландией. В последнее время успешно развиваются и традиционные отношения дружбы и стратегического партнерства с Россией.

Тем не менее, международная обстановка перед съездом КПВ складывается не однозначно.

В последние годы Вьетнам оказался перед угрозой нового серьезного усложнения отношений с северным соседом, который совершает некоторые довольно сомнительные действия в Южно-Китайском море, объявив суверенитет над почти всей его акваторией, постоянно и демонстративно нарушая морские границы Вьетнама в районе Парасельских островов (оккупированных Китаем в 1984 г.) и архипелага Спрат-

ли, ежегодно вводя односторонний мораторий на рыбную ловлю и подвергая аресту суда вьетнамских рыбаков². Не помогли ни большие уступки при демаркации сухопутной границы между двумя странами, ни выгодный для Китая раздел Тонкинского залива, ни другие важные для него проекты сотрудничества.

Дело в том, что на шельфе прибрежных государств в Южно-Китайском море и в районе Парасельских островов и архипелага Спратли предполагаются значительные месторождения нефти и природного газа. На суверенитет над ними претендуют кроме Китая и Тайваня еще 5 государств Юго-Восточной Азии (ЮВА). Главные противоречия разделяют Китай и Вьетнам. В правовом отношении проблема суверенитета над акваторией Южно-Китайского моря (ЮКМ) остается не решенной. Стремление китайского руководства единолично контролировать природные ресурсы ЮКМ создает значительные проблемы для Вьетнама и ставит под вопрос все планы его экономического развития³.

Действия китайских властей, по известным историческим причинам, крайне болезненно воспринимаются вьетнамской общественностью, подни-

мая сильную волну национализма и обвинений в адрес руководства КПВ в проведении политики уступок и умиротворения Китая. Так, согласие Правительства Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) на то, чтобы китайская компания строила бокситовые рудники на Центральном плато Тэйнгуен, вызвала редкое по силе возмущение общества в 2009 г. Многие ученые и общественные деятели говорили, что экологические и социальные последствия намного превзойдут все ожидаемые доходы, а также указывали на прямую угрозу национальной безопасности.

Самым видным оппонентом этого проекта стал известный вьетнамский полководец, легендарный организатор исторической победы под Дьенбьенфу (1954 г.), генерал армии Во Нгуен Зиап.

В политическом плане никогда еще выдвигаемые партией и государством установки не вызывали такого сопротивления в различных слоях населения.

Не меньше проблем возникает и в связи с развернутым китайской стороной строительством многочисленных дамб и плотин в верхнем течении р. Меконг, что грозит поистине катастрофическими последствиями для многочисленного вьетнамского населения в дельте реки, являющейся житницей страны. Недовольство широких кругов вызывает сдача в аренду китайским предпринимателям лесных угодий в приграничных районах сроком на 50 лет и по крайне низким ценам.

Характерно, однако, что при всей возникающей время от времени напряженности межпартийные отношения между КПВ и КПК остаются необыкновенно тесными. Обе стороны не склоняются на заверения в братской дружбе и стратегическом партнерстве, которые щедро даются на многочисленных встречах на высоком и на высшем

уровне. Китай продолжает реализацию во Вьетнаме многих крупных проектов государственного значения, включая упомянутый проект разработки крупнейшего в мире месторождения бокситов на Центральном плато Тэйнгуен, строительство ТЭЦ, ряда объектов инфраструктуры и различных предприятий.

Отношения с Китаем всегда управляются, как говорят, «тиранней географии». Нравится это кому-либо в стране или нет, но Вьетнам обречен экономически еще долго быть в орбите Китая. Китай сегодня – это главный торговый партнер, причем с огромным дефицитом для Вьетнама.

Общий товарооборот между ними в 2008 г. составил 21,65 млрд. долл. США, в 2009 г. – 20, 751 млрд.⁴

Импорт из Китая неизменно растет и превышает 13 млрд. долларов США (не считая нелегального ввоза через весьма прозрачную границу на Севере) и составляет основную часть дефицита внешней торговли – 97,4% в 2009 г.⁵ Долг Китаю в 2008 г. достиг 11 млрд. долл. США⁶.

Руководство КПВ оказалось в трудном положении. Оно не хочет и не может открыто высказываться о политике Китая и предъявлять ему претензии, но одновременно не имеет возможности и серьезно повлиять на поведение КНР в Южно-Китайском море, все более ущемляющее интересы Вьетнама.

Обстановка в Южно-Китайском море подвела Вьетнам к положению, когда ему приходится вновь заняться серьезным укреплением национальной обороны, что связано с резким увеличением военных расходов. Но он вынужден идти на них не в надежде взять верх над потенциальным противником, а стремясь сделать применение силы для него достаточно дорогим удовольствием. Так или иначе, но начавшаяся гонка вооружений чревата

многими негативными последствиями для страны.

У Вьетнама имеются весьма ограниченные возможности для конфронтации с Китаем. Нет и реальной возможности сбалансировать отношения с КНР, повернувшись целиком, например, в сторону США, хотя отношения с ними успешно развиваются, несмотря на все трудности и препятствия со стороны враждебно настроенной части американского истеблишмента и вьетнамской диаспоры.

В последние три года США были самым крупным иностранным инвестором во Вьетнаме (в 2009 г. зарегистрировано почти 10 млрд. долл. инвестиций американских компаний). Вьетнамское руководство стремится развивать отношения с США во всех областях, включая и некоторые формы военного сотрудничества, но не против Китая.

Вьетнам вынужден проводить очень сложную политику балансирующего многостороннего стратегического партнерства с великими державами, включая и Россию. В то же время он активно маневрирует внутри международных структур, таких как АСЕАН, формирующееся Восточноазиатское сообщество и АТЭС.

Вьетнамская дипломатия стремится вести дело так, чтобы не подчеркивать свои разногласия с Китаем, одновременно добиваясь его признания независимости и определенных интересов Вьетнама в регионе. Руководство КПВ проводит эту линию в межпартийных отношениях через череду встреч на высшем и высоком уровне, каждый раз заверяя Китай в своей поддержке его

политики «одного Китая» и добиваясь в ответ обещаний, что и его интересы будут учтены. Цель, похоже, состоит в том, чтобы показать общность позиций, чтобы понравиться соседям, но затем проводить свою собственную линию, когда и как это диктуется обстоятельствами.

Легитимность вьетнамских руководителей всегда базировалась на том, что они защищали суверенитет и территориальную целостность страны. А сейчас их упрекают со всех сторон, что они с этой задачей якобы не справляются. Нарастающая волна национализма в стране и усилившееся давление со стороны диаспоры ставит руководство КПВ перед выбором: поддаться этим настроениям и пересмотреть основы внешней политики страны, либо продолжать осторожный и взвешенный курс, не поддаваясь ни на какие провокации.

Вьетнамские лидеры в вопросе отношений с КНР, как уже говорилось, не едины. Есть группа тех, кто предпочитает смириться с доминирующей ролью Китая, в надежде воспользоваться в будущем некоторыми благами от его возвышения и доходов. Другая группа связывает будущее страны с интеграцией в мировую экономику и потому стремится как к хорошим отношениям с Китаем, так и к улучшению отношений с США, Японией и другими партнерами.

Вопросы отношений с Китаем, естественно, станут главными в дискуссии по внешней политике на предстоящем съезде, но ожидать каких-либо радикальных перемен в нынешнем курсе оснований пока нет.

Экономика продолжает рост

Для всех, кто когда-либо раньше бывал во Вьетнаме и после длительного отсутствия приезжает туда вновь, он предстает неузнаваемым.

Словно джин, выпущенный из бутылки, потенциал страны, десятилетиями подавленный войнами с последовавшими проблемами восстановления и бо-

лезненным процессом интеграции двух частей страны и национального примирения, заработал с такой силой, которую никто не мог даже представить.

О «феномене Вьетнама» или об успехах политики обновления написано и сказано много, и это не требует повторения⁷. Однако за истекшие четверть века Вьетнам завершил период экстенсивного развития на базе политики обновления, начатой в 1986 г. Принятые тогда действительно новаторские решения означали решительный переход к строительству «социалистически ориентированной рыночной экономики».

При всех бесспорных достижениях, экономическое положение страны на пороге съезда КПВ далеко от благостной идиллии, и это хорошо понимают в руководстве страны. В целом Вьетнам остается хоть и не самой бедной, но все-таки одной из беднейших стран мира.

По данным Всемирного Банка, в 2008 г. он преодолел установленный ООН «порог бедности» (годовой ВВП в 976 долл. США на душу населения) и присоединился к самому нижнему ряду государств со средним доходом (ВВП от 1 до 4 тыс. долл. в год на человека). Его ВВП на душу населения в 2009 г. составил всего 1104 долл. (и это в 5 раз выше уровня 80-х годов, когда начиналась политика обновления), а в этом году ожидается 1200 долл., что, тем не менее, в два раза ниже, чем в среднем по АСЕАН и в три раза ниже, чем в соседнем Таиланде, не говоря уже о Сингапуре и Брунее⁸.

Съезд пройдет в то время, когда страна еще полностью не выйдет из последствий мирового кризиса 2007–2009 гг., который не прошел бесследно для его ориентированной на экспорт экономики. Экспорт заметно сократился из-за сужения рынков.

Дефицит торгового баланса в 2007 г. равнялся 12,4 млрд. долл. США, в 2008 г. поднялся до 18 млрд. долл. и в 2009 г. опять опустился до 12 млрд.⁹.

Платежный баланс в 2009 г. имел дефицит почти в 2 млрд. долл.⁹ и покрывался за счет внешней помощи (2009 г. по программам помощи на развитие ОДА Вьетнам получил 8 млрд. долл.¹⁰) и иностранных инвестиций, которые значительно сократились из-за кризиса.

В 2009 г. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) во Вьетнам снизились с 71,7 млрд. долл. США до 21,5 млрд. или почти на 70%¹¹.

Инфляция в 2008 г. подскочила до 25%, что представляет самый высокий уровень за 17 лет.¹² Она съела все доходы людей.

Вторая проблема – это безработица, особенно в сельских районах. Излишки рабочей силы на селе достигают 50%, и это не из-за развития техники и механизации, а из-за недостатка земли и отсутствия капиталовложений.

Бедность и безработица гонят тысячи людей из страны на поиски любой работы и пропитания. Созданы государственные организации по экспорту рабочей силы, которые в некоторых зарубежных изданиях сравнивают с организациями современной работорговли, что, конечно, не справедливо, но кое-что общее есть.

2009 г. выдался особенно неудачным в смысле большого числа стихийных бедствий.

11 раз сильнейшие бури и наводнения охватывали целые районы страны, особенно в Центральном Вьетнаме, неоднократно возникали эпидемии так называемого «свирепого гриппа» A1H1 №1. На внешних рынках творилась чехарда цен на товары вьетнамского экспорта. В итоге прирост ВВП в 2009 г. составил всего 5,2%, что было самым низким показателем за 10 лет¹³.

Сюда следует добавить такие неприятные явления, как растущий разрыв между бедными и богатыми, между городом и деревней, между населением равнинных и горных районов. И самое главное – это коррупция на всех уровнях, ставшая, как признается офи-

циально, «национальным бедствием страны».

Таким образом, очевидно, что трудностей в экономике еще много, но они не остановили движение вперед.

К началу года темпы роста стабилизировались около 6,2% ВВП. По этому показателю Вьетнам остается вторым в Азии после Китая.

Весенний урожай риса превзошел на 2,6 млн. т урожай 2007 г.¹⁴.

Правительство СРВ, как следует из материалов мартовского Пленума ЦК КПВ 2010 г. поставило задачу на этот год добиться роста ВВП на 6,5%, а в 2011–2015 гг. на 7,5–8,5%.

По планам министерства планирования и инвестиций СРВ, в 2015 г. ВВП страны должен достичь 200 млрд. долл. США, а на душу населения он должен почти удвоиться и достичь 2100 долл. США¹⁵.

Инфляцию в этом году власти планируют снизить до 7%, хотя некоторые западные эксперты сомневаются в возможности добиться этого показателя и предсказывают инфляцию в 10–12%, что тоже в два раза меньше прошлогоднего уровня¹⁶.

Руководство КПВ считает, что период экстенсивного развития страны необходимо в ближайшее время завершать и переходить к интенсивному развитию народного хозяйства. Новым «главным словом» пропаганды сегодня является стабильность, а не рост любой ценой. Правительство проявляет большую заинтересованность в обеспечении страны энергетическими ресурсами, шоссейными и железными дорогами. Инвесторы опять оживились. Обсуждаются крупнейшие инфраструктурные проекты, вроде строительства высокоскоростной железной дороги Ханой – Хошимин и другие.

Всемирный банк и Азиатский Банк развития выражают готовность чуть ли не удвоить инвестиции во Вьетнаме.

К 2020 г., считают вьетнамские коммунисты, страна должна в основном

стать современным индустриальным государством с политической и социальной стабильностью, с демократией и социальной гармонией при сохранении независимости, единства, суверенитета и территориальной целостности. При этом ее международный авторитет и позиции на международной арене должны еще более укрепиться¹⁷.

И все же главное в такой стране, как Вьетнам зависит от того, как окончательно будет решен аграрный вопрос, прежде всего как будут повышенны доходы крестьян, обеспечена занятость, как будет функционировать рынок сельхозпродукции.

Руководство КПВ не заблуждается и не строит иллюзий. Оно прекрасно видит, что в деревне наблюдается засухой, уровень жизни не растет. После 10 лет непрерывного подъема это вызывает определенную тревогу. Нового пока ничего не придумали.

Верное своему врожденному pragmatizmu и сильнейшему политическому чутью, руководство КПВ продолжает строить новый тип производственных отношений в деревне через ненасильственную, выгодную крестьянам кооперацию.

Одобренный ЦК КПВ проект Программы социально-экономического развития на предстоящее 10-летие предусматривает сочетание высоких темпов роста экономики с устойчивостью и надежностью экономического развития, причем именно эти два элемента становятся главными. Программа намечает меры по совершенствованию структуры экономики, развитию транспортной инфраструктуры, росту производительности труда, улучшению качества и конкурентоспособности продукции, созданию условий для здоровой конкуренции, для продолжения реформы административной системы, повышению уровня трудовых ресурсов, со-

вершенствованию систем народного образования и здравоохранения.

Необычно много внимания уделяется вопросам сохранения окружающей природной среды, которые все более становятся жизненно важными для Вьетнама.

Намечается отладить нормальные и рациональные отношения между рыночной экономикой и государством, усилить борьбу с коррупцией, хищениями, бюрократизмом и произволом местных властей.

Кризис 2007–2009 гг. в целом показал устойчивость экономической моде-

ли развития в СРВ, при которой государство остается главным инструментом защиты интересов широких масс населения и сохранения социальной и политической стабильности.

Монополия КПВ в политике и многоукладная рыночная экономика не стали антиподами. Вьетнамские руководители, вслед за китайскими коллегами, игнорируют устаревшие понятия и исходят из практики, как главного критерия истины. В условиях глобализации, информационной революции и «экономики знаний» они приспосабливаются. На сколько успешно – покажет время.

Самый стабильный политический режим в ЮВА

С 1990 г. Вьетнам обходит стороной экономические и политические кризисы и государственные перевороты, которые потрясли или свергли вообще многие режимы в странах ЮВА. Его политический режим самый стабильный в регионе. Стабильность Вьетнама – предмет зависти многих правителей других стран.

«Легитимность однопартийного государства, – отмечает известный австралийский эксперт, отставной генерал К.Тэйер, – проистекает из различных источников, включающих легитимность успеха или эффективность экономической политики, традиционную легитимность любой существующей власти, независимо от ее происхождения (в соответствии с традиционными понятиями конфуцианства), из незыблемой легитимности национализма и руководства, которое привело народ к победе над чужеземными захватчиками, из харизматической легитимности Президента Хо Ши Мина, в верности заветам которого присягают его наследники»¹⁸.

Терпимость к однопартийным режимам вообще свойственна политической культуре в ареале китайского влияния. И нет ничего необычного для этого региона, что компартии единолично правят Китаем и Вьетнамом уже мно-

гие десятилетия. Это вполне в конфуцианской традиции, когда социальная гармония достигается правильно построенным консенсусом. Его противники сначала воспринимаются как отщепенцы.

Анархия в китайском мышлении – это абсолютное зло. И если ограничения свобод являются условием сохранения социального порядка, то необходимо их принимать. И легитимность власти не зависит от ее происхождения, а от ее эффективности в поддержании порядка и гармонии. В той мере, в какой КПВ сумеет сохранять гражданский мир и экономическое развитие, у нее будет мандат неба, который легитимен для значительного большинства вьетнамского народа.

При всех ошибках и недостатках нынешней политической системы, противостоящие ей силы (которые только условно можно называть оппозицией) не имеют сколько-нибудь значительной поддержки ни в стране, ни за рубежом. Вьетнамская оппозиция, как признают и сами ее деятели в диаспоре, все более становится неприятным бельмом в глазу у правящих кругов стран Запада, для которых политическая стабиль-

ность во Вьетнаме и безопасность инвестиций все-таки гораздо важнее, самых демократических характеристик существующего там строя.

Некоторые из них даже называют Вьетнам «любимым дитем США в Юго-Восточной Азии» при том, что американская организация «Фридом хаус», измеряющая уровень индивидуальных свобод и соблюдения прав человека в различных странах, по-прежнему ставит Вьетнам на одно из самых последних мест в мире.

В руководстве страны преобладает убежденность, что основные элементы демократии западного типа, особенно политический плюрализм, противоречат сложившейся в стране системе власти, подрывают политическую стабильность, национальную культуру и идентичность. Тем не менее, по мере перехода к рыночной экономике и открытия внешнему миру сложившаяся здесь политическая система тоже начала изменяться в сторону демократизации и либерализации.

Во Вьетнаме, хоть и медленно, с учетом местной специфики, но неуклонно идет процесс демократизации и расширения гражданских свобод, причем эта эволюция, по мнению многих специалистов, уже приняла необратимый характер и может развиваться даже быстрее, чем в Китае.

Очевидно, что лидеры КПВ совершенно иначе, чем принято на Западе, понимают само слово демократизация, но они все более активно поддерживают выборный процесс на местах, причем как в органах власти, так и в партийных организациях, высказываются за независимость судов и надзор за партийными функционерами. Как далеко зайдет этот процесс – открытый вопрос, но существенные подвижки уже налицо.

Вьетнамцы, пережившие годы до политики обновления, почти все говорят, что «сейчас живется гораздо лучше, чем тогда». Режим тогда, действительно, был тоталитарным и полицейским. На то была война и тяжелейшие 80-е годы. Сейчас не совсем так или даже совсем не так. Ограничения свобод не такие жесткие, и все это признают, Режим стал более терпимым, но по-прежнему достаточно суров по отношению к инакомыслящим, особенно если обозначается их контакт с заморскими покровителями.

Руководство КПВ делает ставку на строительство «правового государства», действующего строго по законам. В этой связи на первое место выдвигается Национальное собрание.

Прогресс демократии демонстрирует его новая, значительно активизированная роль. Национальное собрание, где значительная часть депутатов уже работают на постоянной основе, получило полномочия отстранять от должности даже президента и премьер-министра. Его открытые заседания, посвященные вопросам и ответам правительства, вживую транслируются ТВ и радио. Каждый депутат с нынешнего года будет иметь свой сайт в Интернете, куда могут обращаться его избиратели с любыми вопросами. Ответ обязателен. Именно Национальное собрание и местные советы призваны интегрировать в себя новые политические силы, рожденные политикой «дай мой». Уже сейчас более 20% депутатов не являются членами КПВ.

Партия преображается и сама, открыв двери для католиков и других верующих людей, для менеджеров и даже владельцев частных предприятий отказываясь от своей роли орудия диктатуры пролетариата, о которой уже никто и не вспоминает. И все это для того, чтобы стать отлаженным механизмом управления и администрации по формуле: руководитель – партия, хозяин – народ, управляемец – государство.

Хотя и эта формула, изобретенная, как говорят, еще покойным генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама (ЦК КПВ) Ле Зуаном задолго до политики обновления, по мнению некоторых ученых, уже требует уточнения. Они справедливо считают, что государство должно управляться все же не партией, а законом.

В долгосрочной перспективе Вьетнам, по мнению многих экспертов, эво-

люционирует в сторону известного в Восточной Азии типа политической системы, наиболее успешно реализованной в Сингапуре. Не даром ее творец Ли Куан Ю был советником Президента СРВ при становлении политики обновления. Это – парламентская республика с однопартийной системой, но с развитой внутрипартийной демократией, с разделением властей, независимостью судов и свободными средствами массовой информации.

Курс на социализм с вьетнамским лицом

Падение веры в социализм, особенно после распада СССР, – это главнейший вопрос идеологической жизни КПВ. Официально целью КПВ по-прежнему является построение во Вьетнаме социализма.

Об этом вновь напомнил Генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Дик Мань, выступая 2 февраля на торжественном собрании, посвященном 80-летию КПВ. Там же он говорил о том, что партия должна, «усилить теоретические исследования и, опираясь на практический опыт, прежде всего на опыт процесса обновления, глубже прояснить, что такое социализм и каким должен быть путь к социализму во Вьетнаме»¹⁹.

Вообще-то, что такое настоящий социализм, пока, как говорится, науке не известно. ЦК КПВ выработал свою формулу, применяемую сегодня в официальной пропаганде, «рыночная экономика с социалистической ориентацией как этап перехода к социализму».

Эту формулу многие социалистические партии Европы легко могли бы сделать своей. Стоит только заменить термин «социалистическая ориентация» на «социальную экономику» германской СДПГ или «сильную социальную политику» скандинавских социал-демократов, или, наконец, даже на нашу так называемую «социальную ответственность» бизнеса.

Во всех случаях речь идет о социально ориентированной модели экономического развития, которая была разработана в Западной Европе в условиях холодной войны и стала одним из главных достижений исторического развития Европы.

Главное, что реально пока во Вьетнаме понимается под словом социализм, выражено в основном девизе политики «обновления», который повсюду можно видеть на многочисленных лозунгах и плакатах: «обеспеченный народ, сильное государство, справедливое, демократическое и цивилизованное общество».

В таком толковании социализма очень мало именно «изма», то есть доктринерства, но гораздо больше простого здравого смысла.

Социализм в новой редакции программы КПВ, которую должен принять XI съезд КПВ, понимается как далекая цель, скорее как идеал, для которого не устанавливается никаких временных рамок.

Речь идет о том, чтобы к середине этого века только превратить Вьетнам в страну с современной экономикой, ориентированной на социализм. Нынешний же период они считают переходным, когда необходимо построить такое государство и такую экономику, которые станут надежной основой для

превращения страны в действительно социалистическое государство.

Все трудности и противоречия между рыночной экономикой и государственным регулированием, по всей вероятности, будут решены, скорее в пользу именно рыночной экономики, что видно из стремления всемерно развивать конкуренцию и свободу рынка, выраженного в программных установках КПВ к своему XI съезду. Рыночная ориентация приносит стране гораздо больше капитала, чем провалившаяся командно-административная система в прошлом.

В целом же коммунистическая идеология, сегодня, фактически утратив свою первоначальную суть, стала для Вьетнама лишь источником нацио-

нальной идентичности, а экономика становится все более современной и эффективной. И ничего не свидетельствует в пользу того, что это положение в обозримом будущем изменится.

Те, кто опасается или надеется на то, что в ближайшем будущем режим однопартийной монополии во Вьетнаме рухнет, могут успокоиться и набраться терпения надолго. Режим еще обладает внутренними ресурсами для развития на относительно длительный период времени. С 1945 г. он показал удивительные способности к адаптации в любых, самых трудных условиях. Хотя известный принцип, что всякая монополия – это путь к загниванию, остается верным для всех и на все времена.

Примечания

¹ Foreign Affairs. 2010. № 2.

² Канаев Е. Вооруженный конфликт из-за Парасельских островов // “Обозреватель – Observer”. 2005. № 7. С. 90–97.

³ Локшин Г.М. Международная конференция в Ханое // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 152–161.

⁴ www.ASEANsec.org/ASEANstats/table5

⁵ Communist Party of Vietnam Online Newspaper 06/ 05. 2010.

⁶ L'Humanite. 2009. 14 Mai.

⁷ Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме 1986–2006. М., 2008.

⁸ www.ASEANsec.org/ASEANStat/ Table 7; www. saigonbao.com/A Tin/ RFA/ 2010-05-18

⁹ Нгуен Синь Кук. Обзор вьетнамской экономики за 2009 г. и перспективы на 2010 г. // Интернет-версия журнала «Коммунист». 2010. № 2(194).

¹⁰ Из выступления Премьер-министра СРВ Нгуен Тан Зунга на Форуме в Давосе. www.saigonbao.com/ RFA. 28. 01.2010/

¹¹ www/ saigonbao/com/BBC tieng vietnam, thu nam, 6 thang 5, 2010 (Радио Би Би Си на вьет. языке)

¹² www. Saigonbao.com/RFA 2010.03.29. Them du bao xau cho Vietnam. (Радио «Свободная Азия» 29.03.2010. новые негативные прогнозы для Вьетнама)

¹³ Tap chi Cong san so 3(195) 2010 www.saigonbao.com/Dang cong san vietnam 22.10.2009. (Интернет-версия журнала «Коммунист». № 3(195) 2010).

¹⁴ www/Tuanvietnam.net.vn/ thu nam, ngay25 thang 02nam 2010

¹⁵ Nhan Dan. 29.03.2010.

¹⁶ www.saigonbao.com/BBC tieng viet/16 02 2010

¹⁷ Заключительное слово Генерального секретаря ЦК КПВ Нонг Дык Маня на XII Пленуме ЦК КПВ 2010 г // Nhan Dan. 29.03.2010.

¹⁸ Thayer C.A. Background briefing: Communist Party of Vietnam at Eighty, 1930–2010 // www.saigonbao.com/BBC. January 28.2010

¹⁹ Nhan dan. 03.02.2010.

Приватизации по-бразильски

Путь от ликвидации долгов до энергетической независимости страны

**Ирина Мамий
Светлана Кожанова**

*XX в. был веком США, а XXI в.
станет веком Бразилии*

*Луис Инасиу Лула да Силва
(Президент Бразилии)*

Федеративная республика Бразилия – самое крупное государство Латинской Америки. По площади территории – 8,5 млн. кв. км и численности населения – 201 млн. чел. она занимает 5 место в мире.

В настоящее время экономика Бразилии характеризуется развитым сельским хозяйством, горнорудной, нефтяной и нефтехимической промышленностью, высокотехнологичными отраслями производств, к которым относится и авиастроение. К концу первого десятилетия XXI в. компания *Embraer* стала третьим в мире производителем авиатехники, уступая лишь концернам *Boeing* и *Airbus*. По производству биоэтанола из сахарного тростника, а в последние годы и из водорослей, Бразилия вышла на первое место в мире. Активно развивается нефтепереработка.

Рост и развитие национальной экономики обеспечивается опережающим развитием энергетического комплекса страны. Приватизация как часть экономических

МАМИЙ Ирина Петровна – кандидат экономических наук. (Экономический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова). E-mail: imamij@yandex.ru; E-mail: mamiy@econ.msu.ru

КОЖАНОВА Светлана Анатольевна – проректор по учебной работе НОУ ВПО «Институт моды, дизайна и технологий». E-mail: otche1@list.ru

Ключевые слова: трансформация госсобственности, модернизация, энергетический комплекс, энергетический кризис, аукционы, борьба с голодом, валюта приватизации, потерянное десятилетие, энергетический комплекс Бразилии.

реформ и взвешенные политические шаги правительства обеспечили подъем и модернизацию экономики. «Бразилия, которую еще недавно называли “спящим гигантом”, “проснулась” в экономическом и геополитическом смысле»¹.

Потерянное десятилетие

В период с 1964 по 1985 г. правительство «генералов», управлявшее страной, проводило политику ускоренной индустриализации, диверсификации экономики и развития импортозамещающих производств. Была принята государственная программа строительства Великой Бразилии к 2000 г.

«Парадоксальным образом деятельность бразильских генералов-антикоммунистов была зеркальным отражением того, что в этот период происходило в СССР. И в Бразилии, и у нас в стране вкладывали деньги в суперпроекты, такие как строительство огромных металлургических, целлюлозно-бумажных предприятий, оборонных объектов, атомных подводных лодок, баллистических ракет. В СССР был БАМ, в Бразилии – трансамазонское шоссе»².

Поскольку широкомасштабные капиталоемкие проекты требовали крупных долгосрочных инвестиций, источника которых в стране не было, правительство привлекало дешевые кредитные ресурсы международных финансовых организаций. Предполагалось, что совокупный эффект развития импортозамещающих производств приведет к расширению экспорта и росту объема внешней торговли в целом. В свою очередь, средства, полученные от экспорта, планировалось направлять на обслуживание и погашение внешнего долга.

Однако вследствие общемировых кризисных явлений начала 70-х годов экономическое положение Бразилии резко ухудшилось. Для предотвращения банкротства государственных предприятий, на долю которых приходилась значительная часть внешних за-

имствований, правительство взяло на себя их долги. В результате вследствие существенного повышения процентных ставок зарубежными кредиторами государственный долг Бразилии увеличился. Выросли затраты и на его обслуживание.

За 7 лет – с 1973 г. до 1982 г. – внешний долг страны вырос в 9 раз – с 10 млрд. долл. в 1973 г. до 90 млрд. долл. в 1982 г.

Нефтяное эмбарго, введенное правительствами арабских стран экспортёров нефти в 1973 г., привело к резкому повышению цен на «черное золото». Всего за месяц цены на нефть выросли на 300%, с 3 до 12 долл. за баррель. Бразилия, импортировавшая 80% потребляемой нефти, оказалась перед угрозой дефолта. Более того из-за стихийных бедствий урожай кофе – основной сельскохозяйственный продукт экспорта Бразилии, сократился в три раза. Одновременно снизились общемировые цены на сахар. За счет падения объемов товаров, импортируемых из Бразилии на международный рынок, произошло значительное снижение экспортных доходов в целом.

Начало 80-х годов ознаменовалось для Бразилии самым глубоким со временем 30-х годов экономическим кризисом, продолжавшимся с 1981 по 1983 г.

Кризис сопровождался абсолютным сокращением ВВП на 4,4% в 1981 г. и на 3,5% в 1983 г.

Правительство Жозе Сарнея, пришедшее к власти в 1985 г., заявило о намерении решить вопросы внешней задолженности, инфляции и накопившихся социальных проблем. Были

предприняты усилия по стабилизации цен, стимулированию экономического роста, реализации мер по созданию новых рабочих мест. На основе «социального пакта», заключенного между трудающимися, предпринимателями и властями, началось осуществление планов по борьбе с голодом, развитию отсталых районов, улучшению системы здравоохранения.

К этому времени на долю 2,6% крупных землевладельцев приходилось 286 млн. га сельскохозяйственных угодий. Большинство населения сельской местности собственной земли не имело. Проект аграрной реформы Жозе Сарнера предусматривал наделение землей 7 млн. семей в течение 15 лет. Однако эта реформа практически провалилась из-за серьезного противодействия латифундистов и экономической несостоятельности новых фермерских хозяйств – до конца 1987 г. землю получили лишь 30 тыс. семей. Количество безработных в сельских районах возрастило. Началась большая миграция неквалифицированных кадров в крупные города. Быстрая урбанизация сопровождалась разрастанием кварталов нищеты. Резко увеличилась преступность.

В Сан-Пауло, крупнейшем мегаполисе страны, смертность от убийств за 7 лет: с 1980 по 1987 гг. выросла почти в 2,5 раза: с 17,3 до 41,9 на 100 тыс. населения.

В феврале 1986 г. началось осуществление плана экономической стабилизации «Крузадо», согласно которому

был введен фиксированный валютный курс и утверждена новая денежная единица – крузадо, равная 1000 прежних крузейро. Одновременно было принято решение заморозить цены на основные потребительские товары. К концу 1986 г. рост заработной платы при сохранении фиксированных цен создал диспропорции между спросом и предложением, вызвав чрезмерное инфляционное давление. Предложенный план не принес ожидаемых результатов.

К 1987 г. внешний долг Бразилии достиг 123 млрд. долл., что составляло 43,8% ВВП. На обслуживание долга уходило 42% от экспортной выручки.

Правительство было вынуждено ввести временный мораторий на выплату процентов по внешней задолженности.

Нараставший дефицит государственного бюджета объективно не позволял реализовывать декларированные правительством социальные программы, которые не имели под собой реального финансирования. К 1987 г. треть населения Бразилии, то есть около 45 млн. чел., находилось за чертой бедности. В связи со сложившейся экономической ситуацией в стране росло недовольство трудящихся. Проводились многочисленные национальные забастовки, в которых участвовало более 9 млн. чел.

Этот период вошел в историю экономического развития Бразилии как «потерянное десятилетие».

Начало экономических реформ

В 1987 г. правительство подготовило проект новой Конституции Бразилии. Впервые в истории страны в обсуждении основного закона страны приняла большая часть населения. Новая Конституция была провозглашена 5 октября 1988 г. Впервые в мировой практике в Основном Законе был зак-

реплен термин «Хабеас дата» – новейший из юридических инструментов защиты личных прав и свобод граждан в конституционном праве ряда стран³.

Конституция установила, что экономический порядок в стране основан на труде и свободной инициативе, его цель – обеспечить всем достойное су-

ществование в соответствии с «социальной справедливостью».

Экономический строй Бразилии опирается на суверенитет государства, частную собственность и ее социальную функцию, свободную конкуренцию, защиту прав потребителей, защиту среды обитания, поиск путей полной занятости и др.

В Конституции говорится о перспективном (многолетнем) планировании.

Государству отводится роль регулятора и гаранта интересов национальной безопасности и соблюдения прав граждан.

Таким образом, в новой Конституции был заложен основной вектор экономических реформ. Неотъемлемой частью реформ стала приватизация государственной собственности, начатая правительством Фернандо Коллора ди Меллу. Национальная программа разгосударствления (НПР) была законодательно утверждена в 1990 г.

В программе были определены основные цели приватизации:

- уменьшение финансового дисбаланса в государственном секторе за счет привлечения дополнительных ресурсов для снижения внутреннего долга государственных предприятий;
- сокращение участия государства в производстве и распределении продукции предприятий при сохранении функции регулятора;
- повышение эффективности государственных предприятий и снижение государственных издержек по их управлению;
- привлечение частных инвестиций для модернизации и использования новых технологий в промышленности и сельском хозяйстве.
- основные усилия федерального правительства должны быть направлены на проведение социальных про-

грамм (здравье, образование), развитие науки и культуры, поддержание общественной безопасности и др.

Национальная программа приватизации (с последующими поправками) предполагала использование следующих методов разгосударствления:

- продажа акций частным инвесторам;
- публичные размещения ценных бумаг;
- сокращение доли государства в акционерном капитале предприятий за счет предоставления существующим акционерам преимущественного права покупки акций дополнительной эмиссии;
- передача в аренду имущества компаний;
- продажа активов государственных предприятий на аукционах;
- предоставление на конкурсной основе концессий на управление объектами электрификации, водоснабжения и иными объектами федеральной и муниципальной собственности.

При проведении приватизации вводились следующие ограничения:

- при продаже акций прибыльных предприятий у государства сохранялись пакеты привилегированных акций, для получения доходов от повышения капитализации частного предприятия;
- обеспечения участия в приватизации зарубежного капитала, избегая создания олигополий и монополий в секторах с высокой степенью концентрации капитала.

Способ приватизации рекомендует Национальный банк, а решение о проведении приватизации государственных компаний принимает президент Республики совместно с Приватизационным советом. Непосредственно процессом разгосударствления всех предприятий, подлежащих приватизации,

управляет Национальный банк экономического и социального развития (*BNDES*). Он нанимает профессиональных консультантов, которые готовят экспертные заключения.

Далее Национальный банк направляет свои окончательные рекомендации о способе приватизации и структуре приватизационной сделки в Наблюдательный комитет при Приватизационном Совете, который принимает окончательное решение о способе при-

ватизации компании, об инвестиционных условиях, устанавливает сроки и иные условия продажи. Без его согласия нельзя осуществлять реорганизацию или ликвидацию приватизируемого предприятия. Президент Бразилии наделяется полномочиями по выбору способа оплаты акций приватизируемых предприятий. На начальном этапе приватизации разрешалось производить расчеты государственными облигациями.

Первый этап приватизации. 1990–1994 годы

На первом этапе приватизации, вплоть до 1996 г., в процессе разгосударствления законодательно ограничивалось участие иностранных инвесторов, их доля в приватизируемых компаниях не должна была превышать 40%.

Стратегия, принятая бразильским правительством, предусматривала ком-

плексный подход при приватизации предприятий различных секторов промышленности. Приватизация началась с продажи акций предприятий металлургии, нефтехимии и производства минеральных удобрений.

Поступления средств от приватизации федеральных предприятий отражены в табл. 1.

Таблица 2

Приватизация федеральных предприятий по секторам промышленности. 1990–1994 годы

млн. долл.

Сектора	Компании, ед.	Доходы от продаж	Оплата долговыми обязательствами	Сумма доходов
Металлургия	8	2625	5562	8187
Нефтехимия	15	296	1882	2178
Минеральные удобрения	5	75	418	493
Остальные	4	269	746	1015
Всего	32	3265	8608	11873

Источник: Federal Privatization Office // www.bnDES.gov.br privatiz@bnDES.gov.

Наиболее высокую оценку получили предприятия металлургической отрасли. Доля от продажи 8 компаний составила 69% от общей суммы полу-

ченных доходов. В то время как доля от продажи 15 компаний нефтехимической промышленности составила только 18,3%.

На первом этапе законодательно ограничивалась приватизация всех предприятий стратегических отраслей. Нефтяная, газовая и электроэнергетическая отрасли находились под полным контролем государства.

Особенностью первого этапа бразильской приватизации заключалась в том, что была законодательно установлена возможность оплачивать акции не только наличными деньгами, но и применять иные формы расчетов, например, оплату акций государственными долговыми обязательствами.

Федеральные долговые ценные бумаги, называемые «валютой приватизации», часто использовались в качестве средства платежа в связи с учетом приоритетов, установленных правительством для пополнения дефицита бюджета.

В тот период оплата «валютой приватизации» составила более 72,4% от выручки, полученной от продажи приватизируемых компаний. При этом доля наличных денег в общем объеме продаж была невелика, что было препятствием для активного участия в процессе иностранных инвесторов.

На первом этапе приватизации доля иностранных инвесторов составила всего 5% (рис. 1).

Основными инвесторами на первом этапе приватизации стали отечественные компании, доля которых составила в общем объеме продаж – 36%, финансовые институты, в их числе инвестиционные фонды – 25%.

На первом этапе приватизации доля частных инвесторов составила 20%, национальных пенсионных фондов – 14%.

Рис. 1. Распределение активов приватизированных предприятий между инвесторами 1990–1994 гг.

Источник: Federal Privatization Office //www.bndes.gov.br privatiz@bndes.gov

Второй этап приватизации. 1995–2002 годы

В 1995 г., с приходом Фернандо Энрике Кардоzo начался второй так называемый активный этап приватизации. Программа приватизации была расширена за счет сферы услуг в финансовом секторе, на предприятиях инфраструктуры и ЖКХ, включая дорож-

ное хозяйство, транспорт, электро- и газоснабжение. В это же время началась также программа приватизации предприятий, находящихся под управлением отдельных штатов, включая водо-, газо- и электроснабжение, часть дорожной сети и железных дорог.

Были приватизированы почти все государственные банки, находившиеся не в федеральной собственности, а в собственности отдельных штатов.

Программа приватизации сектора телекоммуникационных услуг регламентировалась отдельным законом, принятым в июле 1997 г., и была реализована год спустя. Наряду с федеральной программой приватизации и программой приватизации на уровне штатов приватизация данного сектора услуг была выделена в отдельную программу.

На втором этапе приватизации наблюдалось уменьшение использования «валюты приватизации», и преобладание в расчетах наличной валюты, доля которой составила 95% от общего объема доходов полученных на аукционах.

Общая выручка от приватизации за этот период составила более 78 млрд. долл., что в 6,5 раз больше, чем на первом этапе приватизации.

Снятие ограничений на участие иностранных инвесторов и возможность расплачиваться наличной валютой значительно расширило рамки для привлечения иностранного капитала. Начиная с 1995 г. вносились изменения в законодательство, регулирующее режим частных и иностранных инвестиций. В некоторых отраслях, куда ранее допускались только резиденты, такие как нефтяная промышленность, электроэнергетика, транспорт, телекоммуникации возможности участия в приватизации резидентов и нерезидентов были уравнены.

Объем иностранных инвестиций на данном этапе приватизации достиг уже 53% от общего объема полученных средств от приватизации (рис. 2).

По сравнению с первым этапом приватизации, доля иностранных инвесторов в активах увеличилась на 48 процентных пунктов, а доля отечественных финансовых институтов сократилась на 18 процентных пункта.

Рис. 2. Распределение активов приватизированных предприятий между инвесторами 1995–2002 гг.

Источник: Federal Privatization Office // www.bnDES.gov.br privatiz@bnDES.gov

В отличие от первого этапа приватизации, на котором оплата реальными деньгами составляла 11% от общей суммы доходов, на втором этапе эта доля составила уже 95%.

Как правило, приватизация осуществлялась в виде продаж акций на аукционе при свободном доступе любых инвесторов, включая нерезидентов. Таким образом, было приватизировано

91% от общего числа предприятий. Незначительная доля акций, около 4% распространялась среди работников предприятий, 5% акций реализовывалось в рамках открытых публичных продаж. Преобладание аукционных продаж способствовало концентрации контрольных пакетов акций в руках крупных инвесторов, что в дальнейшем облегчало управление собственностью.

Крупнейшей приватизационной сделкой 1997 г. в Бразилии была сделка по продаже контрольного пакета акций бразильской горнорудной компанией *Vale do Rio Doce* – одного из крупнейших в мире производителей и экспортеров железной руды.

Акции были проданы на сумму около 3,2 млрд. долл. Половина средств была направлена правительством на покрытие внутреннего долга, другая половина предназначалась для финансирования развития производственного сектора, проектов модернизации экономической инфраструктуры и программ повышения промышленной конкурентоспособности.

Реформирование энергетического комплекса

Первые государственные предприятия электроэнергетики были выставлены на продажу в 1995 г. На федеральном уровне процесс приватизации электроэнергетической отрасли начался с продажи трех основных энергетических компаний:

– *ESCELSA*, компания, которая генерирует, передает и реализует электроэнергию;

– *Gerasul*, государственная компания, специализирующаяся на генерации и передаче электроэнергии;

– *Eletrosul* – компания, которая специализируется на передаче электроэнергии.

Совокупный доход, полученный от приватизации трех компаний, составил около 4 млрд. долл.

Вместе с предприятием новым собственникам перешло около 4,1 млрд. долл. США задолженности компании.

Покупка была сделана Консорциумом *Brazil*, лидером которого является Национальная металлургическая компания (НМК), в нее также входили пенсионные фонды и национальные и международные группы.

Другой крупнейшей приватизационной сделкой 1998 г., стала приватизация государственного монополиста в области телекоммуникаций компании *Telebras*.

Выручка правительства от продажи акций составила 19 млрд. долл. – на 5 млрд. больше, чем планировалось изначально.

В аукционе принимали участие компании из Испании, Португалии, Италии, США и Канады.

Наибольшую долю акций компании *Telebras* получили испанская *Telefonica*, американская *MCI*, португальская *Portugal Telecom* и итальянская *Telecom Italia*. Приватизация *Telebras*, которая является 15-ой по величине в мире и первой в Латинской Америке телекоммуникационной компанией, стала одной из крупнейших приватизационных сделок в телекоммуникационном секторе в мире.

На втором этапе приватизации в энергетическом комплексе были приватизированы 20 государственных компаний, из которых 3 были генерирующими и 17 – распределительными.

Доля отечественных компаний в приватизации энергетического сектора составила 51%.

На долю компаний из США пришлось 26% приватизированных предприятий.

В приватизации участвовали также компании из Испании, Португалии, Чили, Бельгии и Франции, на долю которых пришлось около 22% от общего объема размещения акций.

Правительство Бразилии осуществило амбициозную программу по уменьшению зависимости страны от импорта нефти.

Если в середине 80-х импорт покрывал более 70% потребностей страны в «черном золоте», то к 2004 г. – не более 20%.

Достижению этой цели способствовала либерализация отрасли и выход на нефтяной рынок представителей частной инициативы; привлечение новых инвестиций совместно с *Petrobras*, крупнейшей нефтяной компанией Бразилии. В рамках независимых инвестиционных проектов началась эксплуатация гигантского месторождения Басия дос Кампос в штате Рио-де-Жанейро, чья оценочная мощность составляет 1,3 млрд. баррелей нефти.

В сложившейся обстановке в 1997 г. в Бразилии был принят закон, открывающий доступ в нефтяную отрасль бразильским и зарубежным частным предприятиям. В развитие этой инициативы в 1999 г. Национальное нефтяное агентство Бразилии, которое регулирует деятельность в этой отрасли экономики, выставило на торги кон-

цессии на право эксплуатации нефтяных месторождений. В том же году стало известно об открытии еще одного месторождения нефти в Басия дос Сантос.

По оценкам специалистов, мощность этого месторождения составляет 600–700 млн. баррелей нефти.

В рамках НПР было проведено два глобальных публичных размещения акций *Petrobras*. Первое размещение акций состоялось в августе 2000 г. Тогда был продан контрольный пакет акций правительства в *Petrobras*. При первом размещении акций было продано более 179 млн. акций. Более 60% акций было куплено международными инвесторами. Второе размещение акций проходило в июле 2001 г. и составило 41 млн. привилегированных акций, 81% которых были размещены за рубежом.

В приведенной табл. 2 представлены результаты публичного размещения акций компании *Petrobras*.

Таблица 2

Размещение акций компании *Petrobras*

млн. долл.

Тип публичного размещения	Размещение				Общий объем продаж	
	Первое – 2000 г.		Второе – 2001 г.			
	Количество акций, млн. шт.	Объем продаж	Количество привилегированных акций, млн. шт.	Объем продаж		
Бразильским инвесторам	71,294	1431,7	8,000	157,4	1589,1	
Международным инвесторам	108,346	2600,3	33,383	650,9	3251,2	
Всего	179,640	4032,0	41,383	808,3	4840,3	

Источник: Federal Privatization Office // www.bnDES.gov.br privatiz@bnDES.gov

По итогам размещения акций *Petrobras* в 2000 и 2001 гг. правительством было получено более 4,8 млрд. долл.

Среди иностранных инвесторов было размещено более 108 млн. штук обыкновенных и более 33 млн. штук привилегированных акций.

Среди отечественных было размещено более 71 млн. штук обыкновенных и 8 млн. привилегированных акций.

По общему объему продаж доля иностранных инвесторов составила 67,2%, а доля отечественных – 32,8%.

В топливно-энергетической сфере Бразилия стала проводить независимую политику.

Трансконтинентальные компании, такие как *Chevron*, *Total* и *BP*, готовившиеся осваивать новые месторождения нефти и газа в стране, получили отказ правительства. Был принят закон, согласно которому компания *Petrobras* получила эксклюзивное право на разработку всех шельфовых месторождений Бразилии.

Порядок и прогресс

В период с 1991 по 2001 гг., бразильское правительство передало частному сектору управление более чем 120 государственными предприятиями.

Приватизация принесла государству 87,5 млрд. долл. в виде чистых денежных доходов, а также 18,1 млрд. долл. в виде передачи государственных долговых обязательств. По доходу от приватизации бразильская программа приватизации – одна из крупнейших программ приватизации в мире.

С 2003 г. по настоящее время приватизация продолжается, но не такими высокими темпами. Правительство Лула да Силва продолжает взвешенную социально-ориентированную по-

литику. Проводится широкомасштабная государственная программа «Нет голоду!» В рамках этой программы решается одна из основных социальных проблем – борьба с нищетой. Борьба с голодом была вписана в общую политику по обеспечению национальной безопасности и рассматривается как необходимый инструмент продвижения страны по пути экономического и социального прогресса.

«Вы самый популярный президент в мире», – с такими словами обратился Б.Обама к Луле. В 2010 г. Лула да Сильва вошел в сотню самых популярных мировых деятелей, по версии американского журнала *Time*.

Сегодняшние успехи Бразилии – результат последовательной и взвешенной социально-ориентированной политики государства. Стержнем экономической трансформации стала приватизация большинства низкоэффективных государственных предприятий и дальнейшая трансформация экономической системы с учетом социальных интересов всех слоев общества.

Примечания

¹ Яковлев П. http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/brazilija_postup_yoskhodashhego_giganta_2010-04-15.htm

² Louise Fox Samuel A. Morley. Who Paid the Bill? Adjustment and Poverty in Brazil // Background Paper for the 1990 World Development Report, April 1991, WPS 648

³ Сухарев А. Энциклопедический словарь экономики и права. М., 2005. С. 324.

* «Порядок и прогресс» – девиз на национальном флаге Бразилии.

Исторический реализм Фукидида о проблеме войны

Вклад Фукидида в теорию международных отношений

Павел Цыганков

Не будет преувеличением сказать, что центральным вопросом как теории, так и практики международных отношений и всего мирового развития является вопрос о войне и мире.

Этот вопрос по праву занимает важнейшее место в мировой политике, находится в центре внимания руководителей государств, международных институтов, СМИ и мирового общественного мнения.

С глубокой древности величайшие умы человечества пытаются постигнуть и преодолеть причины ненависти, доводящей людей до взаимного уничтожения и разрушения плодов цивилизации. При этом свойственная войнам иллюзия ясности всегда оставалась обманчивой, поскольку они постоянно меняли свой облик, а множественность их причин не оставляла возможности для исчерпывающего понимания их сути и, следовательно, путей достижения «вечного мира».

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века получают распространение взгляды, согласно которым в международной политике происходят

коренные изменения сущностного характера.

Во-первых, с преодолением биполярного противостояния появилось

ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич – доктор философских наук, профессор факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: tsyganpk@mail.ru

Ключевые слова: Фукидид, исторический реализм, причины войны, природа человека, теории международных отношений, мировая политика.

убеждение, что борьба за власть на международной арене утрачивает свою актуальность. Военное могущество теряет эффективность и поэтому становится все менее применимым. Уходят в прошлое такие причины войны, как унаследованные из Вестфальской международной системы попытки «революционных» государств изменить имеющееся соотношение сил, или же наоборот, стремления «консервативных» держав сохранить его, противодействуя подобным попыткам¹.

Во-вторых, распад Советского Союза создал впечатление, что война «ушла» из мировой политики и наступила эра мира, знаменующая собой «конец истории» как всеобщее согласие всех стран и народов с западными идеалами либеральной демократии и индивидуальных свобод. Когда же, спустя совсем немного времени, стало фактом увеличение числа вооруженных конфликтов с участием негосударственных акторов, возникло ощущение, что «вернувшаяся» война настолько мало похожа на ее известные и привычные виды (такие, как борьба государств за колониальное господство, завоевание территорий, порабощение народов, обложение их данью и т.п.), что «традиционные» войны между государствами нужно считать исчезающими с поля международной политики².

Наконец, *в-третьих*, возросшая с окончанием холодной войны взаимозависимость усилила взаимопроникновение внутренней и внешней политики, что стало трактоваться как неодолимая тенденция к стиранию всяких различий между ними.

Однако уже первое десятилетие XXI в. показало, что в обозримом будущем человечество не ожидают ни радикально более мирные, ни тем более «безгосударственные» международные отношения. Вторжение новых акторов в мировую политику не стало началом

вытеснения государства на второстепенные позиции. Крупнейшие события международной жизни (военная агрессия США против Ирака, напряженность между Северной и Южной Кореей, территориальный спор Индии и Пакистана по поводу штата Джамму и Кашмир, наконец, Пятидневная война на Кавказе в августе 2008 г.) свидетельствуют о том, что традиционно присущие государствам материальные (военное могущество, равновесие сил, экономический рост) и нематериальные (соображения престижа, страха, идентичности) интересы продолжают оставаться в числе основных движущих сил международных отношений.

С другой стороны, транснациональный терроризм, пиратство, столкновения на этнополитической почве, ценностные противоречия, «немеждународные конфликты низкой интенсивности» и, конечно, так называемые асимметричные конфликты оказываются связанными, пусть не всегда видимыми и явными, но от этого не менее прочными и долговременными нитями либо с внешнеполитическими устремлениями, либо с внутренним состоянием тех или иных стран, либо с тем и другим одновременно. Приватизация войн отражает слабость «несостоявшегося» или «падающего» государства, неспособного контролировать собственную территорию и преодолеть внутренние распри, а международный терроризм и «асимметричные войны» используются великими державами в борьбе за региональное, либо мировое политическое лидерство.

Возрастающее в условиях взаимозависимости мирового развития сближение внутренней и внешней политики не ведет к исчезновению различий между ними и не обещает окончательного вытеснения межгосударственных войн из практики международных взаимодействий.

Как справедливо писал Р.Арон: «До тех пор, пока человечество не объединится во всемирное государство, будет сохраняться существенная разница между внутренней и внешней политикой. ... Искусство политики учит людей жить в мире внутри сообществ и учит сообщества жить либо в мире, либо ведя войну»³.

Вот почему нас и сегодня интересует то, что писали о войне и мире величайшие умы политической мысли прошлого, в том числе (а в каком-то смысле, прежде всего) Фукидид. Как справедливо подчеркивает Д.Батистелла, подобно тому, как вся последующая философия представляет собой бесконечный диалог с Платоном, так и теория международных отношений – это вечный диалог с Фукидидом⁴.

Действительно, древнегреческий историк одним из первых (по крайней мере, в истории западной международно-политической мысли) сформулировал целый ряд важнейших положений, которые заложили основы дальнейшего развития теории международных отношений.

Именно в этом своем качестве он интересен и в наши дни.

В более узком смысле Фукидид стал основоположником одного из наиболее влиятельных течений в теории международных отношений – исторического реализма*.

Дав подробный анализ Пелопонесской войны, он «изложил распри и причины, вследствие которых мир был нарушен» (I, 23, 4)**, исследовал мно-

гочисленные поводы крупнейшего вооруженного конфликта своего времени, заложив тем самым основы одной из ведущих традиций последующего изучения не только самого феномена войны, но и международной политики в целом.

Достоинством его исследования стало неуклонное стремление к объективности и точности, упорный поиск истины. Описывая факты и раскрывая глубинные причины событий, он отклонял все, что связано с предположениями, мифами и слухами, полагаясь на собственные наблюдения, достоверные свидетельства и документы (I, 20, 21, 22; V, 26).

Такой подход позволил ему поставить фактически все основные вопросы, касающиеся теории международных отношений, которая сформировалась в относительно самостоятельную дисциплину лишь в начале XX в. В числе прочих это и вопрос о самой сути международных отношений, как сфере непредопределенных обстоятельств и борьбы интересов, где безопасность обеспечивается военной мощью и где господствует сильнейший.

Фукидид подчеркивает, что на момент начала описываемой им войны Афины и Спарта находились на вершине своего могущества и процветания, могли торговать и сотрудничать к взаимной пользе. Вместо этого они втягиваются в вооруженное противоборство, в которое включаются и все остальные греческие города, выступая на одной или на другой стороне. Война охватила также часть варварских нар-

* В ХХ в. представителями этого течения стали Э.Карр, Дж.Кеннан, Г.Моргентай, Р.Арон, Г.Киссинджер и др. известные ученые. В более узком смысле это течение называют еще эмпирическим реализмом⁴.

** Здесь и далее ссылки на «Историю Пелопонесской войны»⁵ Фукидода приводятся в соответствии с нормами, отвечающими правилам пагинации текста, независимо от времени и места его изданий.

дов. Ее протяженность во времени, масштабы человеческих жертв и катастроф, превзошли все войны, которые велись до того дня*.

Задавшись вопросом о причинах такого развития событий, Фукидид детально проанализировал поводы войны – конфликты между Коринфом и Мегарой из-за Керкиры, Эпидамна и Халкидики. Последовательно, хронологически точно изложив события войны, он приходит к следующему выводу: «Лакедемоняне признали нарушение мира и необходимость войны не столько под влиянием речей союзников, сколько из страха перед афинянами, как бы могущество их не возросло: они видели, что уже большая часть Эллады находится в подчинении у них» (I, 88). Поэтому, подчеркивается в его «Истории Пелопонесской войны», «истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасения лакедемонянам и тем вынудили их начать войну» (I, 23, 5).

Речь идет о том, что своим возвышением, ростом военного могущества, привлечением (в том числе и насилиственным) к союзничеству с собой более мелких городов-государств, Афины разрушают существовавший до этого баланс сил. Эта экспансия Афин вызывает столь же естественное стремление Спарты сохранить сферу своего влияния. В результате оба полиса втягиваются в «конфликтный цикл», который в конечном итоге и привел их к войне.

В наши дни биполярное противостояние двух сверхдержав балансирующее на грани термоядерной

войны, уже в прошлом. Существуют бесспорные ограничения для использования силы и единственной военной сверхдержавы: это наличие международных институтов, это мировое общественное мнение, это чреватая падением собственного престижа невозможность сокрытия военных преступлений от других стран и народов (при всей относительности каждого из указанных факторов), это, наконец, и самое главное, наличие ядерного оружия у других государств.

Выявился и целый ряд новых количественных и качественных тенденций в эволюции вооруженных конфликтов:

- снижение числа «больших» войн (происходящих между великими державами);
- уменьшение случаев вооруженных конфликтов за завоевание территорий;
- фактическое исчезновение войн, направленных на покорение народов;
- выдавливание войн на «периферию» и «полупериферию» мировой политической системы.

Бесспорно и то, что происходит смена типа войн: ядерная революция меняет их содержание, делая войну «до победного конца», до полного уничтожения противника практически невозможной.

На этой основе многие представители либеральных взглядов, ссылаясь на технологические, экономические, стратегические, юридические и политические факторы⁷, считают, что межгосударственные войны не только преодолимы, но и фактически, во многом уже преодолены.

С этой точки зрения, в технологической области, речь идет о достижении странами Запада в целом и США,

* Определенное представление о масштабах войны дает уже то, что она длилась 27 лет, а также то, что по некоторым, весьма приблизительным подсчетам число жителей только на территории, подвластной одной из сторон этой войны – Афинам, доходило до 10–15 млн. чел.

в частности, такого превосходства в военном потенциале над всем остальным миром, который отбивает охоту к агрессии у любого возможного противника.

Взаимозависимость, с одной стороны, а с другой – дороговизна современных вооружений лежат в основе экономических условий продвижения «к вечному миру».

В стратегическом плане в постбиполярном мире ни одной стране, которая хотела бы развязать войну, не гарантирована автоматическая поддержка со стороны великой державы, без союзников же любая такая попытка рискует потерпеть провал, тем более что ни одно государство в мире, включая США, не обладает полной автономией в области производства и технического обслуживания новейших видов вооружений.

В правовом отношении война во всех случаях, кроме легитимной обороны против агрессора, является незаконной. Поэтому сегодня, при всем несовершенстве международно-правовых механизмов, давление со стороны общества наций, бесспорно, оказывает огромное влияние на поведение государств.

Наконец, политическим ограничителем межгосударственных войн является распространение демократических режимов в мире после падения СССР.

Очевидно, что каждый из приведенных аргументов уязвим.

Так, военно-техническое превосходство США и НАТО в Афганистане пока не приносит ощутимых результатов в борьбе против нового, остающегося неуловимым противника, ведущего диверсионно-террористическую войну. Более того, по существу оно отнюдь не является фактором мира. Явно смещенный баланс сил и вытекающая из этого неуравновешенность США по-

рождает у них ощущение неуязвимости, соблазняя на военные авантюры в отношении других государств. США стоят теперь перед лицом мира, как когда-то Афины перед Митиленой⁸: «Что касается божьей милости, у нас нет причин беспокоиться. Мы не будем повержены» (Фукидид, V, 105).

Не менее спорным является «экономический» аргумент. Сегодня уже ясно, что глобализация углубляет разрыв между развитыми и отсталыми странами. Взаимозависимость растет, но она носит асимметричный характер.

Как отметил Дж.Най, «11 сентября драматически продемонстрировало, как ужасающие условия в бедных, слабых странах на другом конце света могут вызвать страшные последствия для США»⁹.

Иначе говоря, особенности экономических процессов современного мира – причина не отмирания, а возрождения войн.

«Стратегический» аргумент уязвим по той же причине, что и «технологический»: «нерациональность» агрессии не остановила Саакашвили от вооруженного вторжения в Южную Осетию, а поддержка со стороны могущественного союзника не спасла грузинские войска от разгрома.

Что касается международного права, то оно всегда было и остается в наши дни фиксацией имеющегося в данный момент соотношения сил на международной арене¹⁰. Не случайно его слабая роль как фактора, удерживающего от военного нападения, со всей очевидностью проявилась в НАТОвских бомбардировках Югославии (1999 г.), как и в вооруженной интервенции США в Ирак.

Поэтому и сегодня актуален вывод Фукидода, согласно которому «Право имеет решающее значение только при равенстве сил на обеих сторонах; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает» (V, 89).

По меньшей мере, предметом дискуссий является и «решающий» аргумент в пользу отмирания войн – политический. Суть этого аргумента в том, что чем больше демократий в мире, тем меньше вероятность межгосударственных вооруженных конфликтов.

Однако, как пишет Ж.Аттали: «некоторые нации могут перестать быть демократиями, чтобы развязать войну»¹¹.

В свою очередь, Г.Саламе отмечает, что «все зависит от качества демократий»: некоторые из них (например, Израиль развязывал войны в 1967 г. и в 1982 г.) не были в полном смысле оборонительными¹².

В таких условиях преодоление (многоуровневых) войн и достижение «вечного мира» – в том числе и посредством повсеместного распространения демократии, представляется достаточно проблематичным.

Следует признать преимущества исторического реализма Фукидода по сравнению не только с различными вариантами либерализма, но также и по сравнению со структурным, наступательным и неоклассическим реализмом. «Научность» этих новейших версий теории политического реализма не только не решила ряда вопросов, которые поставил Фукидид, но и ушла от них.

Критики справедливо указывают на ряд недостатков неореализма Кеннета Уолца по сравнению с классической версией реалистского течения, основные положения которой и были заложены Фукидидом. Так, например, в онтологическом плане наиболее слабым местом неореализма считается чрезмерное упрощение действительной картины международных отношений:

- сведение их к взаимодействию великих держав;
- положения о фактической вечности анархической структуры междуна-

родных отношений и перераспределении властных способностей как их единственно значимом изменении;

– недооценка способности государств инициировать радикальные сдвиги в международной политике;

– наконец, утверждения о большей стабильности bipolarного мира, нежели многополярного, которые рассматриваются как оправдание реалий холодной войны и стремление сохранить их в будущем.

В концептуальном плане спорными считаются положения неореализма:

– о функциональной недифференцированности государств в международной системе;

– о взаимодействии между системой и ее составными частями;

– о роли о возможности абстрагировать международную систему от других сфер, в частности, экономики и культуры;

– о приоритетности вопросов власти и безопасности в ущерб ценностям, верованиям и традициям.

В данной связи сторонниками политического реализма были предприняты попытки создания его новейших версий, которые нашли отражение в появлении таких теорий, как, например:

– теория гегемонической стабильности Р.Гилпина;

– теория баланса угроз С.Уолта;

– теория наступательного реализма Дж.Миршаймера или же теория неоклассического реализма Р.Швеллера, Т.Кристенсена, Ф.Закария и др.

Однако во многих аспектах картина, представленная Фукидидом, выглядит гораздо более многоцветной и объемной, чем у современных представителей политического реализма.

Так, например, античный историк увязывал в единое целое внешне- и внутриполитические причины войны, исследуя все ключевые проблемы афин-

ской и спартанской политики. Он подчеркивал, что война за общегреческую гегемонию обострялась тем, что спартанцы во всех полисах поддерживали аристократов и олигархов, а афиняне оказывали помощь демократическим группам.

Поэтому в составе причин войны сыграло свою роль то, как отмечает Смирнитский: «Власть в обоих полисах заметно пошатнулась, в большей степени это было заметно в Афинах как в полисе демократическом, но и в Спарте ситуация была нестабильной... В случаях некоторой неустойчивости власти, правителям зачастую необходима победоносная война, укреплявшая, в случае победы, их власть. Именно такую войну объявили друг другу Афины и Спарта, утянув за собой участников Пелопоннесской симмакии и архэ соответственно»¹³.

А через две с половиной тысячи лет подобную победу попытался добить режим Саакашвили в вооруженной агрессии против Южной Осетии...

И все же не это стало главной причиной войны. Фукидид и в самом деле отмечал роль внутрипартийной борьбы в углублении уже бушующего конфликта, показывая все ужасы и ожесточения, до которых доходила междуусобная распра: «...Действительно, впоследствии вся Эллада, можно сказать, была потрясена, потому что повсюду происходили раздоры между партиями демократической и олигархической, причем представители первой призывали афинян, представители второй лакедемонян» (III, 82,1).

В то же время историк подчеркивал, что: «В мирное время эти партии не имели бы ни повода, ни подходящих данных призывать тех или других; напротив, во время войны привлечение союзников облегчалось для обеих враждующих сторон, коль скоро та или иная из них желала произвести

какой-либо государственный переворот с целью тем самым причинить вред противникам и извлечь выгоду для себя» (III, 82,1).

И добавлял: «Источник всех этих зол – жажды власти, которой добиваются люди из корысти и любви к почестям... Лица, не принадлежавшие ни к одной партии, истреблялись обеими сторонами...» (III, 82).

В данной связи важно отметить, что наряду с материальными причинами войны (сила, могущество, нарушение баланса власти) Фукидид указывал и на идеальные мотивы и ценности: сопротивления почета, чести, ответственности перед прошлыми и будущими поколениями, стремление к гегемонии или, наоборот – к избавлению от нее (например, 1,144, 3–4).

Вот как объясняли афиняне свое усиление, нарушившее равновесие власти в Элладе: «Мы вынуждены были довести нашу власть до теперешнего состояния прежде всего самим стечением обстоятельств, больше всего из страха перед персами, потом из чувства чести, наконец, ради наших интересов» (1, 75,3).

В другом месте они говорят о влиянии «трех могущественнейших стимулов: чести, страха и выгоды» (I, 76, 1).

Как мы уже видели, Фукидид неоднократно подчеркивает слабую роль права в отношениях между государствами (полисами).

При столкновении права и силы побеждает всегда вторая.

Основой подобного положения вещей является человеческая природа: «Повсюду, где люди имеют силу, – настаивают афиняне, – они властствуют по непрекаемому велению природы. Не мы установили этот закон, не мы первыми применили его; мы получили его готовым и сохраним на будущее время, так как он будет существовать вечно... Учитывая то, что можно предположить о богах, и что мы с уверенностью знаем о людях, и те, и другие подчиняются неизбежно закону природы, который толкает их доминировать над дру-

гими всякий раз, когда они сильнее» (V, 105).

Все это не означает, однако, что древнегреческий историк является апологетом войны, как и того, что он отрицал необходимость соблюдения нравственности в отношениях между государствами.

Фукидид действительно считает, что насилие и война – неизбежные спутники отношений между государствами. В то же время он вполне определенно высказывается о разрушающих для нравственности последствиях войны и предпочтительности мира.

«Во время мира и процветания как государство, так и частные лица в своих поступках руководятся лучшими мотивами потому, что не связаны условиями, лишающими их свободы действий. Напротив, война, учитель насилия, лишив людей привычного жизненного уклада, соответственным образом настраивает помыслы и устремления большинства людей в повседневной жизни» (III, 82).

Вместе с тем, предвосхищая М. Вебера, Фукидид отличал политическую мораль от обыденной.

Критерием первой является умеренность. Конечно, движущей силой всех человеческих действий является интерес, однако человек должен контролировать и умерять свои эгоистические страсти. Именно умеренность представляет собой основное достоинство, которое, по Фукидиду, в сочетании с разумностью, придает моральность политическим действиям.

Поэтому «преуспевает больше всего тот, кто не уступает равному себе, кто хорошо относится к более сильному, кто по отношению к более слабому проявляет умеренность» (V, 11, 4).

Соответственно, «похвалы достойны те люди, которые, по свойству человеческой природы, устремившись к власти над другими, оказываются более справедливыми,

чем могли бы быть по имеющейся в их распоряжении силе» (I, 76, 3).

Стоит отметить, что эти ссылки древнегреческого историка на свойства человеческой природы в анализе причин вооруженных конфликтов иногда трактуются некоторыми специалистами как основание считать его взгляды поверхностными.

Так, например, утверждается, что «Фукидид, умеющий давать глубокие и правильные объяснения конкретных исторических событий, в своих теоретических взглядах на исторический процесс не идет дальше выведения его из «свойств человеческой природы», то есть из психологии...»¹⁴.

С такой интерпретацией трудно согласиться. Фукидид действительно настаивает на неизменных свойствах человеческой природы, в чем, собственно говоря, скорее всего, нет большой ошибки. Во всяком случае, пока еще не доказано обратное. Еще важнее то, что в своем фактическом объяснении «истинных причин войны, а не поводов к ней» он идет значит дальше психологии. По существу, как было показано выше, говоря о нарушении баланса сил, как о главной причине Пелопонесской войны, он выходит за рамки психологии, подчеркивая, системный характер «поводов к ней» и предвосхища в этом многих современных исследователей.

Существуют и такие интерпретации трактовки Фукидидом причин войны, которые носят выраженный идеологический характер. Заявляя, что по Фукидиду войны начинаются из-за субъективно воспринимаемых обид, некоторые комментаторы делают на этом основании вывод о том, что основной причиной Пелопонесской войны стала наряду со страхом, еще и зависть Спарты перед гегемонией Афин

как лидера политической, культурной и экономической древнегреческой демократии. Поэтому для того, чтобы одержать победу, афинская армия, якобы «должна была разгромить в решающей битве войска противника, штурмом взять Спарту и освободить рабов»¹⁵.

Надо ли говорить о том, насколько далека подобная интерпретация как от действительности афинской демократии, так и от анализа Фукидиды?

Как справедливо отмечает Д.В.Храмцев, если Спарта была одним из наиболее консервативных и политически отсталых греческих полисов, то и афинская политическая система, сложившаяся в результате демократических реформ Солона, Клисфена и Перикла, самая передовая для Греции того времени, была демократией для меньшинства населения. Из нее были исключены не только рабы, не имевшие даже элементарных человеческих прав, но и метеки*, даже если они жили в Аттике на протяжении нескольких поколений¹⁶.

Другие специалисты с неменьшим основанием подчеркивают, что внешняя политика Афин при Перикле, который выражал интересы рабовладельческой демократии, была политикой захватов и находилась в теснейшей связи с развитием греческого рабовладельческого способа производства в целом и с развитием афинского государства в частности¹⁷. Поэтому, конечно, ни о каком освобождении рабов Афины не помышляли.

Афинскую демократию не стоит идеализировать, поскольку она представляла собой не простое управление подчиненными ей полисами, а империю, которая являлась, по выражению

Перикла, не чем иным, как «тиранней»¹⁶. Не случайно и сам Фукидид, беспристрастность которого не исключала его демократических предпочтений и восхищения Периклом, не одобряет сторонников последнего – демагогов, как и радикальной демократии, которой тот придерживался.

Выше уже отмечалось, что, будучи далеким от идеологических иллюзий, Фукидид описывал как в ходе войны в городах «вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главари олигархов – лакедемонян» и такой «междоусобной борьбой были охвачены теперь все города Эллады» (III, 81).

При этом «... демократы принялись убивать в городе тех из своих противников, кого удалось отыскать ... В течении семи дней ... демократы продолжали избиение тех сограждан, которых они считали врагами, обвиняя их в покушении на демократию, в действительности же некоторые были убиты из личной вражды, а иные – даже своими должниками из-за денег, данных ими в долг» (III, 81, 2–4).

Разумеется, было бы, по меньшей мере, наивно считать, что Фукидид оставил нам в наследство исчерпывающее объяснение причин вооруженных конфликтов. Но можно с полным основанием утверждать, что их осмысление, безусловно, облегчается благодаря тому вкладу, которое великий древнегреческий историк внес в такое осмысление.

Оценивая этот вклад из XXI в., можно с уверенностью утверждать, что при всех достаточно значительных изменениях, которые произошли и продолжают происходить в картине международных отношений, она сохраняет и определенную преемственность с точки зрения содержания основных проблем.

* Метеки – в древней Греции чужеземцы, а также рабы, отпущенные на волю, лично свободные, но они не имели политических прав.

Возникшие за последние десятилетия многочисленные транснациональные акторы при всем росте их влияния остаются второстепенными по сравнению с государствами игроками на международной сцене. Государства не исчезают, наоборот наблюдается тенденция к росту их числа и значения в мировых делах, что убедительно подтверждается в условиях нынешнего финансового и экономического кризиса. Суверенитет не отмирает, изменяется только его структура (комбинация легального, вестфальского, внутреннего и взаимозависимого суверенитетов).

Главные проблемы, составляющие предметное поле теории международных отношений, остаются вполне актуальными: это их природа, вопросы безопасности, конфликты, стратегии, соотношение сил... Все это – проблемы межгосударственных взаимодействий, хотя, разумеется, по мере углубления процессов глобализации, их содержание во многом меняется. Изменяется и характер угроз, среди которых все большее значение приобретают транснациональный терроризм и распространение ОМУ. Новые элементы возникают в структуре силового потенциала. Однако миром по-прежнему правят великие державы, государства не перестают вооружаться и, в конечном счете, международные отношения развиваются, говоря словами Р.Арона, «под сенью войны».

Проходят исторические эпохи, века и тысячелетия. Исчезают и появляются новые народы, города и цивилизации. Сменяют друг друга формы политической организации общества, способы и методы правления. Совершенствуется демократия, обогащаются ее принципы. Создаются международные институты и режимы, развивается международное право, появляются элементы глобального управления...

Однако нравственная природа человека и особенно моральное значение

политических действий, фактически, не претерпели существенных изменений.

Обладание превосходящей военной силой по-прежнему вызывает ощущение собственной неуязвимости и подталкивает к ее использованию при малейшем удобном случае. Недавние новации в этой области – «мягкая сила» и «умная сила» (соответственно, *soft power* и *smart power*) не вытесняют из политического оборота «жесткую силу» и не ставят задачу заменить собой изощренные способы и средства прямого физического насилия, а служат все той же цели – увеличению могущества и продвижению державных интересов.

Самые «передовые демократии», претендующие на моральное совершенство, если не на нравственное превосходство, легко оправдывают жестокость собственных действий по отношению к другим государствам и народам некими высшими соображениями и минимальными военными потерями... среди своих представителей. Либеральные демократы проделывают эволюцию от осуждения всякого вооруженного насилия к его применению по любому поводу, который кажется им достаточно значительным.

Жестокость, проявляемая людьми, независимо от их политических взглядов и партийных ориентаций, в современных вооруженных конфликтах, не уступает зверствам тысячелетней давности или средневековья, а новые, изощренные средства насилия делают их еще ужасными, чем прежде.

Международные институты, созданные для предупреждения и умиротворения вооруженных конфликтов, испытывают кризис из-за нежелания великих держав поступиться интересами и изменить свою внешнюю политику. В международном праве война трактуется как «неправомочное действие», но войны продолжаются.

Устные соглашения государственных деятелей (например, по поводу нерасширения военного блока НАТО) без колебаний нарушаются одной из сторон как только другая ослабевает. Юридически обязывающие нормы внешнего суверенитета не соблюдаются, а «гуманитарные интервенции» оборачиваются бомбардировками мирного населения.

Незначительная часть человечества, «золотой миллиард», и даже несколько десятков отдельных индивидов обладают такими богатствами, которых хватило бы на то, чтобы избавить наиболее бедную и нуждающуюся часть населения Земли от голода, низкой продолжительности жизни и детской смертности. Но изменение этой картины даже трудно себе представить. Богатые государства предпочитают ограничиваться сравнительно мелкими подачками на фоне лицемерной демагогии о необходимости увеличения помощи слаборазвитым странам, а с другой стороны – об ответственности этих стран за распространение вооруженных конфликтов.

Поразительные открытия в области нанотехнологии и генной инженерии сулят невиданный прорыв в деле увеличения продолжительности жизни человека и избавления его от тяжелых болезней. Можно, однако, не сомневаться, что это еще больше углубит неравенство возможностей между странами, регионами и отдельными людьми, создавая дополнительные поводы для вооруженных конфликтов.

Следует отметить, что античный историк не оставил нам своего мнения о путях преодоления войны, а тем более – способах достижения длительного и прочного мира. Он видел свою задачу в другом – в точном описании событий, предшествовавших войне, и выявлении на этой основе тех глубинных причин, которые к ней привели.

Но, как известно, знание причин событий дает возможность сознательного влияния на них для предотвращения их неблагоприятного развития в будущем, или же избежания их нежелательных последствий, когда вероятность такого влияния невелика, либо отсутствует.

Связанная с объективными качествами, изначально присущими человеку – такими как агрессивность, корысть и страх – угроза войны, усилившая соображениями интересов, безопасности и престижа государства, по существу, неистребима. И вместе с тем она не фатальна, по крайней мере, в ее наиболее жестоких и разрушительных проявлениях.

Умеренность и осторожность в международной политике; соблюдение договоров и соглашений; сохранение справедливого равновесия сил; отказ от внушающего соседям страх стремления к превосходству в могуществе и от принуждения с этой целью к союзу с собой более слабых; забота о недопущении внутренних распрей и наиболее радикальных (однопартийных) форм государственного правления – вот, собственно, те уроки для сохранения международной безопасности, которые вытекают из анализа Фукидida.

Уже относительно недавние стратегические исследования дополнили этот анализ обоснованием необходимости создания структур коллективной безопасности, подкрепляемых системой международных институтов, совершенствованием международного права, предусматривающего ответственность за нарушение его норм, расширением многообразия и сфер действия международных режимов, усилением мер взаимного доверия между государствами.

Несоблюдение этих правил или же стремление выстроить мирные отношения в международной политике на основе одних только идеалов и представ-

лений о наилучшем общественном устройстве государства и мира всегда приводило к нарушению стабильности и кровавым конфликтам.

«Объединение человечества в единое государство» как путь к преодолению вооруженных конфликтов, а тем самым – к изменению самой сути международных отношений, остается сегодня столь же далекой перспективой, как и много лет назад. А это значит, что анализ древнегреческим историком причин вооруженных конфликтов между государствами остается все еще актуальным.

Можно с уверенностью сказать, что античный мыслитель не ошибся: выдвинутые им два с половиной тысячелетия назад положения, касающиеся проблем международных вооруженных конфликтов, стали серьезным вкладом в теорию международных отношений, не утратившим своего значения и в условиях современной мировой политики.

Поэтому Фукидид имел полное основание сказать: «Быть может изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелаю иметь ясное представление о минувшем, могущем, по свойству человеческой природы, повториться когда-либо в будущем в том же самом или в подобном виде. Мой труд расписан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы быть достоянием навеки» (1, 22, 4).

Примечания

- ¹ Най Дж. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
- ² Давид Д. Война ушедшая, война вернувшаяся. Индивид в стратегических исследованиях // Индивиды в международной политике. Пер. с фр. М.: МПА, 1996. С.185–202.
- ³ Арон Р. Мемуары. М.: Ладомир, 2002. С. 497
- ⁴ Battistella D. Théories des relations internationals. Paris, 2008. P. 46, 52.
- ⁵ Фукидид. История. М.: Ладомир, 1999.
- ⁶ <http://www.greece-info.ru/historygreece/history/pelopones/reasons.html>
- ⁷ Dufour J.-L. Quel avenir pour la guerre? Actualité et perspectives des conflits armés // Le trimestre du monde. 3e trimestre 1996. Dossier Théorie et pratique de la conflictualité dans le relations internationales. P. 26–30.
- ⁸ Паяр К. Возможен ли вечный мир? // <http://magazines.russ.ru/authors/p/payar/>
- ⁹ Най Дж. (мл.). После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. Июль – Сентябрь.
- ¹⁰ Кортунов С.В. Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности. М.: ГУ ВШЭ, 2009. С. 107.
- ¹¹ Attali J. Ligne d'horizon. Fayard, 1990. P.128.
- ¹² Salamé G. Appels d'empire, ingérences et resistances à l'âge de mondialisation. Fayard, 1996. P.106.
- ¹³ Смирнитский С.А. Причины, сущность и проявления кризиса полиса в Элладе http://zhurnal.lib.ru/s/smirnitskij_s_a/history2.shtml
- ¹⁴ Тронский И.М. История античной литературы: Историография // <http://www.sno.pro1.ru/lib/tron/1-2-3-1.htm>
- ¹⁵ Вольский В. Уроки истории: древнегреческий историк об иракской войне // http://volsky.us/archive/historical_truth/lessons_of_history.html
- ¹⁶ Храмцев Д.В. Значение греко-персидских войн // http://zhurnal.lib.ru/h/hramcew_d_w/346.shtml
- ¹⁷ <http://greece-info.ru/historygreece/history/pelopones/reasons.html>

Геополитические особенности российских регионов в межцивилизационном измерении

Эльмира Садыкова

В современный период глобальных изменений перед Россией стоят масштабные задачи, связанные с модернизационными процессами. Необходимость разработки новых механизмов проведения эффективных экономических реформ, активизация терроризма, криминализация различных сфер общественной жизни, миграционные процессы требуют совершенствования государственного управления на федеральном и региональном уровнях.

Политические аспекты приоритетных направлений развития Российского государства определяются, в том числе, укреплением взаимодействия между различными нациями, культурами, конфессиями.

Разнообразие темпов и форм включения этнических общностей в модернизацию тесно связано с культурными и цивилизационными различиями¹.

При этом любые эффективные государственные механизмы реализации его функций должны учитывать цивилизационное измерение безопасности

страны. На региональном уровне это будет способствовать сохранению территориальной целостности России и решению задач социально-экономического развития ее субъектов.

На территории СССР по переписи 1989 г. проживало 128 народов. Согласно данным промежуточной переписи, которая проводилась в Российской Федерации в

САДЫКОВА Эльмира Линаровна – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД России, эксперт Комитета по делам Федерации и региональной политики Государственной Думы Федерального Собрания РФ. E-mail: richone@rambler.ru.

Ключевые слова: цивилизационные факторы безопасности России, геополитические особенности субъектов Российской Федерации, цивилизационный диалог внутри государства.

1994 г., то есть уже после распада союзного государства, эта цифра достигла 176, что само по себе заслуживает внимания².

Внутриполитическая стабильность России во многом зависит от сближения интересов населяющих страну народов, налаживания их всестороннего сотрудничества, проведения ответственной и взвешенной государственной национальной и региональной политики. Комплексный подход к решению этих задач должен составлять основу внутренней государственной политики, обеспечивающей развитие Российской Федерации как многонационального демократического федеративного государства.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. указано:

«Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века – остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отставанию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений»³.

В рамках указанных в стратегии процессов важное значение имели и вопросы внутренней регионализации.

Задачи модернизации российской общественной системы не могут быть успешно решены без учета данного фактора. В новых условиях мирового развития роль внутренних регионов в безопасном существовании государства становится все более весомой.

В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» акцентируется внимание на том, что

переход к устойчивому развитию РФ в целом возможен, только если будет обеспечено устойчивое и безопасное развитие всех регионов. Это залог сохранения и функционирования страны как определенной целостности. Россия продолжает всесторонне реформироваться и новые политические, экономические, социальные и идеологические реалии будут вызывать потребность в дальнейшем уточнении и развитии системы взаимоотношений между субъектами Федерации.

Уникальность положения России на евразийском пространстве свидетельствует о необходимости выработки собственной геостратегической модели, выступающей квинтесценцией различных национальных, культурных, конфессиональных ценностей. Прежде всего, следует отметить влияние географических особенностей российских территорий, расположенных на стыке цивилизаций Запада и Востока.

В культурно-цивилизационном плане Россия граничит с буддистской, исламской и западноевропейской культурными системами. Одни народы и регионы тяготеют в той или иной степени к европейской системе ценностей, другие – к ценностям восточных цивилизаций. Границы Российской Федерации с Китаем на Дальнем Востоке и Финляндией и Норвегией на Северо-Западе являются культурными и политическими рубежами. На Кавказе государственные границы соприкасаются со странами, относящиеся к разным культурным системам⁴.

Произошедший в 1991 г. распад СССР привел к тому, что на месте одной крупной многонациональной страны, возникло сразу 15 новых государств, процесс становления которых продолжается по сей день. У большинства из 83 субъектов Российской Федерации границы совпадают с межгосу-

дарственной, проходящей по морю, суше и рекам. Одни субъекты Российской Федерации унаследовали «старые» границы советского периода, другие имеют «новые», появившиеся в результате распада СССР. В таких субъектах, как Астраханская, Калининградская, Ленинградская области, Краснодарский край, республики Дагестан и Алтай межгосударственные границы представляют собой сочетание «старых» и «новых» границ.

Постсоветское пространство стало одним из серьезных очагов нестабильности на современном этапе развития международных отношений.

Рост этнонационалистических и этносепаратистских настроений, этнические и территориальные конфликты, активизация экстремистских сил и организованной преступности и т.п. создают серьезные проблемы в сфере обеспечения безопасности не только на самом постсоветском пространстве, но и за его пределами. Эффективность мер по противодействию этим негативным тенденциям снижена отсутствием международно-правового оформления статуса границ и недостатками обустройства пограничной инфраструктуры.

Среди приграничных регионов, которые на протяжении своей истории подвергались значительному внешнему воздействию, на наш взгляд, следует выделить для рассмотрения Северо-Кавказский регион, обладающий значительным этнокультурным своеобразием и сложной историей, Дальневосточный регион, крайне удаленный от Центра, но приближенный к государствам иной – восточной цивилизации, а также не имеющей общих границ с основной территорией России, Калининградскую область.

Северный Кавказ – один из наиболее полигэтнических регионов мира – занимает особое место в ряду регионов Российской Федерации.

Геополитическое положение республик Северного Кавказа, расположенных на перекрестке цивилизаций создает для них усложненную систему взаимодействия с исламским и христианским миром, государствами Южного Кавказа и российским Предкавказьем.

В значительной мере этот фактор оказывает влияние на высокую степень конфликтности региона.

Исследователи также обращают внимание на характерные для данного региона активные миграционные процессы, в том числе сменявшие друг друга на протяжении последних десятилетий приток и отток населения из центральных областей России. Рост эмиграции из Северо-Кавказского региона в результате войн и революций XIX и XX вв. привел к образованию в странах Ближнего и Среднего Востока многочисленных и влиятельных диаспор адыгов(черкесов), чеченцев и ряда других северо-кавказских этносов⁵.

Сложные проблемы Северного Кавказа определились еще в советские времена (последствия переселения целых народов, перекройка границ, неравномерное распределение производств). Социально-экономические и этнополитические процессы, начавшиеся в республиках СССР в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия, значительно усилили социальную напряженность на Северном Кавказе и привели к межэтническим конфликтам. Самыми яркими из них стал «чеченский кризис» и осетино-ингушский конфликт 1992 г. С начала 90-х годов прошлого столетия за Северным Кавказом, прочно закрепилась репутация самого конфликтного региона России.

В настоящее время криминогенная обстановка в регионе сохраняется, бандформирования осуществляют вооруженные нападения на места дислокации сил правопорядка, войсковых и милицейских нарядов, а также на раз-

личные объекты, расположенные на приграничной территории.

Периодически происходят террористические акты в Чеченской Республике, обострилась активность террористических групп в Ингушетии и Дагестане. Потенциально опасная обстановка складывается в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

В сложных условиях становления новой российской государственности проблемность Северо-Кавказских регионов в сфере социально-экономического развития и межэтнической конфликтности провоцируется различными экстремистскими силами. Реальная ситуация на южных рубежах Российской Федерации в настоящее время является в значительной степени нестабильной и взрывоопасной.

При определении подходов к решению комплекса рассмотренных проблем на Северном Кавказе, необходимо исходить из следующих основных факторов, которые существенно затрудняют реализацию единой федеральной стратегии в данном регионе:

- низкий уровень социально-экономического развития;
- полигэтничность (более 40 коренных народов и этнических групп);
- поликонфессиональность (ислам, православие, иудаизм, буддизм);
- перенаселенность (самый густонаселенный регион России по числу жителей на 1 кв. км при недостатке равнинных земель);
- проблемы низкой занятости населения;
- неблагоприятная демографическая ситуация (неравномерное заселение, миграционные процессы, проблемы беженцев);
- территориальные споры как внутри субъектов Федерации, так и между ними;
- проблемы сепаратизма, экстремизма и преступности и др.⁶.

В послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации Д.Медведев определил ситуацию на Северном Кавказе как «самую серьезную внутриполитическую проблему страны»⁷.

Другой не менее важной зоной цивилизационного влияния является территория Дальнего Востока. Речь идет, прежде всего, о влиянии Китая, являющегося государством-цивилизацией. Китай – страна, имеющая огромный экономический и демографический потенциал, оказывает существенное влияние на geopolитическую обстановку в Дальневосточном регионе.

Субъекты Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе имеют отличия по размерам территорий, наличию природных ресурсов, уровню социально-экономического развития, численности населения и др. Близость границ, обуславливает и особенности национального состава субъектов Федерации в Дальневосточном федеральном округе.

Так, например, на территории региона проживает около 40 тыс. корейцев, имеющих исторические корни в Республике Корея⁸.

Особо необходимо отметить и проблемы южных приграничных регионов Дальневосточного федерального округа, связанных с трудовой и нелегальной миграцией из Китая.

Этнокультурную специфику во многом определяет наличие центров буддизма в Бурятии и Туве и других субъектах Федерации в зоне проживания коренных народов – алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев и бурятов, протянувшейся по границе России с Казахстаном, Монгoliей и Китаем. В северных регионах Дальневосточного округа большие площади занимают крайне малочисленные коренные народы Севера с их традиционными хозяйствственно-культурными ук-

ладами. Большинство из них находится на грани вымирания.

С учетом геополитических условий рассматриваемых приграничных регионов, обоснованно возникает вопрос о возможных угрозах стратегическим интересам Российской Федерации на Дальнем Востоке и в целом в АТР. Азиатско-Тихоокеанский регион, частью которого является Дальневосточный регион России, является крупным полюсом мировой экономики. Интеграция в экономическое пространство этой важнейшей международной структуры является важным направлением международного сотрудничества России. В этом процессе большая роль отводится развитию экономических отношений России с приграничными странами как на двусторонней основе, так и в рамках международных региональных организаций.

Особого внимания также заслуживает Калининградская область, поскольку она является единственным субъектом Российской Федерации, полностью отделенным от остальной территории страны сухопутными границами иностранных государств Польши и Литвы и международными морскими водами.

Среди этносов, населяющих граничащие территории, можно выделить территориально и духовно близкие к калининградскому: польский и литовский. Следует отметить, что эти этносы уже с начала 90-х годов XX в. после «открытия» области для международных контактов оказывают существенное влияние на развитие калининградского общества⁹.

Из мирового опыта известно, что одной из распространенных причин формирования новых этнических общностей может быть длительный отрыв части этноса от основного этнического массива.

Причины такого отрыва бывают самые различные, в том числе: изменение геополитического положения и госу-

дарственных границ, миграционные процессы и так далее. Все вышеперечисленное присуще с 1990 г. и Калининградской области, которая в результате изменения ее геополитического положения оказалась в отрыве от основной территории России.

Вокруг этого субъекта Российской Федерации появились новые независимые государства, от которых он огражден государственными границами (внешние административные границы области превратились в государственные, что, как известно, характерно для отдельного государства, а не для его составных частей).

Особое геополитическое положение региона играет важную роль в обеспечении национальных интересов России в Балтийском регионе и в Европе в целом. К важнейшим из них можно отнести: обеспечение суверенитета Российской Федерации на данной территории; превращение области в ключевой российский регион по сотрудничеству со странами Балтийского региона и ускоренному развитию внешнеэкономических связей России с другими странами. Данный регион, обладая широкими возможностями для экономического сотрудничества, гуманитарного и культурного, научного и информационного обмена, может способствовать установлению большего доверия и взаимопонимания между Прибалтикой и Россией. Развитие Калининградской области также связано с вопросами интеграции России в стратегическое партнерство со странами Европейского союза.

Сотрудничество в рамках экономических и стратегических интересов стран Балтийского региона может создать прочную основу для региональной и европейской безопасности, в которой занимает определенное место и Калининградская область в силу специфики геополитического положения.

Рассмотренные примеры геополитических особенностей субъектов Российской Федерации показывают, что при исследовании вопросов укрепления национально-государственного единства важную роль имеет фактор геоцивилизационной модели России.

Не противопоставляя российскую цивилизацию иным, важно понимать ее цивилизационное своеобразие.

Оценка места и роли России в межцивилизационном сотрудничестве невозможна без рассмотрения проблем внутрицивилизационного диалога в России. Акцент на «единство разнообразия» как фундаментальной характеристики полигетничной и многоконфессиональной российской цивилизации позволяет говорить об уникальной идентичности России.

Одновременно следует подчеркнуть и проявление двух тенденций в межцивилизационных отношениях в мире: сближение, взаимопроникновение и дистанцирование, враждебность, противостояние. Важно, что субъекты Российской Федерации, входящие в состав единого государства, одновременно являются неотъемлемыми составляющими нескольких региональных цивилизационных сообществ – Европы, Исламского мира, Центральной Азии, АТР и могут в значительной степени укреплять геополитическое влияние страны. С другой стороны важно, чтобы развитие международных связей российских регионов осуществлялось в контексте единой внутренней и внешней политики России и развития межцивилизационного диалога как вне, так и внутри страны.

Примечания

- ¹ Бойко Ю.П. Основы нациогосударственного строительства: мировой опыт и российские реалии. В 2 томах. 2-е изд., переработ. и доп. Том II. Россия. М.: Восток–Запад, 2009. С. 408.
- ² Народы России. Энциклопедия. М.: РОСМЭН, 2008. Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 433–435.
- ³ Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. // <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml>
- ⁴ Вардомский Л.Б., Скатерщикова Е.Е. Внешнеэкономическая деятельность регионов России.-М.: АРКТИ, 2002. С. 9.
- ⁵ Северный Кавказ: проблемы экономики и политики. М.: изд. ЛКИ, 2008. С. 5.
- ⁶ Бойко Ю.П. Садыкова Э.Л. Проблемы обеспечения национальной безопасности в сфере международных и внешнеэкономических связей регионов России. М.: ООО «ИПЦ Маска», 2009. С. 73.
- ⁷ Послание Президента РФ Д.Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>
- ⁸ Роль Сахалинской области в развитии отношений российского Дальнего Востока со странами АТР.Сила. Общественно-политический журнал / www.siaa.ru/?pg=10&id=1741&hd=9
- ⁹ <http://kaliningradexpert.ru/node/523>

«Битва за Кавказ» Михаила Александрова: в ожидании новых баталий

Андрей Арешев

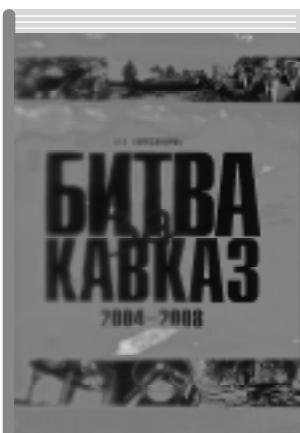
Сборник статей, докладов, интервью Михаила Александрова*, занимавшего в 2003–2010 гг. должность заведующего отделом Кавказа Института стран СНГ, является в отечественной политологической литературе во многом уникальным явлением. Без преувеличения можно сказать, что ее стоит рекомендовать к обязательному прочтению не только студентам, журналистам и политологам, специализирующимся на проблематике Южного Кавказа, но и всем тем, кто стремится получить адекватные представления о внешнеполитической деятельности как та-ковой, о том, какими последствиями может обернуться излишние романтические заблуждения в «большой политике».

Книга представляет собой сборник материалов, подготовленных автором по проблематике Южного Кавказа в

2004–2008 гг., которые стали периодом наиболее острого противоборства между Россией и Западом на пространстве между Черным морем и Каспием.

Несколько слов о структуре работы. Примерно половину книги составляют статьи, публичные выступления и интервью автора; остальная часть включает не публиковавшиеся ранее аналитические материалы, докладные записки и отчеты о международных конференциях и круглых столах, которые, как известно, являются крайне интересной для любого исследователя составляющей внешнеполитической «кухни». Все материалы систематизированы как в хронологическом, так и в «страновом» отношении, что делает работу очень удобной в восприятии.

Кавказ на протяжении столетий привлекал к себе внимание «великих держав», являясь средоточием, одним

АРЕШЕВ Андрей Григорьевич – заместитель Генерального директора Фонда стратегической культуры. E-mail: pravo5@zmail.ru

Ключевые слова: Закавказье, Южный Кавказ, Запад, НАТО, Грузия, Армения, Азербайджан, конфликты, рецензия, Александров.

из чувствительных узлов не только региональной, но и мировой политики. Хронологические рамки работы Михаила Александрова включают период 2004–2008 гг., когда на Южном Кавказе развернулось «жесткое геополитическое противоборство между Россией и Западом, которое временами принимало характер вооруженной конфронтации» (с. 12).

Вспомним, вслед за автором, основные вехи этого противоборства: «розовая революция» в Грузии с бездарной сдачей Аджарии сменилось «малой войной» весны и лета 2004 г. в Южной Осетии, в которой грузинская армия, начавшая получать широкомасштабную помощь западных спонсоров, тем не менее, потерпела неудачу в столкновениях с осетинскими формированиями при нейтралитете миротворческого контингента. Нейтралитет этот, заметим несколько забегая вперед, сполна показал свою несостоятельность в августе 2008 г., а развалины городка российских миротворцев на границе между Цхинвалом и грузинскими Никози являются страшным свидетельством тому, что, помимо красиво оформленных мандатов, миротворческие силы должны опираться на четко и недвусмысленную волю государства не на словах, а на деле заинтересованных в недопущении масштабного кровопролития.

Впрочем, осознание этого придет спустя два года, а уже в сентябре 2004 г. грянул кровавый теракт в Беслане, ставший своеобразной платой осетинского народа за отражение летней грузинской агрессии и организованный «не без участия западных спецслужб» (с. 19). Беслан – это уже не Южный, а Северный Кавказ, что лишний раз подчеркивает геополитическое единство региона, формально разделенного государственной границей по Большому Кавказскому хребту.

Далее последовал больше похожий на бегство вывод российских баз из Грузии (в том числе из армянского Ахалкалака), форсированная милитаризация Грузии. Затем – вторжение подконтрольных Саакашвили формирований в Кодорское ущелье Абхазии (2006 г.) и организованный западными «партнерами» косовский прецедент, ставший вызовом для российской политики, прежде всего, на Кавказском направлении.

Финалом очередного этапа «битвы за Кавказ» стала «пятидневная война» вокруг Южной Осетии, завершившаяся поражением грузинской армии и официальным признанием Россией, несмотря на ожесточенное внешнее противодействие и немалое внутреннее сопротивление, Южной Осетии и Абхазии в качестве независимых государств.

Автор, являющийся последовательным сторонником расширения и укрепления российско-абхазских и российско-юго-осетинских связей, признает, что «перед самым началом агрессии и в первые ее часы... испытывал серьезное беспокойство по поводу решимости российских властей дать адекватный отпор грузинскому нападению» (с. 25). Дело в том, что отличительной чертой российско-грузинских отношений в течение всего предшествующего периода была непоследовательная позиция Кремля, проводившего, по сути, «политику умиротворения агрессора».

Боязнь вызвать очередные нарекания Запада (в которых, впрочем, не было недостатка в любом случае), российские власти вольно или невольно подталкивали Тбилиси к более решительным действиям.

В работе М.Александрова рассматриваются различные варианты развития событий в проблемных регионах Грузии, и поныне сохраняющих немалый конфликтогенный потенциал (в

частности, в Джавахетии). Многое, конечно, было упущено, однако рассмотрение несбыившихся сценариев и вариантов представляет собой не только сугубо академический интерес.

Восстановление боевого потенциала Грузии по-прежнему способно обернуться новой вспышкой военных действий, а действия Вашингтона в регионе, как представляется, в значительной степени воспроизводят подходы предшествующей администрации.

Рецензируемая книга незаменима для тех, кто стремится анализировать события согласно их последовательности и четкой логической увязке. Например, «повестку дня» министра обороны США, посетившего Баку в 2004 г., как представляется, можно спроектировать на недавний визит в столицу его преемника Роберта Гейтса, представляющего объявившего «перезагрузку» с Москвой администрацию Обамы.

«В ходе визита министра обороны США Рамсфельда в Баку обсуждался вопрос о создании там американской станции контроля над морским пространством Каспия, по которому идут основные перевозки из России... такая станция вполне пригодна для электронной разведки и могла бы быть использована для сбора информации на территории Северного Ирана, да и на территории России... в случае войны с Ираном, США могли бы использовать такую станцию для наведения на цель средств воздушного нападения» (с. 34).

А «стратегия взаимодействия» с «временно утраченными» Южной Осетией и Абхазией, принятая недавно официальным Тбилиси, позволяет вспомнить стратегию «гуманитарной интервенции», которую грузинское руководство попыталось применить в Южной Осетии в 2004 г. после покорения Аджарии (с. 211–213).

Шумные «гуманитарные» акции, как известно, закономерно сменились вначале «малой», а спустя несколько лет – и «большой» войной...

Работа М.Александрова на основании множества конкретных фактов и эпизодов представляет свободную от наивных и вредных иллюзий картину событий, и в этом ее огромная ценность.

В центре внимания автора – «большая игра» «великих держав» на Кавказе, которая не прекращалась никогда – ни в царские, ни в советские времена.

Накануне и после раз渲ала СССР эта увлекательная для некоторых забава приняла особенно драматичные формы, сделав своими заложниками миллионы людей. Американские, британские и иные политические «проектанты» никогда не утруждали себя, определяя свои подходы не только к Кавказу (как и к любому другому региону) излишними условностями, что ярко, проявилось, например, в деятельности Строуба Тэлбота, определившего вектор политики США на Кавказе на долгие годы. Это дополнительно актуализирует вопрос о разработке самостоятельной стратегии России на кавказском направлении, которая имела бы не реактивный характер.

Так, более чем вероятным представляется наращивание политico-дипломатических усилий США и ЕС, направленных на максимальное дистанцирование Абхазии от России¹. Последовательно разыгрываемая «черкесская карта» является элементом стратегии западного альянса, который «приобретает все более отчетливые очертания... зажатая в корсет этнических конфликтов, Россия будет просто не в состоянии влиять на мировую политику в других регионах, противостоять американскому гегемонизму и даже полноценно отстаивать свои экономические интересы» (C. 35).

Грузии посвящена основная часть подготовленного М.Александровым сборника, и это совершенно оправданно.

После свергнувшей недостаточно «понятливого» Шеварднадзе «розовой революции» эта страна сознательно предложила себя в качестве «тарана, призванного взломать сложившееся на Южном Кавказе статус-кво и вытеснить Россию из региона» (с. 16).

Однако Армения и Азербайджан также в полной мере вовлечены в разворачивающиеся в регионе геополитические интриги. Специфический интерес к урегулированию карабахского конфликта проявляет себя чем дальше, тем явственнее, будучи подкреплен вооруженными провокациями на линии соприкосновения сторон.

«Стержнем западной политики в отношении Армении стал курс на разрушение военного союза между Москвой и Ереваном. Это позволило бы вывести Армению из-под военных гарантит России, сделать ее беззащитной, а затем продиктовать условия нагорно-карабахского урегулирования, устраивающие Азербайджан» (с. 28).

Надо признать, эта линия проводится достаточно грамотно с применением самого широкого арсенала средств, и пропаганда «евро-атлантических ценностей» занимает в этом арсенале не последнее место, равно как и попытки «цветных переворотов», которые предпринимались в разное время как в Армении, так и в Азербайджане.

После августа 2008 г. ситуация на Кавказе коренным образом изменилась, однако появились новые вызовы. Проходят трудный и подчас небезболезненный период становления отношения России с признанными ею молодыми государствами Кавказа, потенциально взрывоопасной остается ситуация вокруг Нагорного Карабаха, в полной мере дают о себе знать тенден-

ции этнического обособления на Северном Кавказе, народы которого связанны с жителями южной его части тысячами зримых и незримых связей.

Несмотря на амбициозные экономические проекты, многие политические разногласия Москвы и Анкары вряд ли легко преодолимы, а отношения с Тегераном, потенциально имеющим существенные рычаги влияния на Кавказе, серьезно подпорчены в угоду велеречивым лозунгам «перезагрузки». В одном из интервью Михаил Александров называет себя «политическим реалистом», живущим «не в иллюзорном мире» (с. 397).

Думается, что реализм является одним из основополагающих принципов, опираясь на которые следует определять ориентиры внешнеполитического курса, и прежде всего – на постсоветском пространстве.

Давняя и недавняя история показывают, что забвение собственных интересов, постоянная оглядка на чужого «дядю» никаких дивидендов не приносит – напротив, подобные подходы могут привести, как минимум, к дипломатической изоляции, чреватой гораздо более серьезными последствиями.

Соответственно, такой внешнеполитический курс имеет весьма мало общего с задачами модернизации российской экономики, какими бы витиеватыми формулировками не пытались прикрыть эту очевидную истину. Именно поэтому насыщенная фактами и оценками, в чем-то дискуссионная и нацеленная в будущее крайне интересная книга Михаила Александрова представляет собой блестящее пособие по обретению политического реализма.

Александров М. Битва за Кавказ. Институт стран СНГ в борьбе за национальные интересы России на Южном Кавказе. М.: Институт стран СНГ, 2010. – 679 с.

Защита прав человека

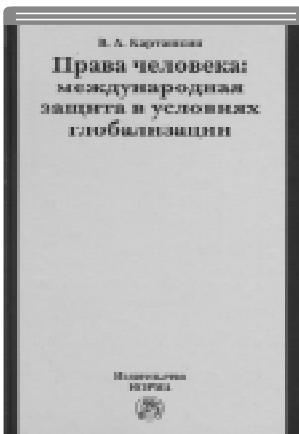
Александр Берков

Издание книги известного российского юриста-международника и дипломата, доктора юридических наук, профессора Карташкина В.А. «Права человека: международная защита в условиях глобализации» – значительное событие в юридической жизни страны. Эта книга, как это нередко происходит в последнее время, не носит описательного характера, а характеризуется интересными выводами и предложениями, имеющими важное теоретическое и практическое значение. При этом автор опирается на свой богатый научный, преподавательский и дипломатический опыт, а также на многолетнюю работу в Организации Объединенных Наций.

В рецензируемой книге затрагивается широкий круг вопросов: становление принципов и норм международно-

го права по правам человека от Вестфальского мира до Устава ООН, их изменение и развитие в процессе глобализации. Значительное место уделяется роли Организации Объединенных Наций и регионального сотрудничества в рассматриваемой сфере, а также реформированию правозащитного механизма в современном мире. Проводя различие между международными деликтами, Карташкин В.А. подробно анализирует правомерность применения силы против преступных нарушений прав человека. Опираясь

на свой богатый опыт, автор в заключительной главе рассматривает процесс разработки и принятия новых международных соглашений по правам человека в глобализирующем мире и предлагает целый ряд мер, направленных на совершенствование и активиза-

БЕРКОВ Александр Александрович – кандидат юридических наук, член правления Российской ассоциации содействия ООН. Тел.: (495)146-65-65.

Ключевые слова: права человека, комитет по правам человека, суверенитет, внутренняя юрисдикция, универсальное сотрудничество, международные договоры, глобализация, международные преступления.

цию деятельности государств в этой сфере.

С особым интересом читаются рассуждения В.А. Карташкина по тем вопросам, которые не получили однозначного толкования в современной науке международного права. Многие из них имеют как теоретическое, так и практическое значение. В этой связи следует особо остановиться на рассуждениях автора о суверенитете в современном мире. Он убедительно критикует тех ученых и государственных деятелей, которые абсолютизируют принцип государственного суверенитета, ссылаясь на догмы Вестфальской системы, отрицают примат международного права и прямое действие его норм. Подобные утверждения принципиально расходятся с практикой международных отношений. Автор справедливо пишет, что суверенитет государства в современных международных отношениях подвергается серьезным ограничениям в тех случаях, когда государство добровольно принимает на себя определенные международные обязательства; когда государство становится участником двустороннего или многостороннего договора; когда государство вступает в ту или иную международную организацию, принимая на себя соответствующие обязательства; когда международными универсальными или региональными организациями принимаются решения, имеющие обязательную силу для его членов; когда государство признает верховенство международных норм над национальным законодательством.

Это далеко не полный перечень ограничений суверенитета государств, налагаемый международным правом на государства.

В книге подчеркивается, что еще сравнительно недавно, в начале XX в., права человека регулировались фактически исключительно внутригосудар-

ственным правом. Законодательство каждой страны закрепляло правовое положение личности, считая это своей внутренней компетенцией. «С принятием Устава ООН, – пишет автор, – положение коренным образом изменилось и начался принципиально новый этап в развитии сотрудничества государств в сфере прав человека и ограничений в данном контексте государственного суверенитета».

Этот процесс усилился особенно интенсивно после принятия Всеобщей декларации прав человека и Пактов о правах человека.

В настоящее время уже в соответствии с 9 международными договорами в сфере прав человека действуют 9 конвенционных органов по контролю за выполнением государствами взятых на себя обязательств. Более того, в соответствии с решением Совета ООН по правам человека от 18 июня 2007 г. действует процедура так называемого Универсального периодического обзора. Согласно этой процедуре, Совет, в отличие от конвенционных органов, рассматривает доклады не только государств-участников тех или иных международных соглашений, а всех государств-членов ООН, вынося в их адрес соответствующие рекомендации.

Ныне область прав человека простирается далеко за пределы национальных границ и регулируется как внутригосударственным, так и международным правом. Более того, сейчас говорят не только о суверенитете государств, но и о суверенитете индивида, понимая под ним основные права и свободы каждой отдельной личности, которые защищаются как межнациональными, так и международными нормами. Индивид ныне получил прямой доступ в международные органы, некоторые из которых выносят по их жалобам обязательные для государств решения.

В своей работе автор подробно разбирает различные точки зрения относительно существования двух отраслей права: международного гуманитарного права (МГП) и международного права прав человека (МППЧ). Анализ этих утверждений, как и рассмотрение практики международных отношений, позволяет В.А.Карташкину сделать, на наш взгляд, правильный вывод о том, что МГП И МППЧ позитивно взаимодействуют друг с другом, постепенно интегрируясь в одну отрасль права – международное право прав человека (с.58). Он определяет эту отрасль права как «совокупность принципов и норм, определяющих обязанность государств по обеспечению и соблюдению основных прав и свобод человека без всякой дискриминации как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов, а также устанавливающих ответственность за преступное нарушение таких прав» (с. 53).

Данная отрасль права занимает особое место среди других отраслей права, определяемое спецификой объекта и характерными чертами метода правового регулирования, тесной связью с внутригосударственным правом, значением в системе современных международных отношений и многими другими особенностями. Характерная черта этой отрасли права – создание и функционирование международного механизма, осуществляющего контроль за воплощением в жизнь обязательств государств в сфере прав человека.

В монографии подробно анализируется функционирование этого механизма, система которого состоит из двух основных подсистем. *Первая* это органы действующие на основании Устава ООН и принятых ею решений. *Вторая* – это 9 конвенционных органов, учрежденных на основании основных международных договоров в сфере прав человека.

Автор не только подробно описывает их полномочия и деятельность, но и предлагает с учетом своего богатого теоретического и практического опыта конкретные меры по их реформированию и рационализации повседневной деятельности.

Значительное место в рецензируемой работе посвящено изложению вопросов, относящих к применению силы и иных мер против преступных нарушений прав человека. Автор справедливо считает, что принцип неприменения силы, закрепленный в современной международном праве и являющийся общепризнанным, вовсе не означает противоправность использования силы для пресечения преступных нарушений прав человека Агрессия, колониализм и порабощение других народов, внутренние вооруженные конфликты, диктаторские режимы, политика геноцида и апартеида, рабство и принудительный труд и другие преступные действия ведут к массовым и грубым нарушениям фундаментальных прав и свобод, ставят под угрозу всеобщий мир и безопасность. Поэтому международное сообщество не может и не должно оставаться безучастным к подобным актам. Одна из глав монографии посвящена исследованию противоправности преступных нарушений прав человека и мер, принимаемых международным сообществом, для их пресечения (с. 186–224). В заключение этой главы автор подробно останавливается на гуманитарной интервенции и исследует различные точки зрения, высказываемые учеными и государственными деятелями. В.А.Карташкин, выступая в целом против применения гуманитарной интервенции, считает, что единственным исключением из этого правила могут быть силовые акции государства для действительного спасения своих граждан, находящихся на территории

иностранных государств (с. 230). Глобализация и развитие современных международных отношений привели к тому, что права человека простираются за пределы национальных границ и регулируются не только законодательством государств, но и международным правом.

В заключительной пятой главе исследуется разработка новых международных соглашений по правам человека и их значение для международной защиты прав личности. В этой связи анализируется недавно принятая Международная Конвенция ООН для защиты всех лиц от насильственных исчезновений и Конвенция о правах инвалидов. Значительное место в этой главе уделяется недостаточно разработанным вопросам, относящимся к защите часто нарушаемых прав неграждан. В.А.Карташкин считает, что давно назрела задача принятия декларации о правах неграждан, а на ее основе следует затем разработать и одобрить одноименную конвенцию.

В книге анализируются не только универсальные, но и региональные механизмы защиты прав человека – европейская, межамериканская, африканская.

Как пишет автор, в глобализирующем мире универсальные и региональные механизмы защиты прав человека должны дополнять друг друга и функционировать повсеместно. Совершенствование их правозащитной деятельности даст позитивный импульс процессам глобализации и позволит минимизировать их негативные последствия.

Рассматривая широкий круг вопросов, относящихся к правам человека, автор, к сожалению, не исследует международную правосубъектность индивида, отмечая лишь, что он обладает

правосубъектностью (с. 132 и другие). Эта проблема В.А.Карташкиным анализировалась в его книге «Права человека в международном и внутригосударственном праве», изданной еще в 1995 г. (с. 100–130). Кстати, он был одним из первых советских ученых, который признал за индивидом ограниченную международную правосубъектность. В.А.Карташкин отмечал, что субъект международного права «это носитель международных прав и обязанностей, который участвует в международных правоотношениях, в создании норм и принципов международного права и несет ответственность за их нарушение» (с. 101 этой книги). Индивид обладает, по его мнению, всеми этими свойствами за исключением участия в создании принципов и норм международного права. Поэтому он является субъектом международного права с ограниченной правосубъектностью. Было бы интересно узнать, изменились ли за эти годы взгляды автора новой книги, какое развитие получила международная правосубъектность индивида? Рецензируемая книга не отвечает на эти вопросы, хотя и содержит целый ряд интересных рассуждений В.А.Карташкиным на положение индивида в современном международном праве.

Книга «Права человека: международная защита прав человека» с интересом встречена не только учеными, преподавателями, дипломатами и студентам, но и широким кругом читателей. Несомненно, что в скором времени она станет библиографической редкостью.

Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма. 2009 г. – 285 с.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@nasled.ru или представляется на диске в программе Word вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть структурирован.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, учченую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присыпаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (ученого подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>

Обозреватель–Observer № 8, 2010

Peculiarities of Modern Russian Modernization

Y.Plyays

The article tells about the peculiarities of modern russian modernization and the role of internal and external factors in ist realization.

Key words: modern russian modernization, internal and external factors.

About the authors: PLYAYS Yakov – doctor of history and doctor of political science, professor, head of chair of political science of the Finance Academy under the Government of Russian Federation.

Fighting Terrorism in the 21st Century

V.Sobolev

On the basis of facts the article reveals ideology and practice of modern terrorism and discusses issues of the transnational financing of terrorism and ideological struggle against terrorism as well as measures and the state's efforts to fight terrorism and ensure Russia's anti-terrorism security.

Key words: cells, conflicts, terrorism, cyberterrorism, political demands, the Antiterrorist Convention.

About the authors: SOBOLEV Valentin Alexeevich – Deputy Secretary of the Security Council of the Russian Federation.

Suicide bombers, what can we do against it?

V.Zhuravel

The terrorism becomes a lasting and dangerous factor of social life. It remains the biggest threat for humanity during the XXI-st Century. Statistics and geography of terrorist displays testify about it. The complexity of these processes is ostensibly testified in Russia, especially in the Northern Caucasus. Last time international terrorist organisations use suicide bombers. Preparing and practice using of «suicide bombers» have a some specific forms.

Key words: Modern terrorism, strategic and tactics of terrorists, Russia, the North Caucasus, «suicide bombers», Moscow, Kizlyar, system of preparing and using terrorists, measures against using «suicide bombers».

About the authors: ZHURAVEL Valery – Member of Advisory Council of Committee on Security State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, PhD of pedagogical sciences, the senior lecturer, winner of award «Journalists against terror'2008».

Social sphere as an object of national security

V.Makarov

The article notes that the success of the modernization of the country under present conditions is impossible without taking into account social factors reform. Therefore it is important today to understand the social aspects that determine the national security. In this case the social sphere acts as an object of national security. Ensuring national security is directly related to the fact that society is objectively interested in the fact that the state and development of social sphere served as the rise of identity, the adoption of social partnership and inter-ethnic harmony and civil peace.

Key words: social issues, society, social security, quality and standard of living, development indicators.

About the authors: MAKAROV Vladimir Evgenievich – candidate of military sciences, professor of the department of social technologies of the Russian State Social University.

About New Strategic Concept for NATO

V.Shtol

On the 17 of May, 2010 a group of experts presented NATO Council a memorandum with analysis and recommendations on a new Strategic concept for NATO «NATO 2020: assured security; dynamic engagement».

This article deals with the recommendation of this group of experts on further transformation of NATO military capabilities, stepping up its military potential including increasing capabilities for armed intervention in the regions, which are many thousand kilometers away from NATO.

Key words: new strategic concept, military transformation, military potential, NATO Response Force, Special Operations Forces.

About the authors: SHTOL Vladimir Vladimirovich – doctor of political sciences, professor.

Balkans – the Achilles' heel of Euro-Atlantic security (15-th anniversary of the Dayton Accords)

Abashidze A.H, Solntsev A.M.

In 1995 on the U.S. military base were signed the Dayton Accords, which determined the peace and security of the Balkans. At the same time the UN and the European institutions tacitly agreed with the proposed U.S. new paradigm for the European region. After nearly 15 years, the European Court of Human Rights found that the Constitution of Bosnia and Herzegovina, part of the Dayton Accords, is contrary to international law.

Key words: Euro-Atlantic security, the Dayton Agreement, the Balkans, the European Court's case «Seđić and Finci v. Bosnia and Herzegovina».

About the authors: ABASHIDZE Aslan, professor PFUR and MGIMO (University), Doctor of Law, member of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights.

SOLNTSEV Alexander – Associate Professor PFUR, PhD.

The 2009 FRG Bundestag Elections

Mattes Bube (FRG)

This article analises the elections to the German Bundestag in autumn of 2009 in connection with the party system of FRG. The conclusion of the article gives a survey of development of the german-russian relations in the comming years.

Key words: FRG Bundestag, 2009 elections, parties, party system.

About the authors: BUBE Mattes (FRG) – doctor of political science, doctor of honour of the Finance Academy under the Government of Russian Federation.

Vietnam on the eve of important decisions

G.Lokshin

Grigoriy M. Lokshin in his article gives the picture of the actual internal and international situation of Vietnam on the eve of the XI Congress of its ruling Communist Party. He adresses to the greate achievements of 30 years of its politic of openness and renovation and to main challenges it faces now. In general the author chaires the opinion that the socialist Vietnam is slowly but surely evaluating towards the well known in the East Asia type of political system successfelly realised in Syngapour.

Key words: The XI Congress of CPV, policy of openness and renovation, one-party rule, political stability, integration into the global economie.

About the authors: LOKSHIN Grigoriy M. – phd. Senior research fellow of the Center of Vietnam and ASEAN studies of the Institute of Far East Studies of RAS, secretary general of the International Institute for Peace in Vienna.

Brasilian way of privatization: from debt repayment to the country's energy independence

I.Mamiy, S.Kojanova

The article analyzes the methods of ownership relations changing in Brazil since 1991. During the first ten years of reform, privatization has brought the state about 90 billion U.S. dollars and more than 18 billion in the form of transfer of government debt. Positive results of the Brazilian privatization is the largest one in the world. In the first phase of reforms the main aim was solving the problems of the agricultural sector. Action against hunger was seen as a condition of national security and as a major goal of socio-economic progress. Privatization as a part of economic reforms and suspended political steps provided the recovery and modernization of the economy. The programs of state enterprises privatization gradually transformed into reforming the energy sector. Currently Brazil is not only independent from hydrocarbons import, but also going to become the largest exporter of oil products.

Key words: Transformation of government property, modernization, energy, energy crisis, the auctions, the fight against hunger, currency privatization, lost decade, Brazil's energy sector.

About the authors: MAMIY Irina P. – Ph.D.(in economics) The statistics chair Economic Faculty Moscow State University name after M.V.Lomonosov.
KOJANOVA Svetlana – Provost Institute of a fashion, design and technologies.

Historical realism of Thucydides about war problem

P.Tcygankov

Main events in the world politics teach us that remaining forces behind them are traditional interests of the state. Therefore, the intellectual legacy of the ancient thinker, the founder of historical realism Thucydides remains as important as ever. Some of Thucydides' lessons for international security include cautions and moderation in world politics; commitment to concluded treaties and agreements; preservation of equal balance of power; refusal to gain the preponderance of power at the expense of fear of neighbors or coercion of the weak into alliances with the strong; and concern for preventing internal instability or a system of extreme (single-party) rule.

Key words: thucydides, historical realism, causes of war, human nature, theories of international relations, world politics

About the authors: TSYGANKOV Pavel Afanasyi – PhD Political in Science, Professor, Department of Political Science, Moscow State University.

Geopolitical features of Russian regions in the measurement of inter-civilization

A.Sadikova

The article deals with the problems of Russian regions in the context of inter-civilizational dialogue in the multi-ethnic and multi-religious Russia. The author examines the impact of geopolitical characteristics of the Russian regions in the country's participation in the modern dialogue of civilizations.

The article shows the importance of civilizational dialogue within the state as an important catalytic factor in the stability of Russia and strengthen its leading role in cooperation between civilizations in an era of global transformation.

Key words: civilizational factors of Russia's security, geopolitical features of the Russian Federation, civilizational dialogue within the state.

About the authors: SADIKOVA Almira Linarovna – PhD in Law, Head of State and Law of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, the expert of the Committee on Federation Affairs and Regional Policy of the State Duma of the Federal Assembly of Russia.

«The Battle of the Caucasus» by Mikhail Alexandrov in the Anticipation of New Battles

A.Areshev

A detailed review of the book by the Division Head of the Institute of CIS Countries, Dr. Mikhail Alexandrov about the struggle between Russia and the West in

the South Caucasus in 2004-2008. The reviewer examines the structure of the book, evaluates the quality of the presented materials, analyses the main conclusions of the author concerning the NATO strategy in the Transcaucasia, international situation of Georgia, Armenia and Azerbaijan, Russian interests in the region and Moscow's policies the conflict zones of the South Caucasus. Agreeing in general with the position of the author, the reviewer does not limit himself to stating the facts but expresses his own original view on some key problems of the region.

Key words: Transcaucasia, South Caucasus, the West, NATO, Georgia, Armenia, Azerbaijan, conflicts, review, Alexandrov

About the author: ARESHEV Andrei – Deputy General Director of the Strategic Culture Foundation, author of works on acute security problems in the Caucasus.

International protection of human rights in globalizing world

A.Berkov

The processes of globalization occurring in the modern world have exerted a significant impact on international protection of human rights. The second half of the twentieth and beginning of the twenty first centuries is characterized by the adoption of basic international human rights treaties and the creation of a number of international organs some of which adopt decisions bundling upon States. The sovereignty of States is thereby limited and the boundaries of their domestic jurisdiction narrowed.

The growing significance of international regulations of the rights of the individual does not mean that the role of the state in matters of the protection of human rights has been moved to the second plane. Under conditions of globalization the role of States becomes significantly more complex.

These problems are being considered in the book.

Chairman of the Russian□s Presidential Commission on Human Rights (1996–2002); member of the UN Subcommission for Promotion and Protection of Human Rights (1998–2006); member of the UN Advisory Committee on Human Rights (since 2008 ...) member of Executive Committee of Russian Association of International Law (since 1985).

Key words: human rights, Committee on Human Rights, sovereignty, internal jurisdiction, universal cooperation, international treaties, globalization, international crimes.

About the authors: BERKOV Aleksandr Aleksandrovich – United Nations Association of Russia.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200. Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093. Подписной индекс **36789** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
Подписано в печать 19.08.2010. Формат 70x100 1/16. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 184.